ISSN 2073-6304

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Экономика.
Управление. Право»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

"Economics.
Management. Law"
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2021

RSUH/RGGU BULLETIN. "Economics. Management. Law" Series

Academic Journal

There are 4 issues of the printed version of the journal a year.

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Economics. Management. Law" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

08.00.00 Economics:
08.00.01 Economic theory
08.00.05 Economics and management of national economy
08.00.10 Finance, money circulation and credit
08.00.14 World economics

12.00.00 Jurisprudence:
12.00.03 Civil law, Business law, Family law
12.00.04 Financial law, Tax law, Budget law International private law
12.00.10 International law, European law

Objectives and scope

The purpose of the journal is the dissemination and popularization of modern economic and legal knowledge, the publication of the results of relevant scientific research in the field of management, economics and law.

The main task of the journal is to become an effective means of communication between university and academic science, education and the professional community on a wide range of the most important socio-economic and legal problems of the development of regions, the country and the world.

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61880 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – reg. No. FS77-73407 of 03.08.2018

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993
tel: +7 (499) 973-40-96
e-mail: ynic2010@mail.ru

© RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series, 2021

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

08.00.00 Экономика:
08.00.01 Экономическая теория
08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством
08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.14 Мировая экономика

12.00.00 Юриспруденция:
12.00.03 Гражданское право, Предпринимательское право, Семейное право
12.00.04 Финансовое право, Налоговое право, Бюджетное право, Международное частное право
12.00.10 Международное право, Европейское право

Цели и область

Цель журнала – распространение и популяризация современных экономических и юридических знаний, публикация результатов актуальных научных исследований в области управления, экономики и права.

Главная задача журнала – стать эффективным средством коммуникации между университетской и академической наукой, образованием и профессиональным сообществом по широкому кругу важнейших социально-экономических и правовых проблем развития регионов, страны и мира.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61880 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73407 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6
Тел: +7 (499) 973-40-96
электронный адрес: ynic2010@mail.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2021

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

N.I. Arkhipova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*the first deputy editor-in-chief*)
S.N. Bolshakov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
V.N. Nezamaikin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
S.V. Timofeev, Dr. of Sci. (Law), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)
L.B. Sadovnikova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, WSG University, Poznan, Poland
Veliko I. Zhekov, Dr. of Sci. (Economics), professor, Institute of Stimulation of Economics, Varna, Bulgaria
P.I. Tolmachev, Dr. of Sci. (Economics), professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
V.M. Tumin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation
O.A. Rouzakova, Dr. of Sci. (Law), professor, Committee apparatus of State Duma of the Russian Federation for state building and legislature, Moscow, Russian Federation
I.I. Rodionov, Dr. of Sci. (Economics), professor, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation
K.V. Ekimova, Dr. of Sci. (Economics), professor, State University of Management, Moscow, Russian Federation
T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary of the series*)

Executive editors

E.V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH
T.M. Alieva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, RSUH (*executive secretary of the series*)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Н.И. Архипова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*первый заместитель главного редактора*)

С.Н. Большаков, доктор экономических наук, профессор, АГОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина», Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

В.Н. Незамайкин, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.В. Тимофеев, доктор юридических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Л.Б. Садовникова, доктор психологических наук, профессор, Высшая школа экономики, Познань, Польша

Жеков Велико Иванов, доктор экономических наук, профессор, Институт стимулирования экономики, Варна, Болгария

П.И. Толмачев, доктор экономических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Российская Федерация

В.М. Тумин, доктор экономических наук, профессор, Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

О.А. Рузакова, доктор юридических наук, профессор, Комитет Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству, Москва, Российская Федерация

И.И. Родионов, доктор экономических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

К.В. Екимова, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь серии*)

Ответственные за выпуск

Е.В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, РГГУ

Т.М. Алиева, кандидат экономических наук, доцент, РГГУ
(*ответственный секретарь серии*)

CONTENTS

Management

Valentin Ya. Afanas'ev, Sergei V. Mishcheryakov, Dmitrii V. Podol'skii
Network-centric approach to managing the market entities in the context of the digital transformation of the electric power industry 8

Tat'yana B. Ryzhkova, Elena A. Tarasenko
Caring for health and well-being. Changing consumer trends in the context of the COVID-19 pandemic 24

Lyudmila L. Kalinina
Overcoming poverty as a priority in managing the country's social development 38

Economy

Valerii M. Tumin, Petr A. Kostromin, Valerii V. Tumin
About projects, project activities and their role in the economy of enterprises 46

Vil'gel'mina V. Glazunova
Sustainability of macroeconomic dynamics. System of indicators and assessment technique 62

Alla B. Sekacheva
Investment policy of Poland in the context of trade and economic cooperation with the Russian Federation 81

Natal'ya Yu. Sopilko, Olga Yu. Myasnikova
Ecological and economic approach to secondary biomaterials usage in the context of sustainable development 97

Elena V. Zenkina
Modern approaches to the countries sustainable development 111

Gul'nar O. Khalova, Nikita I. Illeritskii
Eurasia in post-crisis economy and energy 126

Law

Olga A. Zykova
Legal assessment of the Federal Law "On protection and promotion of capital investments in the Russian Federation" 135

Scientific life

Irina Y. Molodova
Current issues of the Russia governance in the context of the seventh "Speransky conference" held at the Russian State University for the Humanities on November 19, 2020 141

СОДЕРЖАНИЕ

Управление

Валентин Я. Афанасьев, Сергей В. Мищеряков, Дмитрий С. Подольский
Сетецентрический подход к управлению субъектами рынка в условиях цифровой трансформации электроэнергетики 8

Татьяна Б. Рыжкова, Елена А. Тарасенко
Забота о здоровье и благополучии: изменение трендов потребительского поведения в условиях пандемии COVID-19 24

Людмила Л. Калинина
Преодоление бедности как приоритет управления социальным развитием страны 38

Экономика

Валерий М. Тумин, Петр А. Костромин, Валерий В. Тумин
О проектах, проектной деятельности и их роли в развитии предприятий 46

Вера В. Глазунова
Устойчивость макроэкономической динамики: система показателей и методика оценки 62

Алла Б. Секачева
Инвестиционная политика Польши в контексте торгово-экономического сотрудничества с Российской Федерацией 81

Наталья Ю. Сопилко, Ольга Ю. Мясникова
Эколого-экономический подход применения вторичных биоматериалов в контексте устойчивого развития 97

Елена В. Зенкина
Современные подходы к оценке устойчивого развития стран 111

Гюльнар О. Халова, Никита И. Иллерицкий
Евразийское пространство в посткризисной мировой экономике и энергетике 126

Право

Ольга А. Зыкова
Правовая оценка федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» 135

Научная жизнь

Ирина Ю. Молодова
Актуальные проблемы управления России в контексте седьмых «Сперанских чтений», проходивших в Российском государственном гуманитарном университете 19 ноября 2020 г. 141

УДК 338.45
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-8-23

Сетецентрический подход к управлению субъектами рынка в условиях цифровой трансформации электроэнергетики

Валентин Я. Афанасьев
Государственный университет управления
Москва, Россия, vy_afanasyev@guu.ru

Сергей В. Мищеряков
Корпоративный энергетический университет
Москва, Россия, msv@keu-ees.ru

Дмитрий С. Подольский
Корпоративный энергетический университет
Москва, Россия, nauka-ds@yandex.ru

Аннотация. В статье изложены результаты исследований по разработке структуры, методов и технологий управления Единой энергетической системой (ЕЭС) России в условиях цифровой трансформации электроэнергетики. В результате анализа опыта управления сложными социо-технологическими системами (СТС) на примере ЕЭС России и современных достижений цифровых технологий определены основные направления формирования сетецентрического подхода к обеспечению надежности энергоснабжения потребителей и энергетической безопасности страны в обычных условиях эксплуатации и при чрезвычайных ситуациях, проведен сравнительный анализ структур и представлены примеры практически реализованных фрагментов этих систем. В статье представлена стратификация контуров управления и структура онтологического моделирования функционирования всей системы управления ЕЭС, определены и математически обоснованы алгоритмы формирования решений на управление энергообъектами от уровня Национального центра управления в кризисных ситуациях до оперативного персонала, осуществляющего ведение режима энергосистем и энергообъектов. Приведенные примеры работающих систем, ГИСТЭК (Государственной информационной системы Топливно-энергетического комплекса) и СМЗУ (системы мониторинга за-

© Афанасьев В.Я., Мищеряков С.В., Подольский Д.С., 2021

пасов устойчивости) подтверждают на практике правильность выбранных решений сетецентрического подхода управления ЕЭС России. Положения, изложенные в статье, определяют направление развития цифровых комплексов управления СТС.

Ключевые слова: Единая энергетическая система России, социо-технологические системы, сетецентрический подход, онтологическая модель, структура управления

Для цитирования: Афанасьев В.Я., Мищеряков С.В., Подольский Д.С. Сетецентрический подход к управлению субъектами рынка в условиях цифровой трансформации электроэнергетики // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 8–23. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-8-23

Network-centric approach to managing the market entities in the context of the digital transformation of the electric power industry

Valentin Ya. Afanas'ev

State University of Management, Moscow, Russia, vy_afanasyev@guu.ru

Sergei V. Mishcheryakov

Corporate Energy University, Moscow, Russia, msv@keu-ees.ru

Dmitrii S. Podol'skii

Corporate Energy University, Moscow, Russia, nauka-ds@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of research on the development of the structure, methods and technologies for managing the Unified Energy System (UES) of Russia in the context of the digital transformation of the electric power industry.

The analysis of the experience of managing complex socio-technological systems (STS) on the example of the UES of Russia and modern achievements in digital technologies resulted in defining the main directions of the formation of a network-centric approach to ensuring the reliability of energy supply to consumers and the country's energy security in normal operating conditions and in emergency situations. A comparative analysis of the structures is carried out and examples of practically implemented fragments of the above systems are presented. The article also presents the stratification of control loops and the structure of ontological modeling for the functioning of the entire UES control system. It defines and mathematically substantiates the algorithms for forming decisions for the managing the power facilities in the level range from of the National Crisis Management Center to the operational personnel responsible for maintaining the mode of power systems and power facilities. The given examples of operating systems, SISFEC (state information system of the fuel and energy complex) and SRMS (stability reserve monitoring systems) ac-

tually confirm the correctness of the selected solutions of the network-centric approach to managing the UES of Russia. The provisions set out in the article determine the direction in developing the digital control systems for STS.

Keywords: Unified Energy System of Russia, socio-technological systems, network-centric approach, ontological model, management structure

For citation: Afanas'ev, V.Ya., Mishcheryakov, S.V. and Podol'skii, D.S. (2021), "Network-centric approach to managing the market entities in the context of digital transformation of the electric power industry", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 2, pp. 8-23, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-8-23

Перспективы внедрения пятого поколения мобильной связи 5G открывают возможности применения сетецентрического принципа при управлении в электроэнергетике, где от скорости передачи данных и качества принятия решений зависит системная надежность Единой энергосистемы России[1].

Первоначально сетецентрический принцип управления был применен в военной операции США «Буря в пустыне» (Operation Desert Storm, 17 января – 28 февраля 1991 г.), заключающийся в том, что каждая единица военной техники, солдаты, данные разведки и др. были объединены в единую информационную сеть и после соответствующей обработки информация представлялись командирам на планшете для принятия решений.

Классическая сетецентрическая система управления имеет специальную многослойную структуру. Минимальная конфигурация – три слоя. Первый слой состоит из лиц, принимающих решения, специализирующихся в конкретных областях и вопросах. Они готовят информацию и формируют промежуточные решения для второго слоя, ответственного за тактические решения. Третий слой на основе этих директив формирует оперативное управление, которое поступает на исполнительные органы. Подобная конфигурация позволяет принимать интегральное самосогласованное решение, которое обладает высоким синергическим потенциалом в силу своей близости к оптимуму [Иванюк, Абдикеев Пащенко, Гринева 2017].

Под сетецентричностью понимается принцип организации систем управления, позволяющий реализовать режим понимания

[1] Интервью с Председателем Совета Директоров Фонда «Сколково» В.Ф. Вексельбергом [Электронный ресурс]. URL: https://www.tv.rbk.ru (дата обращения 25 октября 2020).

ситуации (Situational Awareness). Успешное решение задач управления в рамках сетецентрического подхода заключается в поддержании системы в насколько это возможно полном и достоверном состоянии, в первую очередь за счет включения в этот процесс максимального количества доступных источников первичной, оперативной информации.

Стоит отметить: некоторые авторы утверждают, что ведение сетевой войны предполагает отказ от классической иерархической системы управления войсками, поскольку общим принципом построения военной сетевой организации является «неформальный характер взаимоотношений в организации, когда горизонтальным связям между элементами группы придается гораздо большее значение, чем вертикальным» [Хамзатов 2006].

Также предлагается отказ от иерархической системы управления, когда решение принимает один человек, и переход к коллективному принятию решения. Однако такой подход не всегда оправдан, например при выдаче диспетчером системного оператора оперативных команд при управлении энергосистемой.

На наш взгляд наиболее перспективно применение сетецентрических систем поддержки принятия решения в области информационных систем управления с источниками информации двух типов (технологических компонентов: телеметрии и «ручной ввод данных»), которые могут масштабироваться как в территориальном, так и в организационном и корпоративном измерениях.

Сетецентрическая архитектура систем поддержки принятия решения для субъектов рынка, предприятий, генерирующего и сетевого профилей является принципиальным требованием. Она в обозримом будущем является безальтернативной. В энергетике можно выделить пять контуров управления:

– контур управления чрезвычайными ситуациями (основная задача – обеспечение жизнедеятельности регионов), субъект управления – Национальный центр управления в кризисных ситуациях (МЧС);
– контур обеспечения энергетической безопасности (основная задача – обеспечение энергобезопасности), субъект – САЦ Минэнерго России;
– контур управления ЕЭС России (основная задача – обеспечение системной надежности ЕЭС России), субъект – ЦДУ;
– контур оперативного управления энергообъектом (основная задача – сведение баланса производства и потребления энергии), субъект – оперативно-диспетчерские службы объединенных диспетчерских управлений и оперативный персонал;

– контур управления хозяйствующего субъекта (основная задача – получение прибыли), субъект управления – собственник энергообъекта.

Предлагаемый подход позволяет превратить систему поддержки принятия решения в постоянно развивающийся инструмент, который изначально должен строиться как система-конструктор, обеспечивающая гибкий выбор, комбинацию и настройку необходимого состава приложений под решаемые задачи. Приложения должны гибко и органично комбинироваться, так как построены с использованием единой онтологии[2]. Принципиальным методологическим требованием и новизной является переход от локальных инфраструктурных решений к единой распределенной информационной телекоммуникационной инфраструктуре с использованием специализированных центров обработки данных (ЦОДов) и цифровых платформ. Система поддержки принятия решения должна строиться как сетецентрическая, хорошо масштабируемая, территориально и корпоративно распределенная система, с использованием облачных технологий и решений «платформа как услуга» (PaaS)/«программное обеспечение по требованию» (SaaS). При таком подходе появляется реальная возможность сократить стоимость владения информационными системами и перейти на новую модель отношений, заменить поставку информационных систем оказанием услуг по поставке гибко настраиваемых и управляемых сервисов.

В СППР должна быть реализована идеология масштабируемости и связности приложений первого и второго компонентов за счет использования единой онтологической модели. Работа двухкомпонентной СППР, реализуемой в предприятиях генерирующего и сетевого профилей, должна обеспечиваться функционированием приложений первого и второго компонентов, которые опираются на кластер кросс-контурных приложений – единую онтологическую платформу для двухкомпонентной системы поддержки принятия решения.

Кросс-контурные приложения должны быть базовыми для СППР и должны взаимодействовать с приложениями как первого, так и второго контуров.

В основе работы первого контура должны лежать сетецентрические приложения, обеспечивающие мониторинг общей и оперативной обстановки в части выполнения задач оперативного и хо-

[2] Под онтологической моделью понимается концептуализированное представление информации о какой-либо области реальности в электронном виде.

зяйственного управления предприятий генерирующего и сетевого профилей на основании полученной телеметрической и семантической информации.

В основе работы второго контура должны лежать сетецентрические приложения, обеспечивающие мониторинг общей и оперативной обстановки в части выполнения задач предприятий генерирующего и сетевого профилей на основании (как правило исключительно) текстовых сообщений, формируемых оперативным (диспетчерским) персоналом предприятий генерирующего и сетевого профилей и находящихся под их управлением диспетчерским персоналом.

В настоящее время в целях государственного управления и регулирования в электроэнергетике для решения этих задач применяются информационно-аналитические системы, использующие преимущественно статистические данные, обладающие низким уровнем оперативности, достоверности и связности за счет человеческого фактора.

Указанные системы имеют собственные базы данных, чаще всего с уникальной структурой и моделью организации, хранения и представления информации, собственные интерфейсы и отчетность.

Обмен данными между различными системами либо не организован, либо требует дополнительных затрат на доработку каждой из систем и организацию общего интерфейса.

Внедрение каждой новой системы, а часто и новой функции имеющейся системы, требует значительных финансовых затрат на адаптацию всех сопряженных систем и баз данных.

В России приняты ГОСТ Р 58651.1–2019 «Информационная модель электроэнергетики. Основные положения» и ГОСТ Р 58651.2–2019 «Информационная модель электроэнергетики. Базисный профиль информационной модели», которые определяют требования к профилям информационных моделей и организации информационного обмена в электроэнергетике и устанавливают состав информационной модели для обеспечения однозначной интерпретации передаваемых и получаемых данных всеми участниками информационного обмена в электроэнергетике. Принятие ГОСТов дает дополнительный импульс процессу по разработке единых отраслевых классификаторов основного технологического оборудования, формирования единой информационной модели электроэнергетики и применения сетецентрических принципов управления. При этом каждый субъект электроэнергетики разрабатывает платформы с собственным программным кодом, соответственно далее возникает проблема интеграции платформ между собой [Грабчак, Логинов, Мищеряков 2020].

Создание единого доверенного информационного пространства и унификация информации о техническом состоянии объектов энергетической инфраструктуры позволит проводить математическую обработку полученных массивов данных для решения широкого круга расчетно-аналитических и управленческих задач, включая дистанционное конфигурирование и оценку остаточного ресурса оборудования, исполнение шлюзовых функций, реакцию на штатные и внештатные ситуации через анализ мнемосхем, анализ и предсказание развития неисправности по комбинации линейно не связанных признаков даже при незначительном изменении одиночных признаков.

Данные задачи решаются путем разработки и непрерывного совершенствования моделей нормального функционирования оборудования (на основе статистических данных) с учетом матрицы рисков и пороговых значений каждого из отдельных параметров.

Использование цифровых двойников энергообъектов с элементами искусственного интеллекта позволяет осуществить интеграцию жизненных циклов оборудования, связать показатели интерактивной оценки технического состояния оборудования по совокупности данных, поступающих с его датчиков, и процедуру определения оптимальных сроков проведения ремонтных работ.

Комплексная инструментальная поддержка процессов эксплуатации и технического обслуживания оборудования базируется на сетецентрическом подходе, когда данные, собранные во время всего жизненного цикла, объединяются в едином центре тепловых электрических станций. Инструментальная поддержка процессов эксплуатации и технического обслуживания оборудования может быть обеспечена на основе развертывания в рамках ТЭС интегрированной информационной среды как структурированной и взаимосвязанной совокупности всех инженерных данных объекта и его оборудования.

Проведение интерактивной оценки технического состояния оборудования по совокупности данных для определения оптимальных сроков проведения ремонтных работ базируется на объединении характеристик всего оборудования в единой унифицированной цифровой модели ТЭС, которая позволяет связать территориально удаленные системы мониторинга состояния физического актива, а формирование замкнутого цикла информационного обмена между оборудованием (активом) и его виртуальной моделью на сетецентрических принципах позволяет реализовать автоматизированное формирование операционно-режимных управляющих действий.

Подобная управленческая технология обеспечивает управление производственными активами тепловых электрических стан-

ций на основе симуляторов и баз данных цифровых двойников энергообъектов с использованием элементов искусственного интеллекта.

В сетевом комплексе в настоящее время отраслевой рабочей группой при Минэнерго России определен следующий перечень Интеллектуальных систем управления электросетевым хозяйством (ИСУЭХ) уровня управления производственными процессами:

- системы удаленного мониторинга и диагностики, способные с использованием вероятностных и математических моделей диагностировать и прогнозировать состояние оборудования и/или его функциональных узлов;
- автоматизированные системы мониторинга и анализа функционирования устройств РЗА, выполняющие оперативную оценку с использованием ретроспективного анализа эксплуатационной готовности устройств РЗА и синтезирующие решения по принятию мер, обеспечивающих работоспособность микропроцессорных устройств;
- АСУ ТП подстанций с функциями самодиагностики и дистанционного управления, с поддержкой автоматизированных программ переключений и логических блокировок на базе информационной модели подстанции, цифровых протоколов взаимодействия между устройствами подстанции;
- АСТУ ЦУС, обеспечивающие анализ рисков отказов в сети и имитационное моделирование, а также выполняющие оптимизацию режимов работы электрической сети, оборудования ПС по совокупности заданных критериев: снижения потерь в электрических сетях и обеспечения надежного электроснабжения, обеспечивая при этом допустимость параметров режима сети и поддержание качества электроэнергии.

Для каждой из указанных систем определен перечень критериев, которые позволяют отнести их к ИСУЭХ.

Таким образом, осуществляется автоматизированный мониторинг и регулирование с заданием базовых характеристик системно-сетевого анализа цифровых данных о техническом состоянии оборудования, показателей датчиков, истории производственных и ремонтных операций, заводской (as-build) и сервисной (as-maintained) конфигураций оборудования.

Как уже говорилось выше, сетецентрический подход базируется на современных системах связи, позволяющих в реальном масштабе времени получать и передавать большие объемы информации различным потребителям, включая централизованные и распределенные системы.

Особенность данной системы управления заключается в возможности размещения децентрализованного интеллекта и децентрализованного управления на всех уровнях получения и обработки информации.

Решение в сетецентрической системе получается путем согласования индивидуальных решений подсистем, каждая из которых (контуры управления) работает на свою цель и выполняет свои задачи. При этом внутри этих подсистем информация формируется и обрабатывается по иерархической схеме.

Одной из составляющих сетецентрической парадигмы систем управления являются новые подходы к организации управления. Общеизвестно, что основным принципом сетецентрических систем является принцип самосинхронизации. Данный принцип пришел из теории сложных систем. В соответствии с ним сложные явления и структуры в наилучшей степени организуются по принципу снизу вверх. По мнению западных теоретиков, «структура средств, формы и способы их использования, а также система управления будут видоизменяться по своему плану, но в соответствии с общим замыслом вышестоящего руководства» [Флеэрти, Данн, Бэджейл, Уорд 2013].

Причиной этой составляющей, то есть новых подходов к организации управления, которая потребует кардинального пересмотра, являются предоставленные новыми сетевыми решениями и информационными технологиями возможности анализа и обработки данных обстановки, организации внутренней работы органов управления и информационного обмена, как внутри, так и между пунктами управления (объектами контурами управления).

Сегодня на первый план выходит идея распределенного пункта управления, построенного на базе единой технологической платформы промышленного интернета. Его создание на основе территориального распределения, общих баз данных, мобильности всех его функциональных групп, объединенных единой коммуникационной средой, позволит существенно повысить устойчивость системы управления. Кроме того, это исключит необходимость с целью выработки согласованного решения нахождения основных должностных лиц органа управления практически всех в одном месте одновременно. Характеристики современных средств управления предоставляют руководству возможность получения информации, для принятия решений находясь в любой точке единого информационного поля управления.

В этой связи целесообразно исследовать возможные структуры сетецентрической модели управления.

Известными являются следующие сетевые структуры.

1. *Кольцевая*. Это замкнутая структура с одинаковыми связями, в которой любые две позиции обладают двумя направлениями информационного обмена, что повышает скорость передачи информации.
2. *Сотовая*. Сложная структура с разветвленными связями, что обеспечивает высокую надежность прохождения информации.
3. *Многосвязная*. В этой структуре реализован принцип: каждый связан с каждым. Скорость прохождения информации в ней максимальна.
4. *Иерархическая*. В этой структуре реализуется принцип единоначалия [Горопашная 2009].

Она используется во многих системах, в частности в ГИС ТЭК.

Исследованы решения задач в рамках сетецентрических подходов по сбору данных об обстановке (1), оценке угроз (2), разработке альтернативных управленческих решений (3), оценке эффективности предлагаемых решений (4) приведены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительные результаты решения задач
в рамках сетецентрических подходов (составлено авторами)

№ п\п	Структура	Номер задачи	Относительное время решения, %	Правильность решения, %	Случаи отказа, %
1	Кольцевая	1 2 3 4 среднее	130 120 100 200 137,5	60 55 45 45 51,25	6 3 4 9 5,5
2	Сотовая	1 2 3 4 среднее	140 65 60 130 101,25	65 85 80 60 72,5	4 4 3 6 4,25
3	Многосвязная	1 2 3 4 среднее	150 70 50 150 105	90 90 90 76 86,5	4 2 2 3 2,75
4	Иерархическая	1 2 3 4 среднее	100 60 40 110 77,5	100 85 82 73 85	2 0 0 2 1

Согласно таблице, наиболее рациональной для решения задач является многосвязная структура, в которой каждый связан с каждым. Скорость прохождения информации в ней максимальна, правильность наивысшая, и отказы относительно других структур достаточно редки. В этой связи многосвязная структура является наиболее приемлемой для организации работы сетецентрической модели САЦ на уровне объектов, регионов (региональных штабов) и центральных органов (федерального штаба) для формирования управленческого решения. Для реализации принятых решений наиболее адекватной является иерархическая структура.

Сравнивая иерархическую и многосвязную структуры управления, необходимо учитывать существующую и перспективную конфигурацию объекта управления. В настоящее время при сохраняющейся технологической централизации ЕЭС наблюдается переход к энергетическим системам нового поколения. Признаками этого перехода являются:

1) создание систем управления региональными объектами энергетики по принципам «умная энергосистема». Суть этих систем в производстве электроэнергии там, где, когда и в каком количестве она необходима;

2) развитие технологий дальнего транспорта электроэнергии, позволяющих повысить устойчивость энергосистемы в целом;

3) развитие технологий накопления электроэнергии в энергосистеме, которые позволяют обеспечить живучесть энергосистемы. Наиболее проработанной на настоящий момент технологией является использование ГАЭС;

4) развитие распределенной генерации, позволяющее в условиях географических особенностей России обеспечить рациональную топологию энергообъектов.

Административная децентрализация объектов энергетики диктует необходимость ее учета в системах управления. На смену «умным системам» приходят «интеллектуальные системы». В этой связи применение сетецентрического подхода в управление становится наиболее рациональным.

Анализ применения сетецентрических моделей управления приводит к очевидному выводу о преимуществах интеллектуальных систем управления ресурсами, построенных на основе сетецентрического подхода. К преимуществам подобных моделей управления относятся:

– открытость к добавлению новых подсистем;
– высокое качество решений: взаимосвязанные планы согласованы;

– гибкость планирования: изменения могут быть инициированы с любого субъекта управления;
– достоверность оперативных данных: поддержка актуальности планов между подсистемами;
– производительность системы управления;
– масштабируемость системы (матрешка: нижние уровни не видны верхним, если не требуют вмешательства в управление по масштабам ЧС);
– надежность: выход одной подсистемы из строя (переход на изолированную работу) не останавливает работу всей системы;
– живучесть: даже при потере систем нижнего уровня сохраняется возможность управления системой за счет резервов из других подсистем;
– эффективность: меньше затрат на разработку и поддержку (тиражирование ячеек управления).

Практика применения сетецентрических подходов и системные исследования в рамках данной предметной области показали, что практическая реализация базового функционала управления позволит повысить реализацию потенциальных возможностей применяемых сил и средств на 25–30% [Аношкин 2014].

На основании проведенного анализа предлагается построение сетецентрической модели управления с использованием многосвязной и иерархической структуры управления в зависимости от объемов предполагаемого ущерба от ЧС. Для этого на основании ГОСТ Р 22.10.01-2001 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Оценка ущерба. Термины и определения» и определяемых им видов ущерба (допустимый, недопустимый, критический, катастрофический) формируется структура сетецентрической модели управления ЧС. Для уровней предполагаемого ущерба «допустимый» и «недопустимый» предлагается использовать многосвязную структуру. Для уровней предполагаемого ущерба «критический» и «катастрофический» – иерархическую структуру. Технологически с учетом изложенных подходов и применения онтологического моделирования – это легко осуществимо и не требует дополнительных затрат.

Например, применяемая технология СМЗУ (система мониторинга запасов устойчивости) при планировании и управлении электроэнергетическим режимом энергосистем использует

расчет допустимых перетоков в следующей последовательности[3]:

– прием и обработка телеметрической информации;
– оценивание состояния электрического режима;
– формирование расчетной модели;
– расчет допустимых перетоков.

На первом этапе по сбору и обработке информации может быть использован сетецентрический подход.

Таким образом, вполне обоснованно можно утверждать, что не учет возможностей и влияния парадигмы сетецентрического управления в развитии теории и практики управления энергосистемой может иметь необратимые последствия в области организации обеспечения устойчивости и живучести Единой энергетической системы России.

Известно, что особенностями ЕЭС России являются географическая распределенность на территории России ее объектов и наличие четырех контуров управления ими. Эти особенности определяют формулировку задачи управления технико-экономической системой. Реализация этих задач осуществляется на множествах выполнения работ R с использованием цифровых технологий U, при этом техническое состояние ЕЭС обозначим S, а разного рода воздействия на нее представлены набором (Q). В общем, при управлении необходимо обеспечить устойчивое, безопасное, устойчивое и безопасное функционирование ЕЭС.

При этом все эти задачи решаются в условиях ограниченности суммарных ресурсов C_Σ, при решении задачи устойчивого функционирования должны быть выполнены условия:

$$|\alpha - \eta| \leqslant \varepsilon,$$

где α – заданный результат функционирования, η – фактически достигнутое значение результата, ε – допустимое отклонение фактического от заданного результата.

Имеется ограничение $C \leqslant C_\Sigma$, где C – израсходованные ресурсы.

Аналогично для других составляющих системной надежности – устойчивости (F).

Устойчивость и безопасность функционирования ЕЭС при управлении системной надежностью обеспечивается принятием, декомпозицией от руководителя штаба управления ЧС до опера-

[3] Конференция 2018 г. по технологической деятельности АО «СО ЕЭС» [Электронный ресурс]. URL: https://www.so-ups.ru/index.php?id=conf_tech_about (дата обращения 2 февраля 2021).

тивного персонала и реализации решений во всех четырех контурах управления (множества решений по контурам V – штаб ЧС, D – САЦ и СО ЕЭС, B – хозяйствующий субъект, G – оперативный персонал) с использованием множества технологий U при техническом состоянии S и внешних воздействиях.

Тогда результаты этих решений во времени t примут вид:

$$\eta(t) = \eta(V, D, B, G, R, U, t \mid S, (Q)); \quad (1)$$

$$F(t) = F(V, D, B, G, R, U, t \mid S, (Q)); \quad (2)$$

при

$$C(V, D, B, G, R, U, t \mid S, (Q)) \leqslant C_{\Sigma}. \quad (3)$$

Гармонизация решения достигается иерархическим нормированием решений по контурам. Получен результат в задаче принятия комплексного решения при управлении системной надежностью, который представляется в виде совместной области допустимых решений (1), (2), (3) при начальном состоянии S и граничных условиях $C \leqslant C_{\Sigma}$.

Основными для формирования принимаемых управленческих решений являются при этом комплексные показатели: коэффициент оперативной готовности, коэффициент использования установленной мощности, средний недоотпуск продукции, средний ущерб на один отказ.

Предлагаемая совокупность методов, определяющих постановку задачи количественной оценки качества решений на использование активов, математический аппарат для решения этой задачи и последовательность операций, реализующих это решение, составляет основу методологии разработки, принятия и оценки качества принимаемых управленческих решений, в том числе в реальных условиях ЧС.

Использование сетецентрического подхода позволяет иметь информационное превосходство над иерархической системой за счет обеспечения необходимой информацией работников всех уровней и направлений фактически в реальном масштабе времени. Однако следует учитывать, что доступ к большому спектру информации получает большой круг сотрудников организации, поэтому особое внимание необходимо уделять кибербезопасности.

Таким образом, на основании анализа подходов к формированию решений с использованием вероятностных методов и аппарата нечетких множеств разработана концептуальная модель, пред-

ложены методы и алгоритмы оценки и повышения эффективности систем поддержки принятия управленческих решений и схем информационного взаимодействия между основными субъектами принятия решений по обеспечению экономической эффективности и безопасности Единой энергетической системы России в процессе эксплуатации, включая режимы управления в условиях ЧС.

Сформированы приоритетные направления при управлении системной надежностью, а именно в организационном плане формирование сетецентрической структуры функционирования энергосистем на базе единой онтологической модели с использованием облачных технологий и индустриального Интернета вещей (IIoT) для обеспечения системно-ситуационного управления системной надежностью. Такой подход необходимо использовать при управлении системной надежностью, что закладывает потенциал опережающего развития.

Литература

Аношкин 2014 – *Аношкин И.М.* Применение технологий управления знаниями // Наука и военная безопасность. 2014. № 2. С. 56–57.

Горопашная 2009 – *Горопашная А.В.* Методы анализа безопасности сложных технических систем: Дис. ... канд. физ.-мат. наук. Санкт-Петербург, 2009. 109 с.

Грабчак, Логинов, Мищеряков 2020 – *Грабчак Е.П., Логинов Е.Л., Мищеряков С.В.* Цифровая трансформация систем управления ТЭС: переход к интеллектуальной модели управления жизненным циклом оборудования // Вестник МИРБИС. 2020. № 1 (21). С. 76–83.

Иванюк, Абдикеев, Пащенко, Гринева 2017 – *Иванюк В.А., Абдикеев Н.М., Пащенко Ф.Ф., Гринева Н.В.* Сетецентрические методы управления // Управленческие науки. 2017. № 7 (1). С. 26–34.

Флеэрти, Данн, Бэджейл, Уорд 2013 – *Флеэрти Том, Данн Кристофер, Бэджейл Майкл, Уорд Оуэн.* После Фукусимы: ядерная энергетика в изменившемся мире // Атомный проект. 2013. № 13. С. 30–35.

Хамзатов 2006 – *Хамзатов М.М.* Влияние концепции сетецентрической войны на характер современных операций // Военная мысль. 2006. № 7. С. 13–17.

References

Anoshkin, I.M. (2014), “Application of the knowledge management technologies”, *Nauka I voennaya bezopasnost’*, no. 2, pp. 56–57.

Fleherty, T., Dunn, Ch., Badgale, M. and Ward, O. (2013), “After Fukushima**.** Nuclear Energy in a Changed World”, *Atomnyi proect*, no. 13, pp. 30–35.

Goropashnaya, A.V. (2009), *Methods of safety analysis in complex technical systems*, D.Sc. Thesis, Saint Petersburg, Russia.

Grabchak, E.P., Loginov, E.L. and Mishcheryakov, S.V. (2020), "Digital transformation of thermal power station control systems: transition to the intellectual model of power equipment life cycle management", *Bulletin MIRBIS*, no. 1 (21), pp. 76–83.

Grabchak, E.P., Loginov, E.L. and Mishcheryakov, S.V. (2020), "Digital transformation of thermal power station control systems: transition to the intellectual model of power equipment life cycle management", *Bulletin MIRBIS*, no. 1 (21), pp. 76–83.

Khamzatov, M.M. (2006), "Influence of the concept of network-centric warfare on the nature of modern operations", *Voennaya mysl'*, no. 7, pp. 13–17.

Информация об авторах

Валентин Я. Афанасьев, доктор экономических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Россия; 109542, Россия, Москва, Рязанский проспект, д. 99; vy_afanasyev@guu.ru

Сергей В. Мищеряков, доктор экономических наук, Корпоративный энергетический университет, Москва, Россия; 111250, Россия, Москва, ул. Красноказарменная, д. 13; msv@keu-ees.ru

Дмитрий С. Подольский, кандидат технических наук, Корпоративный энергетический университет, Москва, Россия; 111250, Россия, Москва, ул. Красноказарменная, д. 13; nauka-ds@yandex.ru

Information about the authors

Valentin Ya. Afanas'ev, Dr. of Sci. (Economics), professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskii Avenue, Moscow, Russia, 109542; vy_afanasyev@guu.ru

Sergei V. Mishcheryakov, Dr. of Sci. (Economics), Corporate Energy University, Moscow, Russia; bld. 13, Krasnokazarmennaya Street, Moscow, Russia, 111250; msv@keu-ees.ru

Dmitrii S. Podolskii, Cand. of Sci. (Engineering), Corporate Energy University, Moscow, Russia; bld. 13, Krasnokazarmennaya Street, Moscow, Russia, 111250; nauka-ds@yandex.ru

УДК 366.1
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-24-37

Забота о здоровье и благополучии: изменение трендов потребительского поведения в условиях пандемии COVID-19

Татьяна Б. Рыжкова

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tbr@rggu.ru

Елена А. Тарасенко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия, etarasenko@hse.ru

Аннотация. В статье дается оценка изменению трендов потребительского поведения в условиях пандемии COVID-19. Показано, что забота о здоровье и безопасности себя и близких в условиях социального дистанцирования, вынужденное домоседство и стирание границ между работой и домом являются драйверами для изменения потребительских практик российских горожан, появления новых креативных способов потребления и возникновения отложенного спроса. Авторы показывают изменение отношения потребителей к домашнему пространству, усиление заботы о себе и делают вывод о том, что тренды потребительского поведения настолько существенно изменились в связи с фокусом потребителей на собственной безопасности, что потребители не вернутся полностью к своим старым привычкам и после окончания пандемии. Новые технологии и диджитализация вносят существенные изменения в их жизнь и потребительские практики.

Ключевые слова: потребительское поведение, забота о здоровье, панические покупки, домоседство, диджитализация, креативные способы потребления, партисипативность и персонализация потребления, кастомизация, отложенный спрос

Для цитирования: Рыжкова Т.Б., Тарасенко Е.А. Забота о здоровье и благополучии: изменение трендов потребительского поведения в условиях пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 24–37. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-24-37

© Рыжкова Т.Б., Тарасенко Е.А., 2021

Caring for health and well-being. Changing consumer trends in the context of the COVID-19 pandemic

Tat'yana B. Ryzhkova
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, tbr@rggu.ru

Elena A. Tarasenko
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, etarasenko@hse.ru

Abstract. In the article the authors give an assessment of changes in trends of the consumer behavior in the context of the COVID-19 pandemic. It is shown that care for health and safety of oneself and loved ones in conditions of social distancing, forced homing and blurring the boundaries between work and home are main drivers for changing the consumer practices of Russian citizens, introducing the new creative ways of consumption and the emergence of deferred demand. The authors show changes in consumer attitudes towards home space, self-care increasing. They conclude that due to self-safety and digitalization trends in consumer behavior have changed so significantly that consumers will not completely return to their old habits after the end of the pandemic. New technologies and digitalization are making significant changes in the consumer lives and practices.

Keywords: consumer behavior, health care, panic buying, homing, digitalization, creative ways of consumption, participatory and personalized consumption, customization, deferred demand

For citation: Ryzhkova, T.B. and Tarasenko, E.A. (2021), "Caring for health and well-being. Changing consumer trends in the context of the COVID-19 pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 2, pp. 24-37, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-24-37

Введение

Режим социального дистанцирования в условиях пандемии COVID-19 в 2020 г. существенно повлиял на изменение трендов потребительского поведения городских жителей многих стран мира [Sheth 2020, pp. 280–283]. Основным драйвером изменений стала тенденция на сохранение здоровья и профилактику заболеваний при угрозе выживания [Brotman 2020], забота потребителей о собственном здоровье и здоровье своих близких, физической безопасности и благополучии [Min, Xiang, Zhang 2020, pp. 2926–2936], интерес к здоровому образу жизни и адаптация

к новой реальности. Также в результате ограничительных мер для многих потребителей произошла локализация в домашнем пространстве работы, учебы, шоппинга и досуга, размывание границ между работой, досугом и образованием, а также существенное уменьшение мобильности [Arkhipova, Nazaykinskii, Sedova 2020; Foroudi, Tabaghdehi, Marvi 2020]. Все эти изменения нашли свое отражение в структуре и динамике потребления во всех категориях товаров и услуг, что имело значимые последствия для многих рынков.

Основная часть

На основе результатов авторского социологического исследования с применением качественной методологии (метод фокус-группы)[1] и анализа материалов, опубликованных в российских средствах массовой информации в марте–декабре 2020 года были вычленены и описаны изменения, происшедшие в потребительском поведении жителей российских городов в 2020 году, вызванные угрозой для здоровья в результате пандемии COVID-19 и введением режима социального дистанцирования.

Панические покупки и накопление. Накануне самоизоляции потребители с повышенным уровнем тревожности не только в России, но и в других странах [Keane, Neal 2021, pp. 86–105] стремились создать запасы продуктов первой необходимости длительного хранения (круп, консервов, макарон, сахара, растительного масла, туалетной бумаги и проч.), бытовой и цифровой техники, лекарств, включая антибиотики, противовирусные и жаропонижающие средства [Naeem 2020]. Это порой приводило к временному дефициту и подорожанию товаров.

Например, в ряде регионов, включая Московскую, Оренбургскую и Новосибирскую область, был зафиксирован ажиотажный спрос на лекарства[2]. А по данным Nielsen, накануне самоизоляции за семь дней резко выросли продажи дезинфицирующих средств и личных средств защиты (СИЗ), которые в представлении по-

[1] Авторами были проведены экспертные две фокус-группы со студентами 1-го курса магистерской программы «Управление брендом» в октябре–декабре 2020 г., РГГУ.

[2] *Ларионов Я.* Ажиотажный спрос: фармацевты предупредили о дефиците лекарств // Газета. 2020. 22 окт. [Электронный ресурс]. URL: //https://www.gazeta.ru/social/2020/10/22/13328923.shtml (дата обращения 30 декабря 2020).

купателей помогают защититься от инфекции: продажи средств для мытья полов подскочили на 98%, влажных салфеток – на 51%, мыла – на 50%. Спрос на санитайзеры также остается рекордным: за неделю их продажи выросли в пять раз, а антисептиков для кожи – почти в 30 раз[3]. Большинство участников фокус-групп также отметили, что весной 2020 года делали дома запасы продуктов питания, а также запасы бытовой химии, дезинфицирующих средств и лекарств. Такое накопление стоит интерпретировать как попытку со стороны потребителей превентивного управления неопределенностью в ухудшающихся внешних условиях с целью защиты своего здоровья и благополучия[4].

Домашнее пространство как безопасное убежище, рабочий офис, центр потребления и развлечений

Можно говорить о росте тренда на домоседство. В условиях социального дистанцирования, размывания границ между работой и домом, переходом на удаленную работу и дистанционное обучение школьников и студентов из дома и резкого увеличения физического присутствия всех членов семьи дома появилась необходимость в трансформации домашнего пространства в безопасную, комфортную и функциональную крепость-убежище от опасного внешнего мира и центр потребления и развлечений. Потребители гораздо чаще, чем до пандемии, стали приобретать не только дезинфицирующие средства индивидуальной защиты, но и моющие средства и бытовую химию с антимикробными свойствами, позволяющие сделать дом чистым и безопасным. У многих потребителей встала задача сделать свое жилище более комфортным, удобным, эффективным и функциональным для всех членов семьи, что повлияло на рост продаж бытовой[5] и компьютерной тех-

---

[3] *Малыхин М.* Паническое потребление // Коммерсант. 23.04.2020. [Электронный ресурс]. URL://https://www.kommersant.ru/doc/4322928 (дата обращения 30 декабря 2020).

[4] *Тадтаев Г.* Россияне начали закупать товары впрок из-за страха перед новым карантином // РБК. 2020. 30 окт. [Электронный ресурс]. URL: // https://www.rbc.ru/society/30/10/2020/5f9b128a9a794715a0ffd3c9 (дата обращения 30 декабря 2020).

[5] *Мингазов С.* Россияне поставили рекорд по покупкам крупной бытовой техники на 238 млрд рублей. 14.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: //https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/416239-rossiyane-postavili-rekord-po-pokupkam-krupnoy-bytovoy-tehniki-na-238-mlrd (дата обращения 30 декабря 2020).

ники[6]. Половина участников фокус-групп указала, что в семьи были сделаны дополнительно покупки компьютеров, ноутбуков либо сматфонов, микрофонов, наушников. Карантин также спровоцировал рост потребительского спроса на товары для дома, ремонта и благоустройства жилья[7]. Часть респондентов отметила, что дома был сделан ремонт, поклеены обои еще в период первой волны пандемии. Меньше половины респондентов отметили, что занимаются на кухне, поскольку дома не хватает всем членам семьи места для уединения. Нехватка места и ограниченность домашнего пространства создает новые дилеммы и конфликты по поводу того, кто и где из членов семьи будет занимать какие места дома и насколько эти места конфиденциальны и комфортны для работы, занятий, учебы, готовки пищи, отдыха и детских игр. Как homo sapiens, люди достаточно территориальны, и каждый человек нуждается в своем личном пространстве. Можно предположить, что семьи стали стремиться к приобретению квартир большей площади и загородных домов[8].

Ускорение использования цифровых технологий и диджитализация

По чистой необходимости потребители стали широко использовать новые технологии и цифровые приложения. Очевидные примеры – активное использование видеосервисов Zoom, социальных сетей, включая Facebook, Instagram, YouTube, WhatsApp и других, начиная с общения с коллегами, друзьями и родственниками и кончая диджитализацией медицинской помощи и образования – виртуальными посещениями врача и образованием в онлайн-среде.

---

[6] *Кинякина Е., Кречетова А.* В России резко выросли продажи компьютеров // Ведомости. 2020. 18 мая [Электронный ресурс]. URL: //https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2020/05/17/830398-prodazhi-kompyuterov (дата обращения 30 декабря 2020).

[7] *Власова И.* Карантин под звуки дрели: россияне скупают товары для ремонта // Газета. 2020. 26 марта [Электронный ресурс]. URL: //https://www.gazeta.ru/business/2020/03/26/13024099.shtml (дата обращения 30 декабря 2020).

[8] *Левенко А.* Почему россияне заинтересуются загородными домами после завершения пандемии. 11.05.2020 [Электронный ресурс]. URL: //https://profile.ru/society/pochemu-rossiyane-zainteresuyutsya-zagorodnymi-domami-posle-zaversheniya-pandemii-298655/ (дата обращения 30 декабря 2020).

Диджитализация – ускорение цифровой трансформации в ретейле, на рынках медицинских и образовательных услуг, в фитнес-индустрии, на рынках впечатлений.

– Цифровизация и рост интернет-покупок продовольственных и непродовольственных товаров. Поскольку покупатели не хотели или не могли посещать розничные магазины, ритейл пришел к ним домой, произошла локализация шоппинга на дому. В условиях социального дистанцирования покупатели снизили посещение офлайн-магазинов и стали усваивать новые привычки – перешли на онлайн-шоппинг, чтобы уменьшить риски заражения COVID-19. Так, если до режима социальной изоляции 18% населения совершали покупки продуктов питания в основном, только онлайн, то в период пандемии количество таких покупателей увеличилось до 64%, при этом эксперты уверены, что онлайн-шоппинг останется популярным и после пандемии[9]. Топ-3 продовольственных интернет-магазинов по приросту оборота в годовом исчислении – это «Озон», «Утконос», X5 Retail Group[10]. Большинство участников фокус-групп также указали, что пользовались сервисами доставки продовольственных товаров, среди которых называли сервисы доставки из магазинов «ВкусВилл», «Перекресток», «Утконос». Непродовольственные товары заказывали на «Озоне», «Вайлдберрис» и других магазинах.

– Диджитализация потребления медицинских услуг и услуг фитнес-индустрии. В условиях пандемии также ускорился процесс диджитализации – цифровой трансформации в сегменте медицинской помощи, медицинской реабилитации и занятий физической культурой и спортом: появилось большое количество инновационных предложений в направлениях Health Tech (телемедицина), Rehab Tech (телереабилитация) и Sport Tech (онлайн-тренировки и фитнес). Телемедицина и телереабилитация позволяют пациентам в сложной эпидемиологической обстановке в удобное для них время удаленно консультироваться с врачами, быть всегда под контролем опытных специалистов и восстанавливать утраченные функции организма. В качестве примера можно привести предложения телереабилитации клиники Медси с помощью приложения

[9] *Камнева К.* Онлайн-покупки останутся популярными и после пандемии // Российская газета. 2020. 13 мая [Электронный ресурс]. URL: // https://rg.ru/2020/05/13/onlajn-pokupki-ostanutsia-populiarnymi-i-posle-pandemii.html (дата обращения 30 декабря 2020).

[10] *Пейтерс М.* Трансформация потребителя. Глобальное исследование потребительского поведения за 2020 год: Россия [Электронный ресурс]. URL: // https://www.pwc.ru/ru/retail-consumer/publications/assets/pwc-global-customer-insights-survey-2020-russia-ru.pdf (дата обращения 30 декабря 2020).

SmartMed на любом цифровом устройстве с веб-камерой для развития выносливости, стимуляции речевого развития, укрепления физического здоровья после перенесенных пневмонии, астмы[11]. Приобретение пакетных предложений онлайн-тренировок позволяет потребителям заниматься фитнесом в домашних условиях, без дополнительного спортивного оборудования, выбирать самим время для занятий и выходить на онлайн-тренировки с любого устройства. Так, например, в фитнес-компании "Stars club" для поддержания физической формы потребители могли приобрести программы длительных и экспресс-тренировок «Перезагрузка 2.0», «Тренируем пресс», «Мышечный тонус и красивая фигура», «Худей на здоровье», «Стройная осанка и подтянутые руки»[12], а в компании FitOnFit можно было приобрести индивидуальные 30-минутные онлайн-тренировки с персональным тренером[13].

– *Диджитализация потребления образовательных услуг.* Для предотвращения распространения коронавирусной инфекции было принято решение о переводе части учебных заведений на дистанционный формат работы в ряде регионов РФ, включая прежде всего учебные заведения, расположенные в крупных городах с населением более 1 млн человек. В период перехода школ на дистанционное обучение доля тех, кто использует онлайн-ресурсы в своей работе, увеличилась с 64 до 85%[14]. Были созданы институты технической поддержки онлайн-обучения. Так, многие учителя школ пользовались онлайн-сервисами Учи.ру, Российская электронная школа, InternetUrok, Яндекс.Учебник, ЯКласс[15]. Для поддержки высшего образования школа Data Science и онлайн-школа по программированию «SkillFactory» запустили каталог бесплатного образования COVID Education с постоянно обновляющимися

---

[11] Медси SmartMed [Электронный ресурс]. URL: //https://medsi.ru/lands/smartmed.php (дата обращения 30 декабря 2020).

[12] Starsfit [Электронный ресурс]. URL: //https://starsfit.online/online-kursy-po-domashnim-trenirovkam-polnie (дата обращения 30 декабря 2020).

[13] FitOnFit [Электронный ресурс]. URL: // https://fitonfit.us/ (дата обращения 30 декабря 2020).

[14] *Сапрыкина Д.И., Волохович А.А.* Проблемы перехода на дистанционное обучение в Российской Федерации глазами учителей [Электронный ресурс]. URL: // https://ioe.hse.ru/fao_distant (дата обращения 30 декабря 2020).

[15] *Соколов А.* Как учат школьников во время коронавируса // Ведомости. 2020. 21 марта [Электронный ресурс]. URL: // https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/21/825825-kak-uchat-shkolnikov (дата обращения 30 декабря 2020).

новыми бесплатными платформами на протяжении всего периода карантина, включая глобальные порталы Coursera и Udacity[16]. Большинство участников фокус-групп отметили, что слушали образовательные курсы на Coursera, лекции на YouTube, занялись дополнительным образованием.

Партисипативность потребительских практик на рынках медицинских услуг для лечения и профилактики заболеваний, заботы о собственном здоровье. Пандемия COVID-19 способствовала усилению партисипативности – росту мотивированного участия потребителей в профилактике заболеваний, ответственном самолечении и заботы о собственном здоровье. В результате инициатив со стороны потребителей к использованию удаленных сервисов медицинских консультаций (например, таких как «Яндекс.Здоровье», DocDoc, Doctor Smart, «Доктор Рядом Телемед», SmartMed, «Ясно», «Онлайн Доктор», «Мета»), удаленных справочных медицинских сервисов (например, «Инфодоктор») и удаленных рекомендательных медицинских сервисов (например, «Напоправку») с узкими врачами-специалистами усилился процесс совместного создания ценности медицинских услуг для всех участников партнерских отношений – потребители получили возможность найти врача или поликлинику по рекомендательным отзывам и интересующим их параметрам, сравнить цены и самостоятельно выбрать услугу медицинской консультации под свой бюджет, записаться на виртуальный прием к узкому специалисту или пригласить его домой, проводить удаленно сеансы по медицинской реабилитации[17]. И, исходя из онлайн-рекомендаций врача, потребители стали чаще пользоваться аптечными приложениями, благодаря которым можно найти и приобрести с доставкой на дом лекарства (например, с помощью онлайн-сервиса «Аптеки «2ГИС», который помогает узнавать о наличии, находить и приобретать лекарственные препараты в 50 регионах)[18].

---

[16] *Зырянова А.* Запущен каталог бесплатного образования COVID Education // Комсомольская правда. 2020. 20 марта [Электронный ресурс]. URL: //https://www.kp.ru/online/news/3804681/ (дата обращения 30 декабря 2020).

[17] *Логачева А.* Лучшие приложения для онлайн-консультаций с врачом. Альтернатива похода в больницу на карантине // The Village. 2020. 30 марта [Электронный ресурс]. URL: //https://www.the-village.ru/city/news-city/378163-telemeditsina (дата обращения 30 декабря 2020).

[18] *Масальцева М.* «2ГИС» запустил сервис по сравнению цен на лекарства // Афиша Daily 2017. 29 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://daily.afisha.ru/news/12919-2gis-zapustil-servis-po-sravneniyu-cen-na-lekarstva/ (дата обращения 30 декабря 2020).

Персонализация потребления и кастомизация продукции. Пандемия COVID-19 явилась внешним фактором, оказавшим влияние на рост персонализации потребления, а также кастомизации и клиентоориентированности ритейла – тенденции при организации интернет-заказов концентрироваться на запросах и уникальных потребностях самых разных групп потребителей. Расширился ассортимент товаров и услуг с разными свойствами и параметрами, выросла индивидуализация сервиса в соответствии с потребностями конкретного покупателя. Большое распространение во всех регионах получили услуги курьерской экспресс-доставки, помогающие оперативно доставлять товары и услуги, например сервисы доставки еды «Яндекс. Еда», «Яндекс. Доставка» и «Яндекс. Лавка», Delivery Club, Savetime[19]. Данные сервисы доставки еды существенным образом изменяют розничную торговлю, меняя формат магазинов, оптимизируя ассортимент и логистику, увеличивая фокус на свежие продукты[20]. Участники фокус-групп также отмечали, что заказывали доставку готовых блюд в пандемию.

Импровизация и новые креативные способы потребления. Во время жестких ограничений, связанных с работой предприятий, относящихся к индустрии впечатлений (ресторанный бизнес, предприятия культуры и туризм), были изобретены новые креативные способы потребления в онлайн-среде услуг этого сектора. Коронавирус дал волю творчеству и изменил формат даже такого традиционного мероприятия, как посещение ресторана или бара. Если нет возможности сходить в ресторан, ресторан сам приходит в дом к потребителю. Так, появилось несколько проектов онлайн-ресторанов и баров, которые позволяют потребителю даже в период самоизоляции посетить ресторан с друзьями или познакомиться с новыми гостями. Chef's Table в формате приватного онлайн-ужина с известным шефом, инстаграм-бранчи с приглашенными звездами, ресторан на диване, прямые эфиры со слепыми дегустациями и бар, куда может зайти каждый желающий, чтобы выпить коктейль

[19] *Ганжур Е.* Битва за еду: как Delivery Club и «Яндекс.Еда» перекраивают рынок во время пандемии // Forbes. 2020. 28 декабря [Электронный ресурс]. URL: //https://www.forbes.ru/biznes/417203-bitva-za-edu-kak-delivery-club-i-yandekseda-perekraivayut-rynok-vo-vremya-pandemii (дата обращения 30 декабря 2020).

[20] *Салахутдинов В.* Новые динозавры: как сервисы доставки еды перевернут розничную торговлю // Forbes. 2020. 22 февраля [Электронный ресурс]. URL: // https://www.forbes.ru/biznes/393373-novye-dinozavry-kak-servisy-dostavki-edy-mogut-razrushit-krupneyshie-roznichnye-seti (дата обращения 30 декабря 2020).

с виртуальными соседями по стойке[21]. Это такие проекты, как онлайн-ресторан "White Rabbit Family", «Ресторан на диване», воскресные онлайн-бранчи в «Доме культур», проект # барыонлайн от Inshaker (известный коктейльный сайт запустил историю под названием #барыонлайн, работающий на платформе Whereby. Виртуальный бар-хоппинг объединил уже больше двух десятков заведений в разных городах: среди прочих – московские Noor Bar и Dellicatessen, питерские Orthodox Bar и «Пирс 28», ростовские Grant и Shanghai 12, пермская «Наташа», нижегородские «Медные трубы» и «Видеосалон закрыт» из Новосибирска)[22]. Пара участников фокус-групп сказала, что пользовалась таким виртуальным рестораном для встреч с друзьями. Социальное дистанцирование, с одной стороны, лишило потребителей многих привычных хобби и досуга, а с другой стороны, способствовало появлению новых развлечений: виртуальных квестов в Google Forms, онлайн-фотосессий и проведение научных экспериментов в TikTok[23].

Изменения коснулись и ритуальных услуг: так, ритуальные службы Москвы, Петербурга, Уфы стали предлагать онлайн-похороны с организацией трансляции из Zoom и на YouTube, например московская компания «Честный агент» предоставляет сервис дистанционной организации похорон с бесплатной онлайн-трансляцией в прямом эфире на YouTube[24].

Рост творчества потребителей. Благодаря появлению дополнительного свободного времени в условиях изоляции, поскольку не нужно было тратить время для посещения места работы и учебы, походов в магазин, потребители стали больше внимания уделять своим хобби, экспериментировать с рецептами, слушать музыку и играть на музыкальных инструментах. Так, например, за август–сентябрь 2020 г. продажи музыкальных инструментов выросли в

---

[21] *Сальникова Л.* Онлайн-рестораны и бары: как это работает. 14.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: // https://www.timeout.ru/msk/feature/495172 (дата обращения 30 декабря 2020).

[22] *Кукулина А., Жуков И.* Кейс дня: виртуальный барный кластер // Рестораторшеф. 2020 [Электронный ресурс]. URL: // https://restorator.chef.ru/bar_online (дата обращения 30 декабря 2020).

[23] *Герасюкова М.* Квесты и онлайн-фотосессии: как технологии помогли миру пережить пандемию // Газета. 2020. 27 декабря [Электронный ресурс]. URL: //https://www.gazeta.ru/tech/2020/12/27/13414736/creative_tech.shtml (дата обращения 30 декабря 2020).

[24] *Максаков В.* Похороны онлайн: в России начинают хоронить близких через YouTube // Osnmedia. 2020. 2 апреля [Электронный ресурс]. URL: // https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/pohorony-onlajn-v-rossii-nachinayut-horonit-blizkih-cherez-youtube/ (дата обращения 30 декабря 2020).

3,5 раза, а скрипок – в 10 раз по сравнению с тем же периодом 2019 г.[25] Помимо этого, потребители активно делились знаниями о своем хобби, организовывали бесплатные мастер-классы. Например, кулинарная школа Novikov School открыла бесплатный доступ к огромному количеству мастер-классов, а ведущий Армен Газарян в Инстаграм рассказывает, как легко готовить национальные армянские блюда и закуски, не требующие дефицитных и замысловатых продуктов[26]. Половина участников фокус-групп отметила, что научилась готовить новые блюда с помощью фуд-флешмобов и благодаря контенту, публикуемому в социальных сетях.

Модифицирование процесса совершения покупки и потребления услуг. Существующие способы совершения покупок ряда товаров и услуг изменены в соответствии с новыми инструкциями и правилами, такими как ношение масок и соблюдение социальной дистанции: в России потребители надевают маски перед тем, как пойти за покупками или воспользоваться общественным транспортом, привыкли к измерению температуры при входе в торгово-развлекательные центры и гипермаркеты, в салоны красоты и фитнес-центры. Это также стало реальностью для посещения музеев и баз отдыха, спектаклей и концертов. Тестирование на наличие вируса стало обязательным при пользовании услугами авиаперелетов, заселении в санатории и дома отдыха.

Социальная изоляция кардинально трансформировала потребительское поведение россиян на рынке одежды и обуви: потребители массово перешли в режим экономии, отдают предпочтение более низкому ценовому сегменту, сокращают средний чек и создают запасы средств «на всякий случай». Потребительский спрос на одежду и обувь в конце марта – начале апреля падал на 70% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.[27] Участники фокус-групп

[25] *Власова И.* Сосед со скрипкой: россияне скупают музыкальные инструменты // Газета. 2020. 3 октября [Электронный ресурс]. URL: // https://www.gazeta.ru/business/2020/10/02/13276807.shtml (дата обращения 30 декабря 2020).

[26] *Николаева Л.* 8 бесплатных онлайн-ресурсов для всех, кто хочет научиться готовить. 17.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: //https://zen.yandex.ru/media/zehmedia/8-besplatnyh-onlainresursov-dlia-vseh-kto-hochet-nauchitsia-gotovit-5e99b9791ea568533df09c95 (дата обращения 30 декабря 2020).

[27] *Гойхман М.* Магазины одежды «обули» россиян: как пандемия трансформировала рынок // Московский комсомолец. 2020. 29 августа [Электронный ресурс]. URL: //https://www.mk.ru/economics/2020/08/29/magaziny-odezhdy-obuli-rossiyan-kak-pandemiya-transformirovala-rynok.html (дата обращения 30 декабря 2020).

отмечают, что стали чаще покупать домашнюю одежду, а также отдавать предпочтение одежде в сегменте кэжуал, приобрели удобные кроссовки и не покупали праздничную одежду и аксессуары.

Изменение потребительского поведения в сегменте бьюти-индустрии. Так как потребители значительно реже стали выходить из дома и общаться офлайн, то уменьшились траты на парикмахерские и косметологические услуги. Девушки-респондентки отметили, что стали чаще пользоваться уходовой косметикой (кремами, масками) и значительно уменьшили потребление декоративной косметики, стали сами себе делать маникюр и педикюр. Некоторые респонденты говорили, что их отцы приобрели машинки для стрижки волос, чтобы не ходить в парикмахерские.

Пандемия повлияла на рост осознанного потребления – с одной стороны, рационального потребления, а с другой стороны, потребительских эко-привычек иметь только самое необходимое и не причинять вреда окружающей среде (сортировка мусора, сдача сырья на переработку, использование многоразовой тары, рациональное расходование воды и электричества, наличие капсульного гардероба, покупка одежды в секонд-хендах, ресайклинг поношенной одежды)[28].

Отложенный спрос. Эпидемия повлияла на существенное смещение спроса с настоящего момента на будущее на услуги гостеприимства, включая выездной туризм, а также зрелищные мероприятия.

Заключение

Таким образом, фокус на сохранение здоровья и безопасность в условиях эпидемиологической угрозы и социального дистанцирования повлиял на существенное изменение трендов потребительского поведения и сохранение их в будущем, в результате чего потребители полностью не вернутся к своим старым привычкам и после окончания пандемии. Новые технологии и диджитализация вносят существенные изменения в их жизнь и потребительские практики, направленные на сохранение здоровья и обеспечение безопасности. Это означает необходимость в перестройке управления бизнесом в сегменте B2C. Воздействие пандемии COVID-19 на потребителей выдвинуло три управленческих задачи для бизнеса в управлении поведением потребителей.

---

[28] *Ахмеджанова О.* 13 правил осознанного шопинга: как составить экологичный гардероб // Блог издательства «Манн, Иванов и Фербер». 2020. 9 апреля [Электронный ресурс]. URL: //https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2020/04/09/13-pravil-osoznannogohopinga-kak-sostavit-ekologichnyj-garderob (дата обращения 30 декабря 2020).

Во-первых, бизнес должен быть менее зарегулированным формальными процессами, научиться импровизировать и стать более устойчивым, гибким и креативным в удовлетворении новых нужд и запросов потребителей, например научиться создавать свою инфраструктуру, системы и процессы, чтобы быть более устойчивым, и дать потребителям больше возможностей выбора благодаря омниканальной доставке товаров.

Вторая управленческая задача для бизнеса – соответствие спроса и предложения. В каждом розничном магазине, от магазина у дома до супермаркетов и гипермаркетов, имел место хронический дефицит из-за накопления запасов в связи с изменением потребительского спроса в условиях пандемии. Цепочка поставок, логистика и складские операции являются критически важными функциями, которые необходимо интегрировать с неустойчивыми колебаниями потребительского спроса. Необходимо все больше и больше поощрять онлайн-закупки: магазин должен сам идти к покупателю.

Третий факт для менеджмента состоит в том, что потребители не вернутся полностью к своим старым привычкам, если технологии, которые они научились использовать, например Zoom, видеосервисы и онлайн-заказы, вносят существенные изменения в их жизни. Опыт клиентов в виртуальном мире, онлайн-покупки услуг и онлайн-поддержка потребителей являются стратегическими инвестициями для бизнеса.

Литература

Arkhipova, Nazaykinsky, Sedova 2020 – *Arkhipova N.I., Nazaykinsky S.V., Sedova O.L.* Management of Personnel Health and Well-Being in the Context of Distance Employment // Digital Economy and the New Labor Market: Jobs, Competences and Innovative HR Technologies / Ed. by S.I. Ashmarina, V.V. Mantulenko. IPM 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer. Cham. Vol. 161. P. 129–134, doi.org/10.1007/978-3-030-60926-9_18.

Brotman 2020 – *Brotman J.* Providing Outpatient Telehealth in the United States: Before and During COVID-19 // CHEST Reviews. 2020. 25 November. DOI: 10.1016/j.chest.2020.11.020.

Foroudi, Tabaghdehi, Marvi 2021 – *Foroudi, P., Tabaghdehi, S., Marvi, R.* The gloom of the COVID-19 shock in the hospitality industry: A study of consumer risk perception and adaptive belief in the dark cloud of a pandemic // International Journal of Hospitality Management. 2021. Vol. 92. January. 102717.

Keane, Neal 2021 – *Keane M., Neal T.* Consumer panic in the COVID-19 pandemic // Journal of Econometrics. 2021. Vol. 220. Iss. 1. January. P. 86–105. DOI: 10.1016/j.jeconom.2020.07.045.

Min, Xiang, Zhang 2020 – *Min S., Xiang C., Zhang X.* Impacts of the COVID-19 pandemic on consumers' food safety knowledge and behavior in China // Journal of Integrative Agriculture. 2020. Vol. 19. Iss. 12. December. P. 2926–2936. DOI: 10.1016/S2095-3119(20)63388-3.

Naeem 2021 – *Naeem, M.* Do social media platforms develop consumer panic buying during the fear of COVID-19 pandemic // Journal of Retailing and Consumer Services. 2021. Vol. 58. January. 102226. DOI: 10.1016/j.jretconser.2020.102226.

Sheth 2020 – *Sheth J.* Impact of COVID-19 on consumer behavior: Will the old habits return or die? // Journal of Business Research. 2020. Vol. 117. September. P. 280–283. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.05.059.

References

Arkhipova, N.I., Nazaykinsky, S.V. and Sedova, O.L. (2020), "Management of Personnel Health and Well-Being in the Context of Distance Employment", In: Ashmarina S.I., Mantulenko V.V. (eds.), *Digital Economy and the New Labor Market: Jobs, Competences and Innovative HR Technologies*, Lecture Notes in Networks and Systems, Springer, Cham, vol. 161, pp. 129–134, doi.org/10.1007/978-3-030-60926-9_18,

Brotman, J. (2020), "Providing Outpatient Telehealth in the United States: Before and During COVID-19", *CHEST Reviews*, 25, November, DOI:10.1016/j.chest.2020.11.020

Foroudi, P., Tabaghdehi, S. and Marvi, R. (2020), "The gloom of the COVID-19 shock in the hospitality industry: A study of consumer risk perception and adaptive belief in the dark cloud of a pandemic", *International Journal of Hospitality Management,* vol. 92, January, DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102717

Keane, M. and Neal, T. (2021), "Consumer panic in the COVID-19 pandemic", *Journal of Econometrics*, vol. 220, iss. 1, January, pp. 86–105, DOI: 10.1016/j.jeconom.2020.07.045

Min S., Xiang C. and Zhang, X. (2020), "Impacts of the COVID-19 pandemic on consumers' food safety knowledge and behavior in China", *Journal of Integrative Agriculture,* vol. 19, iss. 12, December, pp. 2926–2936, DOI: 10.1016/S2095-3119(20)63388-3

Naeem, M. (2021), "Do social media platforms develop consumer panic buying during the fear of COVID-19 pandemic", *Journal of Retailing and Consumer Services,* vol. 58 (4), January, 102226 DOI: 10.1016/j.jretconser.2020.102226

Sheth, J. (2021), "Impact of COVID-19 on consumer behavior: Will the old habits return or die?", *Journal of Business Research*, vol. 117, September, pp. 280–283, DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.05.059

Информация об авторах

Татьяна Б. Рыжкова, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tbr@rggu.ru

Елена А. Тарасенко, кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; etarasenko@hse.ru

Information about the authors

Tat'yana B. Ryzhkova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; tbr@rggu.ru

Elena A. Tarasenko, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000; etarasenko@hse.ru

УДК 364
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-38-45

Преодоление бедности как приоритет управления социальным развитием страны

Людмила Л. Калинина

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, Lyudmilacalinina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема бедности как явная угроза успешному социально-экономическому развитию России. Дана оценка мер, направленных на ее преодоление. Показана роль социальных контрактов не только как способа формирования новых источников дохода для самообеспечения граждан, но и как основы для формирования новой системы ценностей человека, возможности самому определять свою жизнь в новой экономической реальности. Выявлены пути решения данной проблемы в связи с возросшими рисками в условиях преодоления последствий коронавируса

Ключевые слова: бедность, уровень бедности, проблема бедности, социальное партнерство

Для цитирования: Калинина Л.Л. Преодоление бедности как приоритет управления социальным развитием страны // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 38–45. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-38-45

Overcoming poverty as a priority in managing the country's social development

Lyudmila L. Kalinina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Lyudmilacalinina@yandex.ru

Abstract The article considers the poverty issue as that of a clear threat to the successful socio-economic development of Russia. It gives an assessment of measures aimed at overcoming and shows the role of social contracts not only as an opportunity for the formation of new sources of income for self-sufficiency, but also as a basis for the formation of a new system of human values, the ability to determine his own life in the new economic reality. The article also identifies the ways of solving that issue in the conditions of increased risks in the context of overcoming the consequences of coronavirus.

Keywords: poverty, poverty rate, poverty issue, social partnership

For citation: Kalinina, L.L. (2021) "Overcoming poverty as a priority in managing the country's social development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 2, pp. 38-45, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-38-45

© Калинина Л.Л., 2021

Намеченный Россией курс на решение социальных задач в сложных современных условиях, особенно обострившихся в связи с преодолением пандемии коронавируса и напряженной геополитической обстановкой, требует создания симбиоза правовых и экономических условий, мобилизации значительных финансовых ресурсов, а также изменений в общественном сознании.

В частности, одной из наиболее значимых глобальных проблем является проблема бедности, а именно – невозможность поддерживать необходимый уровень потребления из-за недостатка материальных запасов, который не обеспечивает отдельным людям минимально необходимый уровень жизни, характерный для конкретного государства. Число людей, находящихся за чертой бедности, – важный индикатор, характеризующий уровень социально-экономического развития страны.

С необходимостью решения этой проблемы в различные периоды истории сталкивались многие государства, но при всем многообразии подходов решение этой проблемы не является универсальным, так как многое зависит от уровня развития экономики, географического расположения территории, исторических особенностей, менталитета, культуры населения и др. Исследователи данной проблемы указывают на наличие нескольких ступеней бедности, выделяют относительную и абсолютную бедность[1].

В России задача по снижению уровня бедности в два раза была поставлена в майских указах президента в 2018 г. Соответственно, заявленная цель должна была быть достигнута к 2024 г., и уровень бедности по сравнению с 2017 г. должен был составить порядка 6,5% (учитывая, что в 2017 г. он равнялся 12,9%)[2]. Однако сложившиеся условия вызвали необходимость корректировки намеченного и в Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[3], подписанном В.В. Путиным в июле 2020 г., срок выполнения был сдвинут на 2030 г.

Результаты первого квартала 2020 г. были неутешительны – только 5,6% россиян имели доход более 75 тыс. руб. в месяц, у 56,1% доход не превышал 27 тыс. руб., а у 36,8% он был менее 19 тыс. руб.,

[1] Проблема бедности и пути ее решения. Бедные люди [Электронный ресурс]. URL: https://fb.ru/article/325856/problema-bednosti-i-puti-e-resheniya-bednyie-lyudi (дата обращения 2 января 2021).

[2] Число бедных в РФ во II квартале возросло на 1,3 млн чел. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/727665 (дата обращения 2 января 2021).

[3] Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/99/events/63728 (дата обращения 02 января 2021).

10,9% жили на средства меньше, чем 14 тыс. руб., и 10,9% получали до 10 тыс. руб.[4] Итоги первого полугодия 2020 г. продемонстрировали, что уровень бедности в России составил 13,2%, что лишь на 0,3 процентных пункта меньше аналогичного показателя первого квартала 2019 г. Прогнозируется, что по итогам 2020 г. уровень бедности составит порядка 13%[5].

Рост уровня бедности связан с падением доходов населения, особенно в период жестких ограничительных мер, включая запрет на функционирование предприятий и самоизоляцию населения, направленных на снижение угроз пандемии в весенний период. При этом федеральное правительство предприняло значительные усилия, чтобы не допустить падения уровня жизни людей, особенно семей с детьми, выделив 359 млрд руб. на различные меры поддержки.

По статистике уровень бедности в семьях с детьми в два раза выше среднего по стране. Зачастую именно рождение детей переводит семью в категорию бедных, так как оплата труда работающих матерей низка. Крайне негативно, что это происходит на фоне поставленной президентом и правительством задачи по повышению рождаемости и решения демографической проблемы. Особенно тяжелая ситуация характерна для многодетных семей – там каждый второй ребенок (49,4%) находится за чертой бедности, схожая картина наблюдается в неполных семьях (27,8%) и семьях инвалидов (27,3%)[6]. Назревшая необходимость решения данной проблемы связана также с тем, что дети из малообеспеченных семей чаще попадают в криминальные ситуации, хуже осваивают программы школы и вузов, чем их сверстники, если в этих учебных заведениях не реализуются специальные программы поддержки таких детей. В дальнейшем для них более остро стоит проблема трудоустройства (особенно на хорошо оплачиваемую работу). Таким образом создаются условия для воспроизводства бедности, своего рода «ловушка»[7].

---

[4] Россия тонет в бедности: половина граждан живут на 7 $ в день [Электронный ресурс] URL: https://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/rossiya-tonet-v-bednosti-polovina-grazhdan-zhivut-na-$7-v-den-1029372021 (дата обращения 02 января 2021).

[5] Эксперт рассказала, каким будет уровень бедности в РФ по итогам 2020 года [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/economy/3145039.html (дата обращения 2 января 2021).

[6] Россия достигла уникальной бедности [Электронный ресурс]. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/rossiya-dostigla-unikalnoy-bednosti-1029465383 (дата обращения 10 января 2021).

[7] Там же.

Введение системы пособий на детей является существенной мерой по поддержанию уровня жизни населения. Данные меры поддержки пролонгированы и на 2021 г. При этом величина прожиточного минимума с 1 января 2021 г. составляет 11 653 руб., а минимальный размер оплаты труда – 12 792 руб. С 2021 г. величина прожиточного минимума утверждается на год и не будет пересматриваться ежеквартально. Величина прожиточного минимума разработана и дифференцирована с учетом региональных особенностей и категорий населения (работоспособные граждане, пожилые люди, дети). В частности, в Москве величина прожиточного минимума на душу населения составляет 18 029 руб., для трудоспособных граждан – 20 589 руб., для пенсионеров – 13 496 руб., для детей – 15 582 руб.[8]

На борьбу с бедностью направлено также сохранение увеличенного с марта месяца 2020 г. пособия по безработице, использование практики применения социальных контрактов. В последнем случае между отдельным человеком или семьей, доходы которых по причинам, не зависящим от них, не превышают прожиточного минимума, установленного для определенного субъекта РФ, и органами социальной защиты заключается соглашение на оказание определенной социальной помощи со стороны государства. Важно, что это могут быть не только социальные услуги, но и непосредственные денежные выплаты в размере до 250 тыс. руб., которые получатель может потратить на переобучение по новой профессии, дальнейшее трудоустройство, начало и развитие собственного бизнеса[9]. Эта важная инициатива правительства, которая реализуется с 2013 г., направлена на решение проблемы формирования новых источников доходов для самообеспечения граждан. С 2020 г. возможности применения подобных контрактов расширены, ими будут охвачены все субъекты Российской Федерации, а процедура их заключения упрощена. Планируется, что в период с 2021 по 2022 г. на эти цели будет выделяться ежегодно 29,2 млрд руб. и социальные контракты смогут заключить 1 млн чел.

Использование такого механизма, как социальный контракт, учитывает, что определяющим фактором экономического развития становятся качества человеческого капитала. Люди, заключившие контракт с государством, смогут повышать свой уровень образо-

[8] В Москве установили прожиточный минимум на 2021 год [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/moskva/10499099 (дата обращения 20 января 2021).

[9] Кто имеет право на выплаты и бесплатные услуги в рамках социального контракта [Электронный ресурс]. URL: http://duma.gov.ru/news/49367 (дата обращения 9 января 2021).

вания, развивать имеющийся трудовой потенциал, поэтому это не только возможность решить проблему бедности, а своего рода помощь в формировании новых целевых установок человека.

Исследователи подчеркивают, что вложения в человеческий капитал – это отправная точка общественного прогресса в XXI в., и даже такие важные факторы, как уровень производительности труда, культура производства и ряд других, являются в определенной степени вторичными по отношению к самому главному фактору – качества человека [Абалкин 1998, с. 16].

В настоящее время экспертами отмечается общемировой тренд замедления темпов роста производительности труда. В России за период с 2003 по 2008 г. производительность труда возросла на 6%, а в период с 2013 по 2018 г. роста фактически не было. В 2018 г. данный показатель составил 1,9%[10]. Комплекс причин, вызвавших это, весьма разнообразен и включает недостаточную инвестиционную активность, влияние международных санкций, слабость частного бизнеса, старение населения, недостаточное качество образования и др. Кроме того, на снижение производительности труда индивидуума, относящегося к группе «работающих бедных» влияет плохое питание, отсутствие средств на приобретение необходимых лекарств, невозможность в должной мере заботиться о своем здоровье.

Действенным инструментом в борьбе за преодоление бедности является гибкая налоговая политика, причем важно, чтобы она была увязана не только с состоянием экономики, но и с решением социальных задач, стоящих перед страной. Давно обсуждается необходимость введения дифференцированной шкалы налога на доходы физических лиц и обнуление его ставки для наименее обеспеченных граждан. Перераспределение части доходов наиболее обеспеченных граждан обеспечивает введение с 2021 г. повышенной ставки налога на доходы физических лиц, превышающие 5 млн руб., и последующее аккумулирование этих средств в фонде помощи детям, страдающим тяжелыми заболеваниями. Эта мера отвечает принципам социальной справедливости, позволяет надеяться, что родители таких детей не окажутся за чертой бедности, а эти дети станут полноценными членами общества.

Необходимо разъяснять обществу, что борьба с бедностью осуществляется в интересах всех людей, а не какой-либо узкой группы, и это принесет в будущем значимые результаты. Однако данный процесс достаточно длительный, требующий поддержки со стороны не только государства, но и бизнеса, а также общества в целом.

[10] Всемирный банк назвал лучший способ борьбы с бедностью [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2020/01/09/820285-vsemirnii-bank (дата обращения 2 января 2021).

Только в этом случае можно ожидать положительных результатов и доверия к проводимой властью политике.

Следует отметить, что реализуемая федеральным правительством политика по борьбе с бедностью должна задавать вектор действий органам власти на местах. Необходимо органично сочетать методы и меры централизации и децентрализации. Это позволит людям почувствовать, что именно общество готово проявлять заботу о них. Учитывая ограниченность средств, можно использовать зарубежный опыт, когда муниципалитеты отвечают за эффективное распределение средств, выделенных центром, так как они лучше понимают местную специфику и знают потребности каждого; кроме того, именно в муниципалитетах создаются специальные «фонды солидарности», которые аккумулируют средства для лиц с минимальными доходами. Средства из этих фондов могут направляться на прямую поддержку малоимущих, создание системы коллективного дополнительного (кроме обязательного государственного) медицинского страхования, на формирование жилищных фондов, из которых может выплачиваться дополнительная к общегосударственной субсидия на оплату жилья, а также на поддержку спортивных обществ, музыкальных и театральных коллективов, музеев и библиотек, но при этом обязательно, чтобы их услугами пользовались такие лица [Ван дер Верф 1998, с. 88].

Ряд рассмотренных направлений поддержки схож с применяемыми в России программами, но необходимым условием повышения результативности является внедрение новых подходов в подобной работе, их расширение при обязательной сбалансированности со стимулированием людей, не имеющих работу, к ее поиску, стремлению изменить свою жизнь к лучшему, по подъему в шкале ценностей россиян интереса к реализации личных инициатив.

Особую значимость имеют программы по развитию социальной активности людей, получающих пособия и относящихся к малоимущим. Признавая сложность быстрого трудоустройства безработных из числа подобных лиц, специалисты считают, что необходимо привлекать их к различной общественной работе, которая не оплачивается, максимально интегрируя их в жизнь общества с учетом имеющихся социально-экономических различий категорий этих лиц и их фактического здоровья [Ван дер Верф 1998, с. 86]. Продолжительные периоды безработицы и социальной изоляции значительно снижают их способность на новый старт. Бесспорно, проблема трудоустройства для таких лиц – это также психологическая проблема, поэтому данный подход имеет четкую направленность на их социализацию.

Важно, чтобы бизнес активнее участвовал в программах социального партнерства, взяв на себя часть ответственности за соци-

ально-экономическое развитие страны. Государство, в свою очередь. должно инициировать разработку программ, направленных на повышение экономической активности и социальной ориентированности бизнеса [Калинина 2016, с. 39]. Очевидно, что в противном случае проблему бедности не удастся решить.

Сложный 2020 г. показал, что меры, предпринятые государством для поддержания определенного уровня занятости и доходов работающих, были правильно восприняты бизнесом, который осознал необходимость тесного взаимодействия с государством и обществом в новом формате повышения социальной ответственности для предотвращения обеднения населения, так как это ведет, в том числе, к снижению совокупного спроса. Государство, в свою очередь, должно и далее поддерживать бизнес, осваивающий новые, инновационные направления деятельности. Например, для IT-компаний (при определенных условиях) по страховым взносам, НДС и налогу на прибыль в 2021 г. могут быть предоставлены существенные льготы. Так, налог на прибыль для компаний, использующих общую систему налогообложения, снижен до 3% вместо 20%[11].

Информационное общество вызвало к жизни новые формы организации труда работников. Это касается в том числе и дистанционной занятости. Работающий индивидуум может управлять собой и координировать свою деятельность с другими с использованием информационных систем, а работодатели адресно информировать возможных претендентов на имеющиеся вакансии о содержании работы и ее условиях [Назайкинский, Седова 2016, с. 79]. Причем работающие в информационной сфере имеют возможность получения более высокой оплаты труда, чем вне ее. Однако решение начать собственное дело, в том числе и в IT-сфере, должно быть рациональным, планомерным выбором человека, не строиться на эмоциях, поэтому следует обратить его внимание на возможность получения разнообразных услуг по повышению квалификации или получению новой профессии, что должно обеспечиваться системой непрерывного образования, включая создание развитой сети консультационных пунктов. Современные университеты также могут активно участвовать в этих процессах. Университеты способны внести свой вклад в сокращение разрыва между богатыми и бедными, повышая образовательный уровень последних, организуя, например, занятия по повышению финансовой грамотности, бизнес-планированию и др. в рамках программ Воскресного университета.

[11] *Шадрина А.* Льготы для IT-компаний в 2021 году: кто и как может их получить. 16 ноября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https: //rb.ru/opinion/it-bonuses/ (дата обращения 9 января 2021).

Очевидно, что в настоящих условиях, когда происходит переоценка всех основных политических, экономических и социальных аспектов взаимодействий, сложившихся в современном мире, высокой вероятности возрастания рисков в связи с продолжающейся пандемией коронавируса необходимы не точечные меры, а последовательная реализация разработанных программ по борьбе с бедностью и Национальных проектов, четкость и взаимная увязка предлагаемых мер для повышения благосостояния граждан России, целевым ориентиром которых должно стать развитие человека.

Литература

Абалкин 1998 – *Абалкин Л.* Проблема выбора стратегии на XXI век // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 2. С. 13–18.

Ван дер Верф 1998 – *Ван дер Верф К.* Нидерланды: муниципальная политика по преодолению бедности // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 2. С. 85–88.

Калинина 2016 – *Калинина Л.Л.* Стабильность общества как фундамент реформирования экономики // Вестник РГГУ Сер. «Экономика. Управление. Право». 2016. № 3. С. 34–43.

Назайкинский, Седова 2016 – *Назайкинский С.В., Седова О.Л,* Совершенствование управления персоналом организации с использованием новых информационных технологий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2016. № 3. С. 76–83.

References

Abalkin, L., (1998), "The issues of choosing a strategy for the 21st century", *International Journal of Management Theory and Practice*, no. 2, pp. 13–18.

Kalinina, L.L., (2016), "Stability of society as the foundation for the economy reforming." *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management, Law"* Series, no. 3, pp. 34–43.

Nazaykinskii, S.V. and Sedova, O.L. (2016), "Improving the organization's personnel management using new information technologies", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management, Law" Series,* no. 3, pp. 76–83.

Van der Werf K., (1998) "The Netherlands. Municipal policy to overcome poverty", *International Journal of Management Theory and Practice,* no. 2, pp. 85–88.

Информация об авторе

Людмила Л. Калинина, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lyudmilacalinina@yandex.ru

Information about the author

Lyudmila L. Kalinina, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; lyudmilacalinina@yandex.ru

УДК 005.8
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-46-61

О проектах, проектной деятельности и их роли в экономике предприятий

Валерий М. Тумин
Московский политехнический университет
Москва, Россия, vm@tumin.net

Петр А. Костромин
Московский политехнический университет
Москва, Россия, farmc_kostromin@mail.ru

Валерий В. Тумин
Московский институт тонких химических технологий
Москва, Россия, tumin@me.com

Аннотация. Статья посвящена роли проектов и проектной деятельности в экономике страны и отечественных предприятий. Рассмотрены эволюционные перемены, произошедшие за последние годы в понимании содержания слов «проект» и «проектная деятельность» в научной литературе, в нормативных документах и на бытовом уровне. На этой основе уточнено содержание этих понятий и показано, что в настоящее время в России и мире прослеживается тенденция к росту количества выполняемых проектов и повышению их роли в жизни общества. На фоне этой тенденции формируется новая модель экономического развития общества – «проектная экономика», реализуемая на практике не через ставшие привычными рыночные механизмы, а через множественную систему проектов. Это означает, что значительная часть экономики будущего, включая экономику предприятий, может состоять из пронизывающих ее огромного числа проектов на макро-, мезо- и микроуровнях, иерархически взаимосвязанных в пространстве, времени и между собой. Сформулированы восемь базовых условий, актуальных для большинства проектов и включающих в себя конкретные действия, которые, будучи выполненными к моменту начала реализации проектов, могут создать необходимые предпосылки для успешного достижения утвержденных в каждом проекте целей.

Подчеркнута важность учета во всех решениях по разработке и реализации проектов, особенностей принятых в них к использованию техноло-

© Тумин В.М., Костромин П.А., Тумин В.В., 2021

гических процессов и оборудования. Последние рассматриваются авторами в качестве того фундамента, на который затем целенаправленно могут надстраиваться все другие возможные варианты действий, обеспечивающие как подготовку проекта к запуску, так и его успешную и эффективную реализацию. Авторы считают, что проектная экономика представляет собой составную часть нашей общей экономики, в силу чего она не вытеснит из жизни общества рыночную экономику, а будет совместно с ней более или менее дружно сосуществовать. Точно так же, как рыночная экономика сосуществует сегодня с элементами плановой экономики в деятельности любого предприятия.

Ключевые слова: проект, проектная деятельность, управление проектами, менеджмент проектов, проектная экономика, предприятия, условия, действия, технологические процессы и оборудование

Для цитирования: Тумин В.М., Костромин П.А., Тумин В.В. О проектах, проектной деятельности и их роли в экономике предприятий // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 46–61. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-46-61

About projects, project activities and their role in the economy of enterprises

Valerii M. Tumin

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, vm@tumin.net

Petr A. Kostromin

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, farmc_kostromin@mail.ru

Valerii V. Tumin

Moscow State University of Fine Chemical Technologies, Moscow, Russia, tumin@me.com

Abstract. The article concerns with the role of projects and project activities in the economy of the country and its enterprises. The article considers the evolutionary changes that have occurred in recent years in understanding the content of the words “project” and “project activity” in the scientific literature, in regulatory documents and at the household level. On that basis, those concepts’ content is clarified**.** The authors show that currently in Russia and in the world there is a tendency to increase a number of projects performed and to increase their role in the society’s life. Against that trend’s background, the new society’s economic development model is being formed – the “project economy”, implemented in practice not through the usual market mechanisms, but through a multiple system of projects. It means that a significant part of the future economy, including the enterprises’ economy, may consist of a huge number of projects permeating it at the macro-, meso- and micro-levels that are hierarchically interconnected in space, time and among themselves. The article formulates eight basic conditions that are relevant for most projects

and that include specific actions which, if completed by the time the projects are launched, can create the necessary prerequisites for the successful goals' achievement approved in each project.

It also highlights an importance of taking into account in all decisions on the projects' development and implementation, the features of the technological processes and equipment adopted in them for use. The latter are considered by the authors as the foundation on which all other possible options for actions can then be purposefully built, ensuring both the project's preparation for launch and its successful and effective implementation. The authors believe that the project economy is an integral part of our common economy, which is why it will not displace the market economy from the life of society, but will co-exist more or less amicably with it. Just as the market economy co-exists today with planned economy's elements in the any enterprise's activities.

Keywords: project, project activity, project management, project management, project economy, enterprises, conditions, actions, technological processes and equipment

For citation: Tumin, V.M., Kostromin, P.A. and Tumin, V.V. (2021), "About projects, project activities and their role in the economy of enterprises", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. no. 2, pp. 46-61. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-46-61

Введение и эволюция проблемы

Всего лишь 15–20 лет тому назад в обиходе большинства россиян и многих жителей постсоветского пространства слова «проект», «проектная деятельность», «управление проектами», «менеджер проекта» и другие подобные имели весьма ограниченное хождение. Ими оперировали преимущественно инженерные специалисты. В то время содержание этих слов ассоциировалось, как правило, с подготовкой и утверждением комплекта расчетов, чертежей, макетов, описаний и другой документации, необходимой для обоснования целесообразности, порядка, сроков и затрат намечаемых к исполнению серьезных по своему масштабу работ. Это могли быть работы по освоению космоса и разработке природных ресурсов, по строительству нефте- и газопроводов, по сооружению и реконструкция предприятий и жилья, по созданию и освоению новых продуктов, транспортных коммуникаций и пр.

За прошедшие с того времени годы слова «проект», «проектная деятельность» и «управление проектами» быстро «пошли в народ». Их содержание расширилось и стало ассоциироваться, наряду с определенной документацией, с совокупностью практических дей-

ствий (работ) по достижению тех или иных сформулированных целей. К тому же эти слова стали достаточно «модными» и из высокого инженерного лексикона устремились в разговорную речь, широко распространившись даже на бытовом уровне. Причем настолько широко, что часто стали обозначать не более чем любой задумываемый кем-либо план каких-либо действий (подчас очень простеньких), как и сами действия по исполнению этого плана.

Как следствие, словами «проект», «проектная деятельность», «управление проектами» и др. сегодня начинают оперировать даже дети, причем чуть ли не из детского сада и начальной школы, когда, к примеру, передают родителям просьбу детсадовского или же школьного начальства принять активное участие в реализации «проекта» по встрече Нового года или же «проекта» по организации выставки детского рисунка или пластилинового творчества и т. д. Поход в кинотеатр, на стадион, к врачу, поехать отдыхать и прочие обычные действия – все это сегодня может называться «проектами», «проектной деятельностью», «управлением проектами» и т. п. Одновременно люди, исполняющие подобного рода простейшие работы, именуются подчас громко и модно «менеджерами проектов».

В целом нет большой беды в упрощенной разговорной интерпретации содержания слов «проект», «проектная деятельность», «управление проектами», «менеджер проекта» и др. Вместе с тем нужно четко представлять, что если убрать чрезмерно вольную трактовку этих слов, исключить веяния разговорной моды и подобного рода другие привходящие условия, то в содержании останутся конкретные области квалифицированной профессиональной человеческой деятельности, часто трактуемые специалистами хотя и по-разному, но более или менее единообразно.

Например, в Постановлении Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» проект определяется как комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений[1]. Такое понимание проектов принципиально находится в русле представлений о них, приводимых во многих научных публикациях, в рекомендациях сообществ специалистов в области проектной деятельности, в разных стандартах, в том числе зарубежных.

Это подробно показано в учебнике для вузов Г.Д. Антонова, О.П. Ивановой и В.М. Тумина «Управление проектами организа-

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201610180015 (дата обращения 11 марта 2021).

ции» [Антонов, Иванова, Тумин 2019b], в котором изложены разные точки зрения в отношении современного понимания содержания слова «проект», причем не только со ссылками на научные работы, но и на нормативные документы профильных организаций. В том числе на документы Всемирной некоммерческой профессиональной организации по управлению проектами, Ассоциации проект-менеджеров Великобритании, Немецкой национальной организации по стандартизации, Австралийского института проектного менеджмента и других.

Анализ приведенных точек зрения позволяет заключить, что в многообразных трактовках данного вопроса отечественными и зарубежными специалистами больше общего, нежели различий. При этом большинство интерпретаций содержания слова «проект» укрупненно может быть сведено к трем [Антонов, Иванова, Тумин 2019b, с. 227].

Во-первых, можно рассматривать «проект» как комплексное, неповторяющееся мероприятие, предполагающее внедрение инноваций, ограниченное по времени, бюджету, ресурсам, а также четко сформулированными заказчиком требованиями к выполнению.

Во-вторых, – как деятельность, имеющую начало и конец, реализуемую в соответствии с теми или иными стандартами проектной деятельности, на основе заранее разработанного плана (графика), силами проектной команды с предустановленными ролями и регламентом внутрипроектной коммуникации.

В-третьих, – как временное предприятие, предназначенное для получения уникальных продуктов, услуг или результатов.

Что касается слов «проектная деятельность», «управление проектами», «менеджер проекта» и др., то их содержание также трактуется специалистами более или менее единообразно и согласуется с одним из вариантов понимания базового слова «проект», приведенного выше.

Современное состояние проблемы

В настоящее время в России, как и в других странах, представления о проектных областях человеческой деятельности обозначены в целом достаточно внятно. Они опираются на сформированные по этому направлению научные и методические положения, профессиональные стандарты, программы подготовки специалистов и другие документы. В них даются определения проектов, описываются действия по установлению целей проектов, по управлению, анализу и контролю за ходом реализации

проектов, излагаются должностные обязанности менеджеров проектов и т. п.

Согласно требованиям подобных документов, проектная деятельность сегодня предполагает обязательное выполнение следующих этапов: инициирование, подготовку, реализацию и завершение проектов. При этом, как и много лет тому назад, данная деятельность предполагает профессиональную разработку документации и выполнение в соответствии с ней комплекса намечаемых плановых работ, позволяющих (в рамках выделенного бюджета и установленных сроков) достигнуть на каждом из этапов поставленных целей, взаимоувязанных с конечными целями проектов.

Отметим, что далеко не все работы, планируемые и реализуемые, к примеру, на предприятиях, индивидуальными предпринимателями или же просто физическими лицами, могут относиться к «проектным» и представлять собой «проектную деятельность». К таким работам, по нашему мнению, могут быть отнесены лишь те из них, которые не только направлены на достижение четко обозначенных целей, но и одновременно организованы в согласии с правилами и положениями проектной науки и практики, изложенными в специальной научной, учебной и методической литературе, в нормативных документах, стандартах и пр.

Иными словами, индивидуальные или групповые спонтанные походы в кино или к врачу являются не чем иным, как самыми обычными бытовыми действиями, которые, строго говоря, не следует отождествлять с проектами. В то же время планирование и осуществление походов в кино, на выставку, создание киноцентров, развертывание в них тематических показов фильмов и проведение кинофестивалей, распространение билетов и обеспечение этих мероприятий зрителями – все эти действия можно рассматривать и воплощать в жизнь в качестве проектов, с присущей им документацией, бюджетом, сроками и принципами исполнения. Так же как и съемки кинофильмов, постановки спектаклей в театрах, рекламную деятельность или же написание книг, разработку учебных программ и соответствующего контента для проведения занятий со студентами, создание и обеспечение работы разных фондов, благоустройство территорий и др. И уж совсем не вызывает сомнения отнесение к проектам и реализация на проектных принципах таких работ, как работы по производству, продажам и рыночному продвижению продукции (услуг), по освоению новых ее видов, ремонту и модернизации оборудования, по совершенствованию технологических процессов, по строительству новых и модернизации действующих предприятий и производств, по комплектованию их кадрами, по выполнению научных исследований, по разработке и

реализации различных бизнес-идей, максимизации получаемой прибыли и минимизации производственных затрат и пр.

Отметим, что в настоящее время в России и за рубежом наблюдается рост интереса к проектам, проектной деятельности, к управлению проектами и прочим смежным вопросам. Причем не только у специалистов, но и среди части обычного населения. И этот интерес вполне оправдан. Дело в том, что в нашей стране, как и во многих других странах мира, прослеживается отчетливая тенденция к росту количества выполняемых проектов и повышению их роли в экономике и в общественной жизни. Под воздействием этой тенденции и все более активного, пусть даже косвенного, ее освещения в средствах массовой информации и сети Интернет все большее число людей понимает, что успехи или неудачи в осуществлении проектов непосредственно влияют на их благосостояние и качество жизни. Как следствие, на глазах у населения растет понимание значимости рассматриваемой проектной области человеческой деятельности. Одновременно растет и понимание необходимости ее более широкого использования в процессах обоснования и принятия управленческих решений, посвященных определению путей достижения целей, декларируемых государствами, корпорациями, разными организациями, фондами и другими субъектами экономической и социальной жизни общества.

Особенно это прослеживается на примерах активно обсуждаемых в средствах массовой информации и в сети Интернет международных проектов глобального характера, а также на преимущественно внутрироссийских проектах федеральной значимости. Прежде всего на примерах национальных проектов (программ), отмеченных в указе Президента России от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», определившим национальные цели и стратегические задачи Российской Федерации на заданный промежуток времени[2].

В числе наиболее характерных международных проектов, объединяющих усилия специалистов России и других стран, можно назвать проекты по борьбе с пандемией короновируса и разработкой противовирусных вакцин, проекты по совместному освоению космоса, по сооружению газопроводов «Турецкий поток» и «Северный

[2] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038?index=1&rangeSize=1 (дата обращения 11 марта 2021).

поток–2», по развитию международных транспортных коридоров (к примеру, коридора «Север – Юг» – альтернативы морскому маршруту из Европы в страны Персидского залива и Индийского океана; коридора, продолжающего и связывающего Транссибирскую железнодорожную магистраль России со странами Европы) и многие др.

Что касается активно обсуждаемых проектов, посвященных решению преимущественно внутрироссийских проблем, то здесь важнейшая роль принадлежит уже отмеченным выше национальным проектам. Их правомерно назвать отечественными «мегапроектами», поскольку они включают в свой состав множество взаимосвязанных проектов более низких уровней и подуровней, объединенных общими целями и сгруппированных по таким важнейшим стратегическим направлениям развития страны, как демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и поддержка занятости, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, международная кооперация и экспорт.

Отметим, что проектная область человеческой деятельности в России далеко не ограничивается лишь вышеупомянутыми примерами. Она значительно шире и интенсивнее. Наряду с названными, в стране сейчас выполняется огромное количество других проектов на межгосударственном, государственном, отраслевом, межотраслевом, региональном, межрегиональном и муниципальном уровнях, а также проектов, инициированных отдельными коммерческими и некоммерческими предприятиями, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами. Причем эти проекты выполняются целенаправленно под конкретного заказчика, как во взаимосвязи, так и без всякой взаимосвязи с выполняемыми или же уже ранее выполненными самыми разными международными и внутрироссийскими проектами федерального, регионального и местного уровней, включая и поименованные ранее.

Результаты исследования проблемы

В условиях быстрого роста в мире числа разрабатываемых и реализуемых проектов уже сегодня, как считает ряд серьезных специалистов, формируется новая модель экономического развития предприятий, отраслей, их комплексов и целых государств – «проектная» или, как ее еще иногда называют, «проектно-контрактная» экономика. В общем виде она представляет собой особый вид дея-

тельности людей, в которой экономическая и общественная жизнь реализуются в основном через множественную систему проектов и соответствующую ей столь же множественную систему самых разных договоров и соглашений. Как отмечают некоторые специалисты, проектная экономика со временем может не только потеснить, но и, может быть, заменить привычную нам модель рыночной экономики.

К примеру, в прошлом директор, а ныне научный руководитель Центрального экономико-математического института Российской академии наук, являющегося одной из ведущих и хорошо известных в мире научных организаций страны, математик и экономист, академик РАН В.Л. Макаров так отвечает на вопрос, почему проектная экономика может заменить рыночную:

> Главный недостаток рыночной экономики – однобокая мотивация, отсутствие духовной компоненты и, тем самым, смысла жизни. Да, рыночная экономика дает свободу, дает полное раскрепощение, простор для творчества. Но вопрос – чего ради? Она воспитывает стремление быть первым, захватить власть, быть лучше других только в одном – в богатстве. Проектная экономика, по определению, лишена этого коренного недостатка. Здесь человек может раскрыться во всей его полноте, показать все свои способности, получить удовлетворение от жизни. Жизнь приобретает истинный смысл [Макаров 2013, с. 10].

Отметим, что основное отличие проектной экономики от рыночной заключается в том, что ее центральным звеном или «системообразующим институтом» (по В.Л. Макарову) выступает проект. При таком подходе к процессу функционирования экономических субъектов (например, предприятий) упор переносится с максимизации (нередко «любой ценой») прибыли, объемов выпуска и продаж продукции (услуг), а также с достижения других важных рыночных показателей на воплощение в жизнь проекта в целом, со всеми его составляющими проектами более низкого уровня, с заранее оговоренными и запланированными результатами и характеризующими эти результаты затратными и другими показателями.

Одними из таких обязательных планируемых результатов проекта выступают социальные результаты. В условиях рыночной экономики эти результаты почти всегда рассматриваются в качестве вторичных и часто задаются в последнюю очередь и по «остаточному принципу». Между тем в условиях проектной экономики социальные результаты со второго плана перемещаются на первый, поскольку должны задаваться в самом начале разра-

ботки проекта, наряду и в тесной взаимосвязи с его главными целями и результатами.

Соглашаясь с точкой зрения В.Л. Макарова в отношении объективного роста роли и места проектной экономики в мировом развитии в перспективе, отметим, что, по существу, речь идет о том, что значительная часть экономики будущего, как и часть жизни всего общества, может состоять из пронизывающих их иерархически взаимосвязанных в пространстве, времени и между собой огромного числа проектов на макро-, мезо- и микроуровнях, организованных по принципу традиционной русской деревянной «матрешки». При этом каждый подлежащий реализации проект на межгосударственном, государственном, региональном, муниципальном уровне или же на уровне предприятий и других первичных звеньев экономики и общества должен быть направлен на достижение четко сформулированных в каждом проекте конкретных целей, подчиненных целям и ограничениям со стороны проектов более высокого уровня.

Успешное достижение целей любого проекта возможно лишь в том случае, если к началу его реализации будет завершена необходимая подготовительная работа и выполнены определенные обязательные условия. Среди таких условий можно назвать, как минимум, следующие.

Во-первых, принятый к реализации большой или малый проекты должны быть четко ограничены и вычленены (сегментированы) из других видов деятельности того предприятия или его подразделения (системы и подсистем), где этот проект реализуется, с обязательным учетом при вычленении требований применяемых технологий и оборудования, позволяющих верно отображать «входы», «выходы», функции и результаты достижения целей конкретных проектов.

Во-вторых, проект должен быть полностью обеспечен необходимыми людскими ресурсами – «командой проекта», а также должны быть сформированы органы управления проектом во главе с руководителем (менеджером) проекта, управляющим реализацией проекта на принципах единоначалия и располагающим необходимыми для этого бюджетом и полномочиями.

В-третьих, должны быть четко обозначены технологии реализации проекта, непосредственно диктующие на разных этапах порядок и организацию взаимодействия людских, информационных, материально-технических, финансовых, временных и иных ресурсов.

В-четвертых, проект должен быть не только обеспечен требуемыми ресурсами, но и располагать установленными правилами по их систематическому расходованию и пополнению.

В-пятых, необходимо наличие в полном объеме системно увязанной между собой документации, регламентирующей на весь проектный цикл («жизненный цикл проекта»), детальный пошаговый перечень, последовательность, сроки, стоимость и источники финансирования выполняемых работ, зафиксированных в динамической модели проекта – его сетевом графике.

В-шестых, в силу того, что процесс реализации проекта неизбежно может подвергаться непредвиденным (стохастическим) воздействиям со стороны самых разных факторов, то до начала реализации проекта должны быть определены возможные риски, пути ослабления их влияния и требующиеся для этого резервы (резервы ресурсов, включая резервы времени, резервы мощностей и др.).

В-седьмых, команда проекта должна располагать действенными системами анализа и контроля за ходом процессов исполнения проектов и достижением запланированных при его утверждении результатов, наличием систем стимулирования персонала.

В-восьмых, следует обозначить правила взаимодействия с внешней (по отношению к проекту) средой: с вышестоящим руководством, которому подотчетен руководитель и менеджмент того или иного проекта, с заинтересованными в проекте юридическими и физическими лицами, с менеджментом смежных проектов и служб, с поставщиками ресурсов и потребителями проектных продуктов (услуг), налоговыми и другими государственными и прочими органами, если это требуется для успешной реализации проекта.

По мнению авторов, изложенные выше обязательные условия, подлежащие исполнению к моменту начала реализации проектов, следует считать базовыми, поскольку они актуальны для большинства проектов и их можно считать минимально необходимыми, создающими предпосылки для планового протекания проектных процессов и достижения утвержденных в проектах целей. Между тем в реальной жизни, в которой одновременно реализуется огромное количество больших и малых проектов в самых разных отраслях (видах экономической деятельности) и на не менее разных территориях, эти базовые условия будут не только трансформироваться применительно к конкретным предприятиям и производствам, но и дополняться другими условиями.

Иными словами, перечень и содержание действий по исполнению каждого из этих условий как основы для успешного достижения целей проектов, например на химических предприятиях, будут отличаться от аналогичных действий, выполняемых на металлургических, угледобывающих, машиностроительных и пищевых предприятиях или же при реализации проектов в образовании, театральном, библиотечном и книгоиздательском деле, в учреждениях

здравоохранения и пр. Более того, в той же химической промышленности (впрочем, это правомерно и для других отраслей) перечень и содержание данных действий будут не совпадать и по-своему формулироваться и акцентироваться в проектах по созданию и запуску в эксплуатацию производств разного продуктового назначения: допустим, производств азотных удобрений и химических волокон. Даже в производствах по выпуску одного и того же продукта и на одном и том же предприятии (предположим, такого популярного удобрения, как аммиачная селитра) практические действия по исполнению рассматриваемых условий также могут существенно различаться между собой.

Отмеченные различия в перечне и содержании действий по исполнению каждого из приведенных выше условий объясняются многими факторами. Вместе с тем главным фактором здесь всегда выступают принятые в проектах конкретные технологические процессы и оборудование. Именно их технико-технологические и организационно-экономические возможности выступают тем фундаментом, на котором затем целенаправленно могут надстраиваться все другие возможные варианты действий, обеспечивающие как подготовку проекта к запуску, так и его успешную и эффективную реализацию.

Важность выбора технологических процессов и оборудования, по отношению ко всем другим действиям, можно просмотреть на примере проектов, связанных с созданием и запуском в эксплуатацию промышленных предприятий и производств. В подобных проектах изначально принятые к использованию технологические процессы и оборудование жестко ограничивают последующий выбор и диктуют «привязку» к себе таких важных составляющих общей системы функционирований предприятий и производств, как: производственная мощность; максимально и минимально возможные и экономически целесообразные объемы выпускаемой продукции (услуг); системы организации производства, труда и управления; численность и квалификация работников; показатели качества и себестоимости продукции; источники, ассортимент и размеры потребляемых сырьевых, энергетических и прочих ресурсов; складская и транспортная логистика; условия доставки готовой продукции потребителям; возможные рынки сбыта; экономические параметры работы предприятий и производств; показатели их потенциальной и реальной конкурентоспособности и пр. [Тумин, Лабзунов, Костромин 2018].

По существу, принятые в проектах технологические процессы и оборудование обусловливают, в конечном счете, все значимые результаты экономической и прочей деятельности предприятий

и производств. Принципиальное представление об этом дает анализ работы большой группы нефтегазохимических производств, согласно которому только использование в проектах более совершенных технологий и оборудования обеспечивало (на единицу продукции) сокращение потребностей в материальных, энергетических и инвестиционных ресурсах на 15–25%, а по ресурсам производственного персонала, в расчете на одинаковый объем выпуска продукции, – в 5–10 раз [Тумин, Тумин, Костромин 2019]. Это очень существенные показатели экономии, достигаемые исключительно за счет применения тех или иных более совершенных технологических процессов и оборудования, особенно в условиях, когда производственная мощность многих нефтегазохимических производств достигает десятков и сотен тысяч тонн продукции в год.

Отметим, что решающее влияние на экономику проектов, принятых в них технологических процессов и оборудования присуще всем отраслям (видам экономической деятельности). Это дает основания автором говорить о том, что команда проекта и ее руководство должны формироваться не из «отряда» так называемых эффективных менеджеров, а специалистов, хорошо представляющих технико-технологические и организационно-экономические особенности реализуемых проектов.

В этой связи проектную команду должны возглавлять, к примеру, во-первых, либо специалисты-отраслевики (инженеры-технологи, горняки, строители, работники транспорта, аграрии, врачи, преподаватели, музыканты и т. п., в зависимости от отраслевой специфики выполняемых проектов), обладающие, однако, необходимой экономико-управленческой подготовкой, либо, во-вторых, экономисты и менеджеры, имеющие одновременно определенную отраслевую подготовку, позволяющую в достаточной мере грамотно разбираться в инженерной, строительной, лечебной, театральной и других видах деятельности, которым посвящен конкретный проект (ранее это были выпускники вузов, обучавшиеся по экономике или же менеджменту отдельных отраслей, которым присваивалась квалификация «инженеров-экономистов» либо «экономистов-менеджеров»). Такой кадровый подход диктуется хотя бы тем, что при установлении границ и вычленении проектов из общей деятельности предприятий любых отраслей (видов экономической деятельности) необходимо в первую очередь грамотно учитывать технологические и организационные цепочки на всем пути реализации проектов, прослеживать через эти цепочки взаимосвязи данного проекта с другими проектами как исполняемыми, так и ранее выполненными.

Заключение

Смещение акцентов в жизни общества в сторону проектной экономики, при одновременном соответствующем сокращении доли традиционных рыночных механизмов и инструментов, не может быть одномоментным: вечером главную роль играла еще рыночная экономика, а утром ее сменила проектная. Это не революционный, а продолжительный во времени эволюционный процесс, хотя и с возможными революционными всплесками. При этом замена рыночной экономики проектной, по мнению авторов, вообще не может состояться. Дело в том, что и «рыночная», и «проектная» экономики (впрочем, как и «цифровая») не являются самостоятельными экономиками, а представляют собой всего лишь составные элементы нашей общей экономики, характеризующиеся более интенсивным использованием на отдельных этапах рыночных либо проектных, либо цифровых, либо же каких-то других механизмов и инструментов. Поэтому, несмотря на активный рост в последние годы проектной деятельности, проектная и рыночная экономики не имеют и не будут иметь в будущем четко разделяющих их антагонистических границ.

Например, какое-то предприятие функционирует исключительно на принципах рыночной экономики, а соседнее предприятие «через дорогу» руководствуется только проектными принципами. По нашему мнению, рыночная и проектная экономики будут более или менее дружно совместно сосуществовать. Точно так же, как рыночная экономика сосуществует сегодня с элементами плановой экономики в деятельности любого предприятия. Поэтому в рамках каждого предприятия какие-то задачи (в зависимости от их технико-технологической и организационно-экономической специфики) будут решаться при помощи традиционных рыночных механизмов и инструментов, какие-то на смешанной, а некоторые – исключительно на проектной основе.

На каждом предприятии соотношения между рыночными и проектными механизмами и инструментами будут изменяться во времени, в зависимости как от решаемых задач, так и влияния множества самых разных внешних и внутренних факторов. Вместе с тем нужно готовиться к прогнозируемым и изложенным в настоящей статье переменам в моделях развития мировой и отечественной экономик, экономик отраслей (видов экономической деятельности), крупных, средних и малых предприятий, микроорганизаций, индивидуальных предпринимателей, самозанятых и домохозяйств с целью заблаговременного формирования условий, способных обеспечить экономическим субъектам конкурентоспособное [Антонов, Иванова, Тумин 2018] и инвестиционно привлекательное [Антонов, Иванова, Тумин, Антонова 2019а] функционирование и развитие.

Литература

Антонов, Иванова, Тумин 2018 – *Антонов Г.Д., Иванова О.П., Тумин В.М.* Управление конкурентоспособностью организации: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2018. 300 с.

Антонов, Иванова, Тумин, Антонова 2019a – *Антонов Г.Д., Иванова О.П., Тумин В.М., Антонова И.С.* Управление инвестиционной привлекательностью организации: Учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2019. 223 с.

Антонов, Иванова, Тумин 2019b – *Антонов Г.Д., Иванова О.П., Тумин В.М.* Управление проектами организации: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2019. 244 с.

Макаров 2013 – *Макаров В.Л.* К вопросу о проектной экономике // Экономическая наука современной России. 2013. № 3 (62). С. 8–14.

Тумин В.М., Тумин В.В., Костромин 2019 – *Тумин В.М., Тумин В.В., Костромин П.А.* О формировании эффективных управленческих решений по перспективному развитию территорий // Известия вузов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2019. № 1 (39). С. 18–22.

Тумин, Лабзунов, Костромин 2018 – *Тумин В.М., Лабзунов П.П., Костромин П.А.* Бизнес-план как инструмент развития предприятий // Известия ВУЗов. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2018. № 3 (37). С. 26–35.

References

Antonov, G.D., Ivanova, O.P. and Tumin, V.M. (2018), *Upravlenie konkurentosposobnost'yu organizatsii* [Managing the organization's competitiveness], INFRA-M, Moscow, Russia.

Antonov, G.D., Ivanova, O.P. and Tumin, V.M. (2019b), *Upravlenie proektami organizatsii* [Organization project management], INFRA-M, Moscow, Russia.

Antonov, G.D., Ivanova, O.P., Tumin, V.M. and Antonova, I.S. (2019a), *Upravlenie investitsionnoi privlekatel'nost'yu organizatsii* [Managing the investment attractiveness of an organization. Study guide], INFRA-M, Moscow, Russia.

Makarov, V.L. (2013), "On the question of the project economy", *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economics of Contemporary Russia], no. 3 (62), pp. 8–14.

Tumin, V.M., Labzunov, P.P. and Kostromin, P.A. (2018), "Business plan as a tool for the development of enterprises", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya "Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom"* [News of Higher Educational Institutions. "Economy, Finance and Production Management" Series], no. 3 (37), pp. 26–35.

Tumin, V.M., Tumin, V.V. and Kostromin, P.A. (2019), "On the formation of effective management decisions on the prospective development of territories", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya «Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom* [News of Higher Educational Institutions. "Economy, Finance and Production Management" Series], no. 1 (39), pp. 18–22.

Информация об авторах

Валерий М. Тумин, доктор экономических наук, профессор, Московский политехнический университет, Москва, Россия; 107023, Москва, ул. Б. Семеновская, д. 38; vm@tumin.net

Петр А. Костромин, кандидат экономических наук, доцент, Московский политехнический университет, Москва, Россия; 107023, Москва, ул. Б. Семеновская, д. 38; farmc_kostromin@mail.ru

Валерий В. Тумин, аспирант, Московский институт тонких химических технологий, Москва, Россия; 119571, пр. Вернадского, д. 86; tumin@me.com

Information about the authors

Valerii M. Tumin, Dr. of Sci. (Economics), professor, Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia; bld. 38, B. Semenovskaya Street, Moscow, Russia, 107023; vm@tumin.net

Petr A. Kostromin, Cand. of Sci. (Economics), Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia; bld. 38, B. Semenovskaya Street, Moscow, Russia, 107023; farmc_kostromin@mail.ru

Valerii V. Tumin, postgraduate student, Moscow State University of Fine Chemical Technologies, Moscow, Russia; bld. 86, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119571; tumin@me.com

УДК 330.101.54
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-62-80

Устойчивость макроэкономической динамики: система показателей и методика оценки

Вильгельмина В. Глазунова

Институт экономики Российской академии наук
Москва, Россия, wilhelminaglazunova@gmail.com

Аннотация. В рамках интеграционных образований различные страны показывают отличную макроэкономическую динамику, которая по идее должна детерминироваться формой интеграции, экономического союза, но зависит также от многих иных факторов и условий, связанных с конкретной страной. Тем самым стандартное сопоставление динамики по избранным для этого показателям становится недостаточным, поскольку отличается качество этой динамики, выявление которого полезно с точки зрения дальнейшего развития экономического Союза стран. В связи с этим целью настоящего исследования выступает формирование и применение методики оценки устойчивости макроэкономической динамики, измеряемой по темпу роста ВВП на примере стран Евразийского экономического союза. Методологию исследования составляет эмпирический и структурный анализа, метод построения фазовых портретов Ф. Такенса, позволяющий по свойствам аттрактора определять степень устойчивости динамики на выбранном интервале времени. Этот метод является одним из шагов алгоритма предлагаемой методики оценки устойчивости макроэкономической динамики. Кроме того, предлагается минимально необходимая система показателей для характеристики развития стран – участниц Евразийского экономического союза. Результатом исследования в прикладном значении стала оценка устойчивости макроэкономической динамики по темпу роста ВВП стран Евразийского союза, сравнительный анализ динамики. Применение методики оценки устойчивости позволяет включить ее в классический вариант макроэкономического анализа развития экономики, получив выводы относительно устойчивости роста, с перспективой определения факторов, обеспечивающих такую динамику, а также инструментов экономической политики, способных повлиять на динамику ВВП по его компонентам и секторам с тем, чтобы повысить устойчивость роста. Из стран Евразийского союза только Казахстан показывает на всем интервале времени положительный темп роста, хотя его колебания весьма значительны. Оценка устойчивости закономерно приводит к выяснению причин различий по этому параметру динамики, что представляет собой перспективную научную задачу, требующую своего решения.

© Глазунова В.В., 2021

Ключевые слова: макроэкономическая динамика, устойчивость, показатели динамики, методика оценки устойчивости, метод фазовых портретов, страны Евразийского экономического союза

Для цитирования: Глазунова В.В. Устойчивость макроэкономической динамики: система показателей и методика оценки // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 62–80. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-62-80

Sustainability of macroeconomic dynamics. System of indicators and assessment technique

Vil'gel'mina V. Glazunova

Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia, wilhelminaglazunova@gmail.com

Abstract. Within the framework of integration formations, various countries show excellent macroeconomic dynamics, which in theory should be determined by the form of integration, economic union, but also depends on many other factors and conditions associated with a particular country. Thus, the standard comparison of the dynamics according to the indicators chosen for that becomes insufficient, because of difference in the quality of that dynamics which revealng is useful from the point of view of the further development of the economic Union of countries. Thereby the purpose of the study is the formation and application of a methodology for assessing the stability of macroeconomic dynamics, measured by the rate of GDP growth using the example of the Eurasian Economic Union countries. The research methodology is an empirical and structural analysis, a method for constructing phase portraits by F. Takens, which allows defining the degree of stability of dynamics on a selected time interval by the properties of an attractor. The method is a step in the algorithm of the proposed methodology for assessing the stability of macroeconomic dynamics. In addition, the author proposes the minimum necessary system of indicators required to characterize the development of the countries – members of the Eurasian Economic Union. The result of the study in the applied sense was an assessment of the stability of macroeconomic dynamics by the GDP growth rate of the Eurasian Union countries, a comparative analysis of the dynamics.

The use of the sustainability assessment methodology allows it to be included in the classic version of the macroeconomic analysis of economic development, having obtained conclusions regarding the sustainability of growth, with the prospect of determining the factors that ensure such dynamics, as well as the economic policy instruments that can affect the dynamics of GDP by its components and sectors in order to improve the sustainability of growth. Of the countries of the Eurasian Union, only Kazakhstan shows a positive growth rate over the entire time interval, although its fluctuations are quite significant. The assessment of stability naturally leads to the elucidation of the reasons for

the differences in that parameter of dynamics, which is a promising scientific problem that requires its solution.

Keywords: macroeconomic dynamics, sustainability, dynamics indicators, methods for assessing sustainability, method of phase portraits, countries of the Eurasian Economic Union

For citation: Glazunova, V.V. (2021), "Sustainability of macroeconomic dynamics. System of indicators and assessment technique", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 2, pp. 62-80, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-62-80

Введение

В экономической науке давно сложились представления об устойчивости, в частности, равновесия. Но они имели и имеют статическую основу. Представление об устойчивости точки равновесия – совокупного спроса и предложения – слишком теоретизирует решаемую задачу, не акцентируя важность динамического аспекта этой задачи. Статика видна уже в том, что рассматривается одна точка равновесия, когда на практике их может быть несколько или не быть ни одной. Тогда опора, относительно которой рассматриваются отклонения спроса и предложения, теряется, что и размывает представление об устойчивости. В связи с чем проблема устойчивости динамики явно требует иной интерпретации.

С точки зрения макроэкономической динамики и политики, ее обеспечивающей, можно представлять под устойчивостью возможность поддержать динамику основных параметров роста, при допуске определенных отклонений в этой динамике (аналог устойчивости по Ляпунову) [Глазунова 2020a; Глазунова 2019]. Такие оценки можно выполнить с применением метода фазовых портретов динамики каждого из релевантных показателей, определяя качество возникающего аттрактора, с помощью которого делается вывод о сложившемся режиме динамики за рассмотренный период времени [Глазунова 2020b]. Причем этот подход, как показали предшествующие исследования, имеет хорошие перспективы в сравнительном анализе динамики стран, особенно в рамках интеграционных объединений – экономических союзов.

Евразийский экономический союз представляет собой объект проводимого здесь исследования, причем для этого объекта указанный подход анализа устойчивости макроэкономической динамики в литературе, по существу, не применялся. Уделялось место различным аспектам – таможенным проблемам, отраслевым, работе бан-

ков и согласованию финансовых систем стран, нормативно-правовой документации и проблемам интеграции и торговли [Агеев и др. 2015; Bayramov et al., 2019; Galiakberov, Abdullin 2014; Gurova et al. 2018] или политическим аспектам интеграции [Hale 2010; Hartwell 2013], оценке будущих перспектив [Khitakhunov et al. 2017].

При этом характеристики роста стран, сравнительная оценка устойчивости динамики, а именно на этот параметр, по идее, должна влиять интеграция, повышающая устойчивость развития стран Союза, по сути, отсутствуют. Структурный анализ, позволяющий раскрыть проблему устойчивости динамики, содержится в исследовании [Сухарев 2020], а также освещены отдельные подходы к оценке устойчивости динамики по коэффициенту устойчивости [Сухарев 2016], который является неким упрощением параметра дисперсии показателя динамики, которая также может применяться для обобщенной оценки устойчивости динамики.

Параметры динамики стран явно различаются, а вот ограничение на динамику могут быть одинаковыми, что и отражают действующие документы в рамках ЕАЭС (Евразийского экономического союза). Однако, учитывая форс-мажорные обстоятельства, формирующие неустойчивость современной динамики, в частности «ковидный» кризис, задавать слишком жесткие нормативные ограничения не является обоснованным.

В рамках интеграции стран каждая из участниц Союза ставит свою задачу развития. Так, в России [Агеев 2019] ставится задача расти темпом выше среднемирового, то есть выше 3%, однако при мировой рецессии эта цифра сразу становится в 1% или ниже. Наличие кризиса сразу означает неустойчивость динамики – и разрушает жесткие нормативные ограничения, связанные с введением пороговых диапазонов. Вообще в научном смысле справедлив вопрос относительно целесообразности введения подобных пороговых ограничений в рамках Союза, а также вопрос относительно системы показателей, используемых для сравнения динамики развития стран Союза. Например, для ЕАЭС пороговые значения введены весьма похоже на Маастрихтские соглашения, которые задавали диапазон изменения базовых макропараметров для стран Европейского союза.

Таким образом, суммируя, отметим, что целью исследования является сравнительный анализ устойчивости динамики стран Евразийского экономического союза (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия) с расширением действующих нормативов, используемых для оценки макроэкономической динамики в сравнительном аспекте. Достижение данной цели позволит решить задачу создания и применения методики оценки устойчивости, расширит

возможности сопоставительного анализа развития стран Экономического союза с возможностью в дальнейшем получения аналитических оценок по совершенствованию взаимодействия стран в рамках интеграционных процессов.

Наиболее важным направлением исследования выступает формирование системы показателей макроэкономической динамики, используемых для диагностики возможного кризиса и оценки устойчивости динамики. Определение пороговых значений для этих параметров является нормативным решением, но, безусловно, важным для стран Союза, так как тем самым задаются допустимые пределы отклонения отобранных параметров.

Понятие устойчивости макроэкономической динамики можно трактовать различно. Во-первых, под устойчивостью динамики можно понимать способность экономики при отклонении изменяющегося параметра от нормативного значения в обозримый период времени вернуться к прежним значениям. Во-вторых, под устойчивой динамикой можно понимать такую динамику, которая сразу определена в некотором диапазоне значений колеблющихся параметров. В таком случае добавочной задачей выступает определение данного диапазона, который считается допустимым при изменениях данного параметра в обе стороны. Если динамика наблюдается за рассмотренное время в этом диапазоне, она может быть признана устойчивой динамикой. Для устойчивой динамики совсем не обязателен высокий темп роста. Чем выше значение показателя, характеризующего динамику, тем менее устойчивой может быть его изменение. Наоборот, малые значения показателя могут изменяться в нужном диапазоне, составляя более устойчивую динамику. Конечно, с точки зрения перспектив экономического развития выгоден высокий темп роста и весьма устойчивый, то есть дополнительно поддерживаемый, как, например, в Китае. Причем кризисные явления хотя и существенно понизили темп роста, но сохранили его в положительной области значений, т. е. не ввергли экономику Китая в 2020 г. в классический кризис (хотя существенное замедление роста для такой страны уже можно трактовать как определенное кризисное явление).

Величина показателя ничего не говорит об устойчивости его динамики. С помощью изменения показателя можно оценивать саму устойчивость, то есть давать ее измерение по величине отклонения. Но это не позволит обеспечить саму устойчивость динамики, поскольку ее обеспечивают инструменты макроэкономической политики, влияющие на изменение рассматриваемых параметров динамики.

Далее решим две задачи – расширим систему показателей для оценки устойчивости макроэкономической динамики, пригодную для стран Евразийского экономического союза, представим методику оценки устойчивости макроэкономической динамики по отдельным критериям и согласно методу построения фазовых портретов. Данная методика позволяет идентифицировать динамическое состояние системы, подойти к выяснению причин сложившегося режима динамики, но она не позволяет дать абсолютно точные рецепты изменения этого режима, поскольку для этого требуются модели, связывающие динамику релевантных параметров с воздействующими на них инструментами. При наличии таких моделей – фазовые портреты, оценивающие устойчивость динамики, могут строиться многократно в зависимости от сценариев реализуемой экономической политики. Сравнение полученных портретов может говорить о том, какой в рамках каждого сценария будет макроэкономическая динамика с позиции критерия ее устойчивости (по фазовому портрету этой динамики).

Таким образом, перспективу настоящего исследования составят три основных направления:

– совершенствование системы показателей для анализа макроэкономической динамики с нормативным (или исходя из неких критериев или моделей) определением допустимых значений их изменений;
– определение факторов, условий и причин динамики отобранных показателей с учетом их связи;
– оценка устойчивости динамики показателей и формирование моделей, связывающих их динамику с инструментами воздействия на эти параметры.

Конечно, отдельный вопрос относится к диагностике кризисной динамики и связи устойчивости динамики с предсказанием кризиса. Здесь нужны добавочные модельные исследования, а также эмпирические измерения, подтверждающие или опровергающие наличие тех или иных связей. Кроме того, важным аспектом выступает превышение пороговых значений отобранных параметров без возникновения кризиса. В рамках Экономического союза это превышение может охватить далеко не все страны с вытекающими вопросами относительно необходимости нивелирования такой динамики и включения соответствующих инструментов воздействия. В научном смысле весь набор обозначенных тем исследования в рамках Евразийских исследований, да и стандартных макроэкономических исследований, описывающих процессы интеграции стран, не является решенным [Mostafa, Mahmood 2018; Mostafa 2013; Patalakh 2018; Pak 2019]. Предложенная здесь методика

может рассматриваться в качестве первого, но определяющего шага к их дальнейшему решению, поскольку она дает портрет динамики экономики и позволяет сравнивать эти характеристики, раскрывая проблему устойчивости динамики.

Следующий шаг видится в необходимости проектирования функции роста (по ВВП – расходам и секторам), которая покажет изменение базового показателя макроэкономической динамики от изменяющихся инструментов политики. Устойчивость динамики предлагается оценивать методом фазовых портретов Ф. Такенса, сопрягая этот анализ с использованием функции роста экономики.

Система показателей стран ЕАЭС для оценки устойчивости экономической динамики и ее расширение

Рассмотрим систему показателей, используемых для оценки макроэкономической динамики в документах Евразийского союза [Агеев и др. 2015] и необходимость ее расширения, чтобы получить как можно более полную картину макроэкономической динамики. Отметим, что задача оценки устойчивости динамики в принципе отсутствовала в исходных нормативах.

На сегодняшний день в рамках Евразийского союза (ЕАЭС) приняты три показателя оценки макроэкономической устойчивости с порогами:

а) дефицит бюджета не более 3%;

б) долг госсектора не более 50% ВВП;

в) инфляция не выше 5 пунктов от наименьшей инфляции в странах – членах ЕАЭС.

Приведенные показатели никак не характеризуют не только устойчивость макроэкономической динамики, но и дают весьма усеченное представление о самой динамике и картине макроэкономического развития. Они показывают состояние бюджетных возможностей и вводят предел на величину госдолга и дефицита бюджета, а также на величину динамики цен.

Они не дают полной оценки кризисного состояния экономики в какой-либо стране. И тем более не позволяют выработать политику, кроме как применение инструментов для ввода указанных параметров в пороговые рамки. Бюджетный дефицит выше порога при крупном кризисе может быть оправданной мерой, а согласно нормативной установке в ЕАЭС потребуется снижать дефицит, даже если это пролонгирует кризис. В этом видится своеобразный вред применения подобных нормативов – ограничений.

Экономический союз стран предполагает взаимоотношения между ними, следовательно, полезно сравнивать динамику ВВП и реальных располагаемых доходов на душу населения и собственно торговлю продуктами и перемещение капитала наравне с указанными макроэкономическими показателями. Это расширяет принятую систему показателей для оценки макроэкономической динамики в рамках стран Евразийского союза.

Поэтому в качестве базовых параметров макроэкономической динамики можно принять следующие показатели:

– темп роста душевого ВВП (по паритету) и реальных доходов на душу (оба параметра должны быть положительные);
– сальдо торговли (экспорт – импорт) по паритету на одного жителя страны и темп динамики этого показателя;
– сальдо движения капитала на одного жителя и темп этого показателя;
– уровень безработицы, бедности[1] и неравенства;
– валютный курс (возможность создать корзину валют стран Союза в привязке к рублю). Здесь возможны нормативы на допустимую девальвацию.

Указанный набор показателей будет информативной характеристикой интеграционного объединения стран, их макроэкономической динамики. Однако превентивные оценки наступления экономического кризиса требуют тех показателей, которые за некоторое время до наступления кризиса будут хотя бы косвенно говорить и предупреждать о его возможном возникновении. В идеале, конечно, важно иметь систему раннего предупреждения кризиса. Хотя, если причина кризиса, скажем, вирусная атака, то по экономическим показателям вряд ли удастся предвидеть такой кризис. Тем не менее какими бы факторами не был вызван кризис, некоторая группа параметров экономической динамики начнет изменяться до ухудшения базовых показателей, приведенных выше. Эти показатели наиболее чувствительны к изменениям, которые обычно быстро возникают и лавинообразно растут при развертывании кризиса в экономике. Тем самым система показателей раннего предупреждения кризиса для стран интеграционного экономического объединения может, как вариант, включать следующие параметры:

– изменение валютного курса и фондовых индексов (девальвация и резкое снижение);
– отток капитала (увеличение);
– ускорение инфляции;

[1] Сегодня бедность измеряется согласно национальным нормативам учета. В связи с этим данный показатель требуется принять как единый и одинаково исчисляемый для стран Евразийского союза.

– изменение величины резервов, позволяющих обслуживать обязательства по коротким и длинным долгам;
– изменение объема импорта или экспорта в зависимости от внешней конъюнктуры цен и режима торговли стран Союза.

Конечно, совсем не факт, что при каком-то кризисе будут первоначально изменяться указанные параметры. Вместе с тем их ухудшение или быстрое изменение в негативную сторону будет сигналом для развертывания экономического кризиса. Во всяком случае ухудшение указанных параметров однозначно говорит о повышении трудностей взаимодействия стран интеграционного экономического объединения, такого как ЕАЭС.

Таким образом, раннее предупреждение необходимо осуществлять по финансовому блоку показателей и возможности погашать, выполнять страной свои обязательства, обеспечивая торговлю в рамках участников Евразийского союза.

Особо требуется заметить, что единого порога на изменение показателей раннего предупреждения кризиса быть не может. Причина в том, что разные экономики стран Союза по-разному могут справиться на одинаковое изменение этих показателей – одна страна выдержит и не позволит развязаться кризису, экономика другой страны тут же рухнет. Это особенно показательно для стран, имеющих различную по величине экономику, участвующих в интеграционном экономическом объединении.

Таким образом, ранее предупреждение неблагополучной экономической ситуации может осуществляться по следующим параметрам:

– фондовым индексам;
– валютному курсу;
– динамике экспорта и импорта по кварталам;
– величине оттока капитала по кварталам;
– ускорению цен;
– динамике бюджетных доходов/ расходов, росту займов.

Заметим, что применение указанных показателей для характеристики макроэкономической динамики[2] и раннего предупреждения неблагоприятной экономической ситуации (кризиса) является полезным в рамках стран Евразийского союза и что такой список

[2] Оценка потенциала макроэкономической динамики (роста) стран Евразийского Союза должна предполагать соизмеримый расчет величины национального богатства стран-участниц, с определением величины физического, человеческого и природно-ресурсного капитала. Кроме того, будет важна динамика отношения создаваемого текущего ВВП страны к величине ее национального богатства. Этот показатель характеризует отдачу с единицы богатства, то есть какой продукт создается с этой единицы богатства. Подробнее использование этого подхода см.: *Сухарев О.С.* Теория эффективности экономики. М.: Финансы и статистика, 2009.

показателей до сих пор, в общем-то, не закреплен законодательно. Однако оценка устойчивости динамики требует иного подхода, исходящего из представлений об устойчивости и на базе метода, который давал бы однозначную и сопоставимую оценку устойчивости макроэкономической динамики.

Представим необходимую с нашей точки зрения методику оценки устойчивости макроэкономической динамики и покажем ее применение на примере стран Евразийского экономического союза.

Устойчивость макроэкономической динамики стран ЕАЭС: методика оценки

Макроэкономическую динамику страны можно представить в виде набора экономических и социальных показателей, характеризующих развитие. Тогда закономерно вести речь о социальной устойчивости, определяемой динамикой этих показателей. Кроме того, поскольку кризисные события обычно провоцируются дисбалансом на финансовых рынках, то устойчивость финансовой системы и бюджета (определяемая соотношением доходов и расходов) страны также может быть релевантной характеристикой, в данном случае речь об экономической устойчивости развития. Когда наблюдается ухудшение динамики какого-либо показателя – экономического или социального, вплоть до отрицательного темпа, то эта ситуация может быть определена как потеря устойчивости динамики, поскольку показатель перестает расти (если рост ассоциирован с улучшением показателя[3]).

Устойчивость макроэкономической динамики может быть оценена методом Ф. Такенса [Брур, Дюмортье и др. 2003] по фазовому портрету динамики каждого из применяемых макроэкономических показателей, в частности, при исследовании устойчивости макроэкономической динамики в качестве такого параметра может выступать темп роста ВВП страны. Метод позволяет отойти от нормативно устанавливаемых диапазонов изменения отдельных величин и согласовывать режимы динамики, исходя из нелинейности динамики [Малинецкий и др. 2015]. Поскольку ввод пороговых значений не видится строгим и не может быть решен как научная задача, метод фазовых портретов может и должен быть применен в сравнительном анализе устойчивости макроэкономической динамики стран. Он позволяет оценить устойчивость динамики по возникновению аттрактора, то есть сходящийся фокус построенного

[3] Так как имеются показатели, улучшение которых выражается в их уменьшении – и тогда отрицательный темп роста символизирует как раз повышение устойчивости. К ним относятся, например, бедность, неравенство.

на координатной сетке фазового портрета по методу Ф. Такенса. Данный метод сводится к тому, что по абсциссе откладывается отклонение параметра ряда с лагом вперед, по ординате – текущее отклонение параметра [Брур, Дюмортье и др. 2003].

При использовании такого метода оценки устойчивости динамики варианты ограничений могут применяться уже к режиму динамики в целом и требовать добавочного ее моделирования. Рассматривая страны ЕАЭС, необходимо учитывать и совместную динамику интеграционного экономического объединения. В итоге изменения многих параметров системы, а именно торговли, движения капитала, занятости и наращения реального душевого дохода, фондов, ресурсов влияют на устойчивость макроэкономической динамики, измеряемой агрегированным показателем (ВВП).

Применим метод фазовых портретов применительно к темпу роста ВВП стран и вкладу каждой компоненты ВВП по расходам и по секторам (обрабатывающий, сырьевой и трансакционный) в общую величину темпа роста. Алгоритм методики оценки устойчивости макроэкономической динамики включает следующие шаги (см. рис. 1) и применяется для стран Евразийского экономического Союза.

Основные шаги методики оценки устойчивости динамики

Рис. 1. Основные шаги методики оценки устойчивости макроэкономической динамики

В качестве базового показателя оценки устойчивости принимается темп роста ВВП. На рис. 2, 3 показано изменение этого показателя для Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России в период 2001–2019 гг.

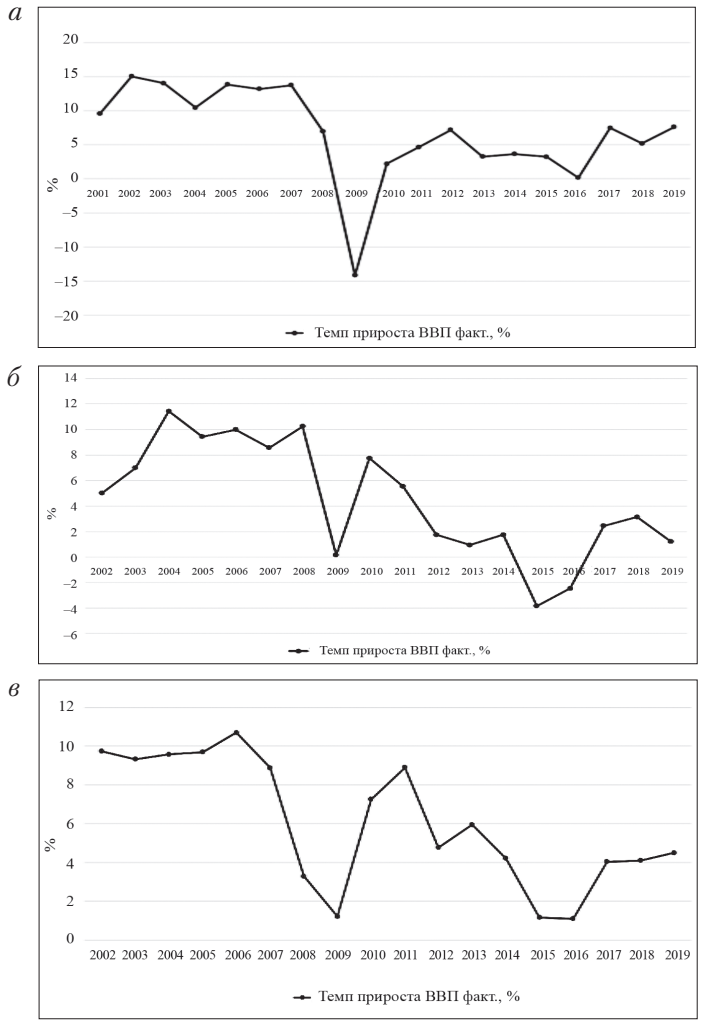

Рис. 2. Темп роста Армении (*а*), Белоруссии (*б*), Казахстана (*в*), 2001–2019 гг.[4]

[4] Источник данных: Basic data selection [Электронный ресурс]. URL: https://unstats.un.org/unsd/snaama/Basic. Данные приведены по ценам 2010 г.

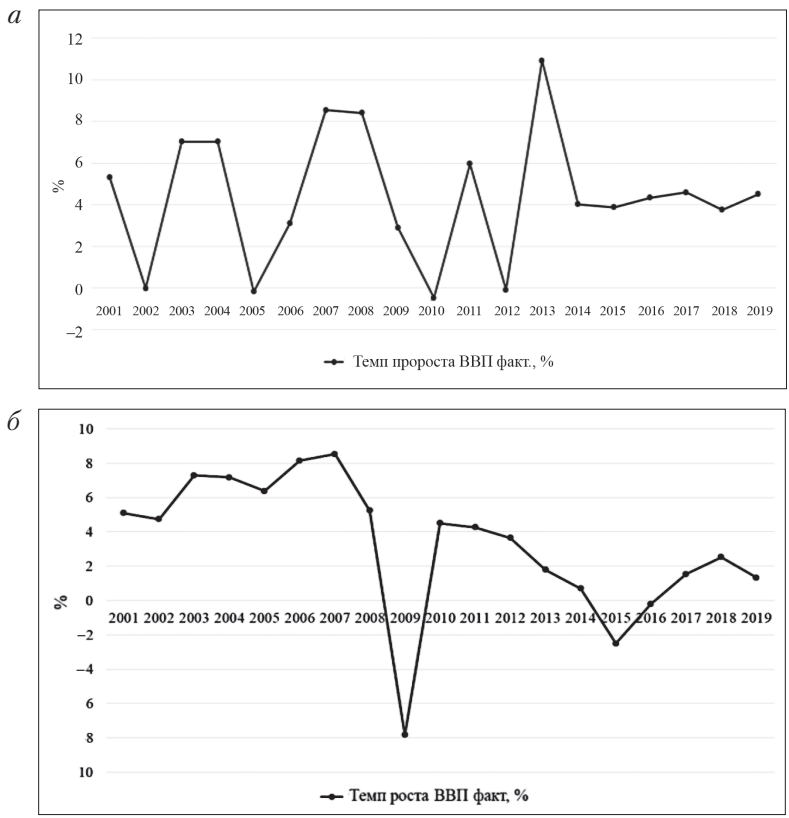

Рис. 3. Темп роста Киргизии (*а*) и России (*б*), 2001–2019 гг.[5]

Несложно заметить, что Армения, Белоруссия, Казахстан и Россия за указанный период времени испытывают планомерное снижение темпа роста экономики. Причем в 2009 г. в указанных странах существенное снижение темпа роста – в Армении и России вплоть до низких отрицательных значений. В Белоруссии и Казахстане в этот год темп роста остается положительным, но существенно снижается. Нужно отметить, что только Казахстан на данном интервале времени не показывает отрицательного темпа роста своей экономики. Киргизия также имеет темп около нуля в отдельные годы (причем в области отрицательных значений), но эта страна не показывает существенных отрицательных значений темпа роста (рис. 3 (*а*)). Для Киргизии характерны, в отличие от иных стран,

[5] Источник данных: Там же.

существенные колебания темпа роста в положительной области темпов роста, без четко выделяемого тренда на понижение темпа роста. То есть при снижении темпа роста в положительной области через какой-то промежуток времени он возвращается к прежним высоким значениям. Армения в некотором смысле копирует изменение темпа роста с России, однако эта страна Союза также не имеет отрицательных темпов роста, кроме 2009 г. и 2016 г. – около нуля со стороны положительной области темпа. Белоруссия в 2009 г., в отличие от Армении и России, имела темп около нуля, без высоких отрицательных значений, но в 2015–2016 гг., подобно России имела, отрицательный темп роста.

Таким образом, эмпирический анализ (рис. 2, 3) показывает наличие существенной разницы в макроэкономической динамике стран Евразийского союза, причем, даже испытывая снижение темпа роста, страны показывали качественно отличающееся понижение: Казахстан в отличие от Белоруссии и России, Армения в отличие от России имели самый сильный спад в 2009 г., но превышающий российский темп роста с 2011 по 2019 г., хотя он и снижался к 2015–2016 гг., но не стал отрицательным в эти годы, как в России.

Как видим, изменения темпа роста происходили отличным образом, что требует дополнительной оценки – характеристики макроэкономической динамики в виде параметра ее устойчивости. Построим фазовые портреты темпа роста методом Ф. Такенса для стран Евразийского союза (рис. 4, 5[6]).

Построенные фазовые портреты темпа роста стран ЕАЭС (рис. 4–5) показывают, что Армения, Белоруссия, Казахстан и Россия показывали на рассмотренном интервале времени понижение темпа роста. Причем наиболее похоже это снижение происходило в Белоруссии и Казахстане, а также Армении и России. Только Киргизия показала отсутствие похожей тенденции понижения темпа роста. Для Армении в 2009 г. произошла бифуркация, вследствие которой экономическая система стала развиваться с меньшей скоростью. На данный момент динамика темпа роста устойчивая, в отличие от других стран – Белоруссии, Казахстана и России. Белоруссия показывает неустойчивую динамику и характерное снижение темпов роста, так же как и Казахстан. Темп роста в Киргизии циклически изменялся. С 2014 г. динамика становится устойчивой – наблюдается аттрактор (рис. 5). Он и подтверждает большую устойчивость динамики. Для России на указанном отрезке времени после бифуркации в 2009 г. произошло снижение темпа роста ВВП, динамика перешла в русло нового аттрактора с более низкими темпами развития. Тем самым динамика относительно устойчива при малом темпе роста.

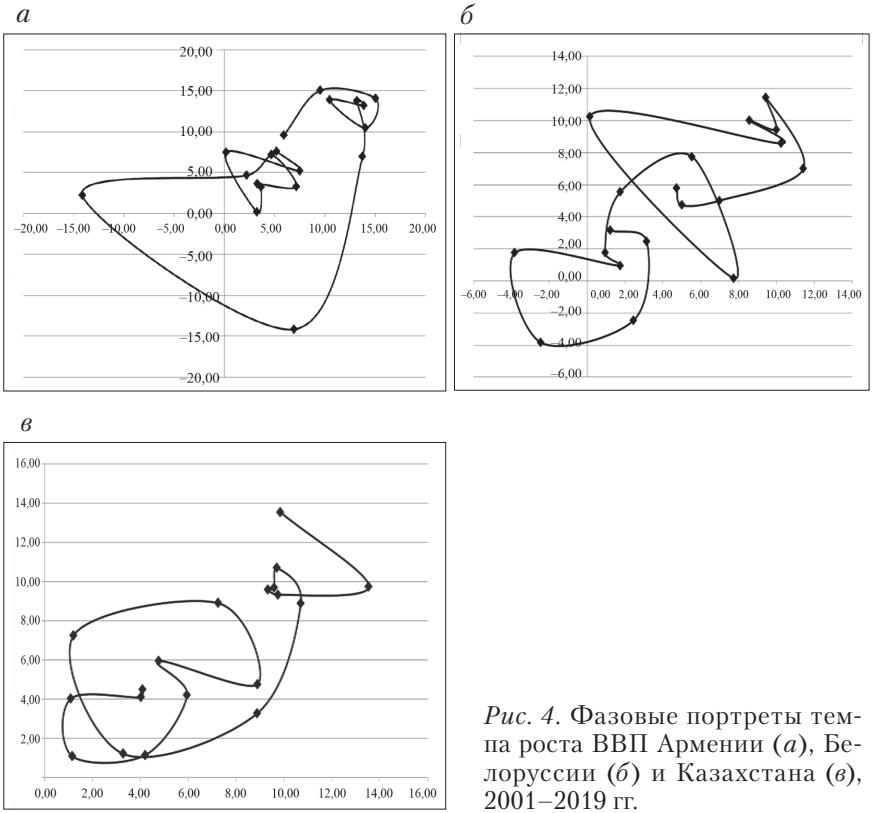

Рис. 4. Фазовые портреты темпа роста ВВП Армении (*а*), Белоруссии (*б*) и Казахстана (*в*), 2001–2019 гг.

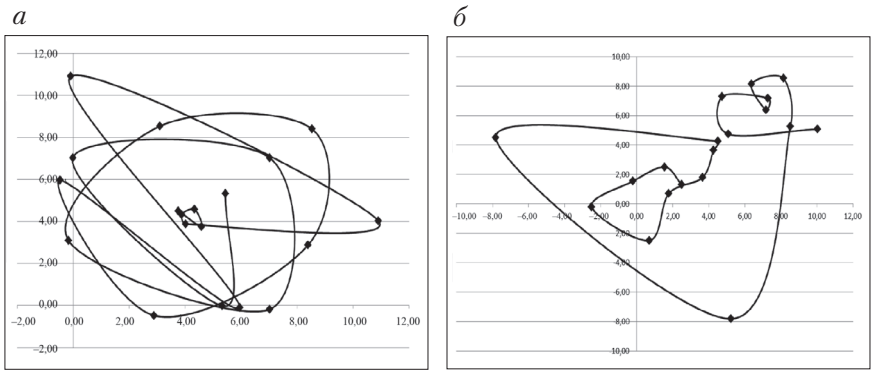

Рис. 5. Фазовые портреты темпа роста ВВП Киргизии (*а*) и России (*б*), 2001–2019 гг.

Таким образом, произошла стабилизация стагнатной модели развития российской экономики. Такая динамика совсем не свойственна другим странам – членам Евразийского экономического союза. Тем самым, учитывая большую роль России в этом Союзе, задача изменения режима экономической динамики является первостепенной для прогресса в области экономической интеграции государств.

Заключение

Подводя итог исследованию, обозначим наиболее полезные выводы.

Во-первых, в рамках проведенного исследования представлена авторская методика оценки устойчивости макроэкономической динамики, применяющая метод фазовых портретов для выявления режимов динамики. Она позволяет выделить характерные свойства экономической динамики – наличие аттрактора, точек бифуркации, устойчивости или неустойчивости либо изменение режима с неустойчивого на устойчивый режим, или обратно, что зависит от избранного для анализа периода времени. Чем больше период времени, тем таких смен можно наблюдать большее число.

Во-вторых, проведенный макроэкономический анализ динамики стран Евразийского союза совместно с применением метода фазовых портретов показал, что российская экономика выстроилась на траектории устойчивой стагнации, а Белоруссия и Казахстан показали снижение темпа роста и неустойчивую динамику при этом. После бифуркации Армения показывает устойчивую динамику, как и Киргизия, только демонстрируя аттрактор на фазовом портрете. Тем самым полученные характеристики режима динамики ставят актуальные задачи:

1) разработки системы показателей макроэкономической динамики, применимой ко всем странам Союза в едином ключе;

2) синхронизации режима динамики в связи с обеспечением траектории экономического роста.

Это потребуют аналитических усилий при подборе инструментов и методов проводимой макроэкономической политики, которая не может быть одинаковой по причине как раз различий в режиме динамике и необходимости выхода на общий для всех стран режим. Скорее всего, нужно признать приемлемой динамику после 2012 г. в Армении и с 2014 г. в Киргизии, к которой следует стремиться Белоруссии, Казахстану и России (рис. 2, 3).

Представленная методика оценки устойчивости на базе метода фазовых портретов, совместно с макроэкономическим анализом динамики и применением в дальнейшем эконометрического моделирования, позволяют получить детальную картину развития стран в рамках интеграционных образований, таких как Евразийский союз. Это позволит совершенствовать правила и способы интеграции и взаимодействия стран, ставящих собственные задачи макроэкономического развития и преследующих свои интересы, связанные в том числе и с той выгодой, которую они имеют от участия в подобных организациях. Кроме того, перспективы исследований – это получение картины динамики компонента ВВП по расходам и секторам, определяя, какие компоненты динамически устойчивы, какие нет. Это позволит искать варианты макроэкономической и отраслевой (по секторам) политики с учетом режима динамики, выясняя чувствительность элементов к инструментам воздействия [Сухарев 2020].

Литература

Агеев 2019 – *Агеев А.И.* Россия в мировых глобальных процессах и ее присутствие в международных организациях // Мужская работа. 2019. № 70. С. 15–21.

Агеев, Логинов, Зануздannый 2015 – *Агеев А.И., Логинов Е.Л., Зануздannый Е.Н.* Евразийский экономический союз: необходимость нового контура стратегического управления // Экономические стратегии. 2015. № 4. С. 28–36.

Брур, Дюмортье, Стрин, Такенс 2003 – *Брур Х.В., Дюмортье Ф., Стрин С., Такенс Ф.* Структуры в динамике. Конечномерные детерминированные системы. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2003. 336 с.

Глазунова 2020a – *Глазунова В.В.* Сравнительный анализ структурной динамики экономики некоторых стран и ее устойчивости // Вестник Южно-российского государственного технического университета (НПИ). Серия: социально-экономические науки. 2020. № 13 (3). С. 27–37.

Глазунова 2020b – *Глазунова В.В.* Метод фазовых портретов в оценке устойчивости динамики экономических систем // Анализ, моделирование, управление, развитие социально-экономических систем: XIV Всероссийская с международным участием школа-симпозиум: Сборник научных трудов. Симферополь: КГУ, 2020. С. 107–108.

Глазунова 2019 – *Глазунова В.В.* Сравнительный анализ устойчивости экономической динамики некоторых стран // Сила систем. 2019. № 4 (13). С. 24–33.

Малинецкий, Потапов, Подлазов 2015 – *Малинецкий Г.Г, Потапов А.Б., Подлазов А.В.* Нелинейная динамика: Подходы, результаты, надежды. М.: URSS, 2015. 280 с.

Сухарев 2020 – *Сухарев О.С.* Структура экономического роста стран Евразийского Союза // Экономические стратегии. 2020. № 2. С. 112–123.

Сухарев 2016 – *Сухарев О.С.* Экономика глобального эксцесса. М.: Ленанд, 2016. 512 с.

Bayramov, Breban, Mukhtarov 2019 – *Bayramov V., Breban D., Mukhtarov E.* Economic effects estimation for the Eurasian Economic Union: Application of regional linear regression // Communist and Post-Communist Studies, 2019. № 52 (3). P. 209–225.

Galiakberov, Abdullin 2014 – *Galiakberov A, Abdullin A*. Theory and practice of regional integration based on the EurAsEC model (Russian point of view) // Journal of Eurasian Studies. 2014. № 5 (2). P. 116–121.
Gurova, Platonova, Maksakova 2018 – *Gurova I.P., Platonova I.N., Maksakova M.A*. The Level of Trade Integration in the Eurasian Economic Union // Studies on Russian Economic Development, 2018. № 29. P. 447–453.
Hale 2010 – *Hale H.E*. Eurasian polities as hybrid regimes: The case of Putin's Russia // Journal of Eurasian Studies. 2010. № 1 (1). P. 33–41.
Hartwell 2013 – *Hartwell C.A*. A Eurasian (or a Soviet) Union? Consequences of further economic integration in the Commonwealth of Independent States // Business Horizons. 2013. № 56 (4). P. 411–420.
Khitakhunov, Mukhamediyev, Pomfret 2017 – *Khitakhunov A, Mukhamediyev B, Pomfret R*. Eurasian Economic Union: present and future perspectives // Economic Change and Restructuring. 2017. № 50. P. 59–77.
Mostafa 2013 – *Mostafa G*. The concept of 'Eurasia': Kazakhstan's Eurasian policy and its implications // Journal of Eurasian Studies, 2013. № 4 (2). P. 160–170.
Mostafa, Mahmood 2018 – *Mostafa G., Mahmood M*. Eurasian Economic Union: Evolution, challenges and possible future directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. № 9 (2) P. 163–172.
Pak 2019 – *Pak O*. The impact of state ownership and business models on bank stability: Empirical evidence from the Eurasian Economic Union // The Quarterly Review of Economics and Finance. 2019. № 71. P. 161–175.
Patalakh 2018 – *Patalakh A*. Economic or Geopolitical? Explaining the Motives and Expectations of the Eurasian Economic Union's Member States // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2018. № 11. P. 31–48.

References

Ageev, A.I. (2019), "Russia in world global processes and its presence in international organizations", *Muzhskaya rabota,* no. 70, pp. 15–21.
Ageev, A.I., Loginov, E.L. and Zanuzdannyi, E.N, (2015), "Eurasian Economic Union. The need for a new contour of strategic management", *Economic strategies*, no. 4, pp. 28–36.
Bayramov, V, Breban, D. and Mukhtarov, E. (2019), "Economic effects estimation for the Eurasian Economic Union: Application of regional linear regression", *Communist and Post-Communist Studies*, no. 52 (3), pp. 209–225.
Broer, H.W., Dumortier, F., van Strien, S.J. and Takens, F. (2003), *Struktury v dinamike. Konechnomernye determinirovannye sistemy* [Structures in dynamics. Finite dimensional deterministic studies], Institut komp'yuternykh issledovanii, Moscow, Russia.
Galiakberov, A. and Abdullin, A. (2014), "Theory and practice of regional integration based on the EurAsEC model (Russian point of view)", *Journal of Eurasian Studies*, no. 5 (2), pp. 116–121.
Glazunova, V.V. (2020a), "Comparative analysis of the structural dynamics in the economy of some countries and its stability", *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI), Series: socio-economic sciences*, no. 13 (3), pp. 27–37.
Glazunova, V.V. (2020b), "The method of phase portraits in assessing the dynamics stability in economic systems", *Analiz, modelirovanie, upravlenie, razvitie sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: XIV Vserossiiskaya s mezhdunarodnym uchastiem shkola-simpozium: Sbornik nauchnykh trudov* [Analysis, modeling, management, development

of socio-economic systems. XIV All-Russian school-symposium with international participation. Collection of scientific works], KSU, Simferopol, pp. 107–108.
Glazunova, V.V. (2019), "Comparative analysis of the stability of the economic dynamics in some countries", *Sila sistem*, no. 4 (13), pp. 24–33.
Gurova, I.P., Platonova, I.N. and Maksakova, M.A. (2018), "The Level of Trade Integration in the Eurasian Economic Union", *Studies on Russian Economic Development*, vol. 29, pp. 447–453.
Hale, H.E. (2010), "Eurasian polities as hybrid regimes: The case of Putin's Russia", *Journal of Eurasian Studies*, no. 1 (1), pp. 33–41.
Hartwell, C.A. (2013), "A Eurasian (or a Soviet) Union? Consequences of further economic integration in the Commonwealth of Independent States", *Business Horizons*, no. 56 (4), pp. 411–420.
Khitakhunov, A., Mukhamediev, B., and Pomfret, R. (2017), "Eurasian Economic Union. Present and future perspectives", *Economic Change and Restructuring*, vol. 50, pp. 59–77.
Malinetskii, G.G., Potapov, A.B. and Podlazov, A.V. (2015), *Nelineinaya dinamika: Podhodi, rezultati, nadezhdi* [Nonlinear Dynamics. Approaches, Results, Expectations], Moscow, Russia.
Mostafa, G. (2013), "The concept of 'Eurasia'. Kazakhstan's Eurasian policy and its implications", *Journal of Eurasian Studies*, no. 4 (2), pp. 160–170.
Mostafa, G. and Mahmood, M. (2018), "Eurasian Economic Union. Evolution, challenges and possible future directions", *Journal of Eurasian Studies*, no. 9 (2), pp. 163–172.
Pak, O. (2019), "The impact of state ownership and business models on bank stability: Empirical evidence from the Eurasian Economic Union", *The Quarterly Review of Economics and Finance*, vol. 71. pp. 161–175.
Patalakh, A. (2018), "Economic or Geopolitical? Explaining the Motives and Expectations of the Eurasian Economic Union's Member States", *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, no. 11, pp. 31–48.
Sukharev, O.S. (2020), "The structure of economic growth in the countries of the Eurasian Union", *Economic strategies*, no. 2, pp. 112–123.
Sukharev, O.S. (2016), *Ekonomika global'nogo ekstsessa* [The economy of global kurtosis], Lenand, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Вильгельмина В. Глазунова, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; wilhelminaglazunova@gmail.com

Information about the author

Vil'gel'mina V. Glazunova, Cand. of Sci. (Economics), senior researcher, Russian Academy of Sciences Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117218; wilhelminaglazunova@gmail.com

УДК 339.72
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-81-96

Инвестиционная политика Польши в контексте торгово-экономического сотрудничества с Российской Федерацией

Алла Б. Секачева

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
aline_ph@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрывается эволюция инвестиционной политики Польши и особенности формирования в стране правовой системы по защите иностранных инвестиций. Дана характеристика современного этапа развития польской экономики, выявлена роль иностранных инвестиций в модернизации национальной экономики. Рассмотрен дискуссионный вопрос о роли субсидий Европейского союза в трансформации польской экономики. Отдельно проанализированы проблемы торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и Польши, и сделан вывод, что антироссийская внешняя политика Польши препятствует развитию торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: Польша, Европейский союз, Россия, прямые иностранные инвестиции, торгово-экономическое сотрудничество

Для цитирования: Секачева А.Б. Инвестиционная политика Польши в контексте торгово-экономического сотрудничества с Российской Федерацией // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 81–96. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-81-96

Investment policy of Poland in the context of trade and economic cooperation with the Russian Federation

Alla B. Sekacheva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, aline_ph@rambler.ru

Abstract. The article reveals the evolution of Poland's investment policy and the peculiarities of the formation of the country's legal system for the protection of foreign investments. The article describes the current stage of development of the Polish economy, reveals the role of foreign investment in the

© Секачева А.Б., 2021

modernization of the national economy. The article discusses the controversial issue of the role of the European Union subsidies in the transformation of the Polish economy. The issues of trade, economic and investment cooperation between Russia and Poland are analyzed separately and it is concluded that the anti-Russian foreign policy of Poland hinders the development of the trade, economic and investment cooperation between the two countries.

Keywords: Poland, European Union, Russia, foreign direct investment, trade and economic cooperation

For citation: Sekacheva, A.B. (2021), "Investment policy of Poland in the context of trade and economic cooperation with the Russian Federation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 2, pp. 81-96, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-81-96

Введение

Особенностью внешнеэкономических отношений между Россией и Польшей является то обстоятельство, что политические факторы играют в них определяющую роль. Польша, вступив после распада Советского Союза в НАТО, а затем в ЕС, в максимальной степени при помощи США использовала это членство для модернизации национальной экономики. При этом в отношениях с Соединенными Штатами «Польша не ограничивается ни малыми услугами, ни даже военным сотрудничеством – Варшава стремится к полной синхронизации с политикой Вашингтона».

Во многом благодаря его поддержке Польша в последнее десятилетие стала лидером Евросоюза по объему инвестиций, поступивших в экономику страны из-за рубежа. В 2015 г., по данным доклада ЮНКТАД World Investment Report, Польша находилась в числе двадцати крупнейших получателей прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире. В 2018 г. эта страна вошла уже в десятку стран с наибольшими поступлениями ПИИ и заняла 9-е место. Снижение этого показателя в 2019 г. на 26% по сравнению с прошлым годом обусловлено мировым экономическим кризисом, затронувшим многие сферы экономической деятельности. Так, по данным ЮНКТАД, объем ПИИ в мире в 2019 г. уменьшился на 1,4% – с 1,41 до 1,39 млрд долл. Поэтому согласно опросу, про-

[1] *Ofitserov-Bel'skii D.* The "narrow corridor" of US-Polish relations (2016) [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/uzkiy-koridor-amerikano-polskikh-otnosheniy/ (дата обращения 19 января 2021).

веденному в конце апреля 2020 г. в 113 европейских компаниях, 51% инвесторов собирается уменьшить плановые объемы ПИИ на 2020 год, 15% ожидают значительных сокращений, 23%, вероятно, отложат реализацию новых проектов до 2021 г. и только 11% не будут что-либо менять[2].

Сравнительно высокие показатели притока ПИИ в Польшу в последние десятилетия во многом обусловлены тем, что сразу после распада социалистического лагеря в ней были приняты меры по улучшению инвестиционного климата [Дмитриева, Калинина 2015]. Закон «Об иностранных инвестициях», принятый в 1991 г., не только отменил существовавшие до этого ограничения на размер инвестиций и вывоз полученной от них прибыли, но и значительно упростил процедуру регистрации коммерческих компаний иностранными юридическими и физическими лицами. Закон от 20 марта 2002 г. «О финансовой поддержке инвестиций», вместе с законом «Об условиях допустимости и надзора публичной помощи для предпринимателей» и законом «О реструктуризации некоторых общественно правовых обязательств предпринимателей», составили блок правовых норм, которые призваны стимулировать инвестиционную деятельность. В этих законах размер государственной финансовой поддержки для предпринимателя ставится в зависимость от размеров нового инвестиционного проекта и от количества сохраняемых или создаваемых рабочих мест. При этом юридическим и физическим лицам не требуется специального разрешения, чтобы открыть собственное предприятие, запустить собственный проект или приобрести долю акций в уже существующих. Единственное исключение в этом смысле – иностранные банки, которые могут совершать сделки только с разрешения Минфина и Национального Банка страны[3]. Другой важный момент – в этих законах зафиксированы серьезные меры по защите иностранных инвесторов, юридических и физических лиц, а также их вложений. В частности, предусмотрена выплата компенсаций в случае, если проект с иностранным капиталом будет по каким-то причинам национализирован. Для этого в Польше на сегодняшний день заключены договоры о защите инвестиций практически со всеми экономически развитыми странами Евросоюза, а также США. Это

[2] Research on the investment attractiveness of European countries. Russia (2020), pp. 8–13 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.investinrussia.com/data/file/european-attractiveness-survey-russia-2019-rus.pdf (дата обращения 10 января 2021).

[3] Official site of the National Bank of Poland (2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbp.pl/ (дата обращения 9 января 2021).

служит дополнительной гарантией для потенциальных инвесторов. Условия финансовой поддержки инвестиций в форме долгосрочной программы конкретизируются в утвержденной Правительством 23 сентября 2008 г. «Системе поддержки инвестиций», имеющей важное значение для польской экономики. В этом документе установлено, что максимальный размер дотации для проектов, реализуемых на территории особых экономических зон, не может превышать 15% стоимости инвестиций, а для проектов, реализуемых вне этих зон – 30%. Дотации могут получить предприниматели для реализации проектов в следующих отраслях: автомобилестроение, электронное машиностроение, авиационная промышленность, биотехнологии, информационные технологии, аутсорсинг бизнес-процессов, телекоммуникации, технико-внедренческая деятельность[4].

Таким образом, этими законами были устранены практически все ограничения на приобретение иностранными лицами собственности на территории Польши. Процедура стала проще и прозрачнее, так, например, участок сельскохозяйственной земли можно приобрести очень быстро и без бюрократических проблем. Также можно арендовать земельные участки на срок до 99 лет. [Мировая экономика 2019]. Все это облегчает и ускоряет реализацию новых инвестиционных проектов. Конечно, нельзя обойти стороной вопрос льгот для иностранных инвесторов и развиваемых ими проектов. Так, например, для некоторых видов инвестиций действует система ускоренной амортизации. Характерно также и то, что для экономически слабых районов страны объем предоставляемых льгот гораздо больше. Однако в законе об инвестициях в Польше есть положение, что при нарушении действующих в стране правовых актов или попытке уйти от налогов иностранное юридическое лицо тут же лишается всех положенных ему льгот[5].

Во многом благодаря взвешенной инвестиционной политике экономика Польши в последние десятилетия показывала хорошие результаты. ВВП страны в 2019 г. составил 592 млрд долл. (24-е место из 174 стран), а ВВП на душу населения достиг 17 тыс. долл.

---

[4] *Tsys S.* (2020) Profitable financing for companies in Poland from the EU. 10 ways to get it, [Электронный ресурс]. URL: https://uniconsulting.group/blog/finansirovanie-ec-dlja-kompanij-polshe/; Official site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2019) [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/main (дата обращения 10 января 2021).

[5] Inwestycje w Polsce (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.paih.gov.pl/ (дата обращения 12 января 2021).

(45-е место из 169 стран). Безработица, по данным на конец 2020 г., имела показатель в 6,1%, а уровень инфляции – 2,4%. Государственный долг относительно ВВП в 2019 г. составил 45%, что намного меньше, чем у ведущих стран ЕС (в Германии более 70%, Франции – примерно 120%). Запасы золота составляют 229 т, а валютные резервы – 154 млрд долл. (22-е место из 114 стран). На ноябрь 2020 г. зафиксировано положительное внешнеторговое сальдо в размере около 2 млрд долл. Экономический рост в стране по прогнозам МВФ в 2020 г. составит более 3%, в ЕС сократится на величину около 9%. [Экономика Европейского союза 2020].

Вместе с тем, несмотря на огромный интерес к польской экономике со стороны других стран-членов ЕС, лидером по объемам инвестиций в Польшу являются США. По информации «Польского радио», в стране работают более 1500 компаний с американским капиталом. Глава Американской торговой палаты в Польше Т. Хоуш сообщил, что стоимость их активов составляет почти 54,5 млрд долл.: «Американцы стремятся инвестировать в исследования и разработки, а также в новые технологии, такие как авиационная индустрия или облачные вычисления»[6].

Приток ПИИ резко вырос после вступления страны в ЕС в 2004 г. и после этого продолжал увеличиваться вплоть до последнего времени. В 2017 г. объем накопленных ПИИ (по международной инвестиционной позиции) составил 235 млрд евро. В 2019 г. их величина выросла до 255 млрд долл.[7], и по этому показателю Польша является лидером среди стран Центральной и Восточной Европы. Однако по объему ПИИ на душу населения она уступает многим своим соседям.

В географическом разрезе в накопленных в Польше ПИИ преобладают страны Евросоюза – около 90% их общего объема. Главными странами-инвесторами в последние годы, по данным Национального Банка Польши, были: Нидерланды – около 20%, Германия – 17%, Люксембург – более 13%, Франция – более 10% общего объема. Особое значение для Польши, начиная с периода рыночных реформ, имеют немецкие ПИИ, которые превысили 27,5 млрд евро.

Что касается отраслевой структуры ПИИ, то более всего их (примерно 60% от общего объема) было накоплено в сфере услуг

[6] The United States has invested more than $38 billion in Poland (2020) [Электронный ресурс]. URL: http://novayagazeta.ee/articles/32305/ (дата обращения 12 января 2021).

[7] Foreign direct investment in Poland (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://take-profit.org/statistics/foreign-direct-investment/poland/ (дата обращения 12 января 2021).

(прежде всего в финансовых услугах и торговле). На втором месте (в два раза меньше по объему) находятся отрасли обрабатывающей промышленности.

Необходимо отметить, что в результате такой инвестиционной политики крупнейшие компании сферы телекоммуникаций и информационных технологий, автомобилестроения, электромашиностроения в Польше принадлежат иностранному капиталу. Важную роль предприятия с ПИИ играют в польской внешней торговле. По имеющимся экспертным оценкам, на них приходится около 60% внешнеторгового оборота Польши [Захарова 2010].

Польша предоставляет иностранным компаниям возможность реализовывать инвестиционные проекты и в специальных экономических зонах (СЭЗ). Сейчас в этой стране насчитывается 14 таких зон. Предприятия некоторых СЭЗ освобождены от налога на недвижимость, и среди ведущих их инвесторов можно выделить крупнейшие корпорации мира: General Motors, Volkswagen, Toyota, Amazon, Opel, Michelin, Shell, UBS, Ericsson, Indesit, IBM, IKEA, Gillette, LG[8].

Наиболее дискуссионной проблемой в этой связи является вопрос, который неоднократно поднимался в европейских СМИ – в какой степени инвестиционная привлекательность Польши обусловлена эффективной государственной политикой, а в какой – обязана субсидиям ЕС? [Петровская 2019]. Так, в Германии выражают недоумение, что только «Польше было выделено больше средств, чем всей Европе в ходе плана Маршалла вместе взятой». С 2004 по 2014 г. она получила от ЕС 101,3 млрд евро в рамках различных специализированных программ и планирует и дальше получать ежегодно по 11–18 млрд долл.[9] С 2014 по 2020 г. инвестиции в Польшу из фондов ЕС составили еще порядка 106 млрд евро, и за эти шесть лет Польша подписала с Евросоюзом 58 400 договоров на софинансирование различных проектов. Вместе с тем комиссар по бюджету и человеческим ресурсам ЕК Г. Эттингер отметил, что большая часть средств, которые Германия выплачивает в бюджет ЕС и которые позже выделяются Польше в рамках политики спло-

[8] Why is it so profitable to invest in Poland? (2019) [Электронный ресурс]. URL: https://offshore-wealth.livejournal.com/tag/investpro (дата обращения 12 января 2021).

[9] *Khubiev, R.* Five reasons why the breakup of the European Union is inevitable (2019) [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/economy/2578851.html (дата обращения 14 января 2021).

[10] For 15 years of membership in the European Union, Poland received 110 billion euros from the EU budget (2019) [Электронный ресурс]. URL: https://www.politforums.net/eurounion/1556615633.html (дата обращения 13 января 2021).

чения, возвращается потом в немецкую экономику[10]. Польский министр фондов и региональной политики М. Яросиньская-Едынак сообщила, что инвестиции ЕС идут в первую очередь в транспортный сектор, исследовательские работы и проекты по развитию, программы по охране окружающей среды, а также на поддержку предпринимательства[11]. По примерным экспертным оценкам, евродотации составляют 2% ВВП и 12% бюджета Польши, что не является такой уж значительной величиной [Неменский 2019].

Но вместе с тем многие соседние страны выражают недовольство, что на борьбу с пандемией коронавируса Польше в ЕС выделили наибольшую сумму – 7,43 млрд евро, хотя она не входит в число лидеров по заболеванию. На Италию, где весной 2020 г. количество заболеваний было наибольшим, выделили намного меньшую сумму – 2,32 млрд евро[12].

Причины такого особого отношения к Польше в ЕС заведующий отделом Белоруссии Института стран СНГ А. Фадеев видит в том, что

> ...Польша добровольно, но не бескорыстно взяла на себя роль проводника интересов США в Европе. Конечно, здесь большую роль играет и традиционная русофобия, боязнь роста могущества, силы Российского государства, которое сказывается в геополитике[13].

Следует отметить, что пандемия привела к нарастанию антиглобалистских и, соответственно, протекционистских настроений во многих государства, в том числе и в Польше. Правительства многих стран ЕС, в том числе Франция и Германия, принимают меры по поддержке местных производителей. Кроме того, были ужесточены условия для приобретения национальных активов зарубежными компаниями[14].

---

[11] *Kozlova O.* It became known how much the EU has invested in Poland in six years (2020) [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения 15 января 2021).

[12] What is the secret of Poland: the country's economy will suffer the least losses in Europe (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://news.24tv.ua/ru/jekonomicheskij-krizis-v-polshe-2020-sekret-jekonomiki-strany_n1362955 (дата обращения 15 января 2021).

[13] Poland's economy grows on European Union subsidies – expert (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.ru/news/polit/2867607.html (дата обращения 11 января 2021).

[14] Research on the investment attractiveness of European countries. Russia (2020), pp. 8–13, [Электронный ресурс]. URL: https://ru.investinrussia.com/data/file/european-attractiveness-survey-russia-2019-rus.pdf (дата обращения 16 января 2021).

Такие меры непосредственно отражаются на торгово-экономических отношениях между странами, в том числе между Россией и Польшей. Эти отношения, как уже указывалось выше, определяются в основном политическими факторами. Санкции против России, принятые США и ЕС после присоединения Крыма к нашей стране, поддержало более 60% поляков, что дало возможность руководству Польши проводить жесткую антироссийскую политику. Но тем не менее они представляют значительный интерес для обеих сторон. Если обратиться к статистике, то в 2019 г. товарооборот России с Польшей составил 17, 5 млрд долл., уменьшившись на 19% по сравнению с предыдущим годом. Экспорт России в Польшу в 2019 г. составил 12,5 млрд долл. (на 25% меньше по сравнению с 2018 г.). В структуре экспорта РФ подавляющую долю занимало минеральное топливо – 79% от общего объема поставок. Кроме того, Россия поставляет в Польшу продукцию химической промышленности, металлы и древесину, то есть в основном продукцию с невысокой добавленной стоимостью, что, безусловно, не является положительным фактором для российской стороны. Импорт России из Польши в 2019 г. составил 5,1 млрд долл., уменьшившись на 1% по сравнению с 2018 г. Польша поставляет в Россию машины и оборудование – 42,5% от общего объема импорта, а также продовольственные товары, продукцию химической промышленности, текстиль и обувь.

Таким образом, внешняя торговля России с Польшей имеет для нашей страны как положительные, так и отрицательные стороны. Положительным является тот факт, что сальдо торгового баланса России с Польшей является активным, и в 2019 г. оно составило 7,4 млрд долл., но по сравнению с 2018 г. уменьшилось на 35%. Доля Польши во внешнеторговом обороте России в 2019 г. составила 2,6% против 3,2% годом ранее. По доле в российском товарообороте в 2019 г. Польша заняла 11 место (в 2018 г. – 9-е место)[15].

Политическая напряженность между странами обусловила и ту ситуацию, что российские инвесторы за последние 25 лет вложили в польскую экономику всего 2 млрд евро, что составляет 0,33% от всех иностранных инвестиций в этой стране. «Для России этот показатель один из худших как по абсолютному, так и по процентному значению во всей Восточной Европе»[16]. Для сравнения: в со-

[15] Trade between Russia and Poland in 2019 (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-polshey-v-2019-g/ (дата обращения 26 января 2021).

[16] *Mamchits R.* In a Hostile Environment: Russian Capital in Poland (2018) [Электронный ресурс]. URL: https://www.if24.ru/rossijskij-kapital-v-polshe/ (дата обращения 25 января 2021).

седних с Польшей странах инвестиционный климат для российского бизнеса намного более благоприятен. Так, по данным Минэкономразвития РФ, объем накопленных российских инвестиций в экономике Чехии в 2018 г. превысил 1,8 млрд долл. В свою очередь, чешские компании вложили 465 млн долл. в наиболее высокотехнологичные отрасли России – автомобилестроение, станкоинструментальную отрасль и энергетическое машиностроение, что, несомненно, крайне важно для модернизации российской экономики[17]. И это при том, что по ВВП Чехии примерно в два раза меньше ВВП Польши, а по населению она уступает соседней стране в 4 раза. [Халова, Иллерицкий 2020].

Ситуацию в инвестиционной сфере в настоящее время осложняет и то обстоятельство, что вложения российских инвесторов в капиталы за рубежом снизились с 2018 по 2019 г. с 10,8 до 7,3 млрд долл.[18] По оценке торгпредства России в Польше:

> Для российских инвестиций в Польше климат нельзя назвать благоприятным. Польские власти всеми методами препятствовали участию российских инвестиций в топливно-энергетическом, химическом и металлургическом секторах национальной экономики. Отсюда и объем российских инвестиций в Польше крайне невелик – лишь 0,1% всех российских капиталовложений за рубежом[19].

При этом, по мнению торгпредства, польские инвесторы в России чувствуют себя значительно лучше, чем российские в Польше [Захарова 2020].

По оценкам многих экспертов, в том числе российских и польских, причины, по которым между российским и польским бизнесом сложились такие взаимоотношения, не экономические – они являются следствием политических противоречий. В этом плане нельзя не отметить, что в публичных выступлениях официальных представителей Польши не раз звучали заявления о том, что при-

---

[17] *Nikitin S.* Russia's relations with the Czech Republic have become an example for many countries (2019) [Электронный ресурс]. URL: https://tpprf.ru/ru/interaction/experts/comments/298431/ (дата обращения 18 января 2021).

[18] Results of foreign economic activity of the Russian Federation in 2019 (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/66eec1250c653fc9abd0419604f44bbd/VED.pdf, p. 55 (дата обращения 20 января 2021).

[19] The Russian Trade Representative spoke about the conditions for domestic investors in Poland (2018) [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/markets/39004385/ (дата обращения 20 января 2021).

сутствие российских компаний в экономике страны для них нежелательно. Аналогично правительство Польши не заинтересовано в поддержке своих инвесторов в России. «Я сомневаюсь, что без этой поддержки наши предприниматели захотят слишком щедро вкладывать деньги в российский рынок» – заявил М. Оцепка, бывший советник польского посольства в Москве[20]. В русле такой политики в январе 2021 г. президент Польши А. Дуда призвал Евросоюз ужесточить «санкции против России из-за бесцеремонного ареста и тюремного заключения Алексея Навального»[21]. Понятно, что такого рода призывы негативно отражаются на торгово-экономических и инвестиционных отношениях двух сторон [Прокофьев и др. 2018].

Таким образом, российско-польское инвестиционное сотрудничество развивается медленно. Сдерживающими факторами являются, с одной стороны, недостаток у Польши собственных инвестиционных ресурсов и востребованных в России технологий, а с другой – неблагоприятный инвестиционный климат для российских инвестиций в Польше. В последние годы на долю накопленных польских ПИИ приходилось всего 0,1% всех накопленных ПИИ в России [Сургуладзе 2018]. Необходимо отметить, что статистические данные по взаимным ПИИ России и Польши несколько различаются.

Вместе с тем, несмотря на кризис, ни одна польская фирма не ушла из России. Так, например, для польской группы KOPEX, известным в Европе производителем машин и оборудования для горнодобывающей промышленности, российский рынок остается одним из стратегических. В связи с этим в Сибири была создана специализированная дочерняя фирма KOPEX Sibir со 100% участием польского капитала, представляющая интересы польской фирмы и одновременно оказывающая сервис-услуги и реализующая запчасти [Зенкина 2014]. Кроме этой группы в России реализовано несколько крупных инвестиционных проектов с участием польского капитала. В их числе:

Группа Rovese (г. Кельце) – одна из ведущих компаний-поставщиков керамики и другой продукции для ванных комнат на европейском рынке. В конце 2011 г. Rovese стала собственником Кучин-

[20] Wprost: Despite all the difficulties, Russia remains a key market for Poland (2019) [Электронный ресурс]. URL: https://russian.rt.com/inotv/2019-12-24/Wprost-nesmotrya-na-vse-slozhnosti (дата обращения 13 января 2021).

[21] Polish president calls on EU to step up sanctions on Russia (2021) available at: [Электронный ресурс]. URL: https://www.thefirstnews.com/article/polish-president-calls-on-eu-to-step-up-sanctions-on-russia-19321 (дата обращения 16 января 2021).

ского керамического завода, сделав вложение в развитие производства на сумму 70 млн евро. Были реконструированы старые здания, запущены новые технологические линии, освоено 16,5 га прилегающей к заводу территории[22].

АО «Польфарма» (Polfarma S.A.) является крупнейшим польским производителем лекарств и фармацевтических субстанций. В 2011 г. она приобрела контрольный пакет акций российской фармацевтической компании Акрихин. В настоящее время по объему продаж «Акрихин» входит в Топ-10 российских фармацевтических производителей[23].

АО «Торуньский завод перевязочных материалов» (TZMO S.A.) – ведущий производитель и поставщик гигиенических, косметических и медицинских изделий. Является владельцем компаний в странах ЕС, России, Белоруссии, на Украине, в странах Юго-Восточной Азии и Индии. Компании принадлежит ООО «БЕЛЛА»/ ООО «БЕЛЛА-Инвест» в г. Егорьевске, Московская область. Планирует расширять свое производство в России[24].

К числу польских компаний, вложивших инвестиции в российскую экономику, относится также группа Can-Pack (КЭН-ПАК), которая работает на рынке металлической упаковки. Зарекомендовала себя с положительной стороны на российском рынке польская строительная группа «УНИБЭП» (UNIBEP), специализирующаяся на гостиничном строительстве.

Активность российского капитала в Польше, на фоне общего негативного климата в российско-польских отношениях, как уже указывалось выше, сдерживается предвзятым отношением польских властей. В частности, руководство страны всячески препятствовало участию российских инвестиций в топливно-энергетическом, химическом и металлургическом секторах национальной экономики. Тем не менее некоторые российские компании, невзирая на объективные и субъективные трудности, сумели занять прочные позиции в экономике этой страны. Основная часть российских ПИИ в Польше приходится на такие российские компании, как «Акрон», «Газпром», «Новатэк» и «Русский стандарт».

---

[22] Группа Rovese осваивает российский рынок облицовочной керамики (2014) [Электронный ресурс]. URL: https://www.keramogranit.ru/news/gruppa-rovese-osvaivaet-rossiyskiy-rynok-oblitsovochnoy-keramiki/ (дата обращения 10 января 2021).

[23] Strategic Partner (2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.akrikhin.ru/polpharma/ (дата обращения 10 января 2021).

[24] TZMO SA (Torun Plant of dressing materials, JSC) (2021) [Электронный ресурс]. URL: https://tzmo.ru/ru_RU/location/tzmo-sa-2 (дата обращения 10 января 2021).

Группа «Акрон» в лице своей оффшорной компании Norica Holding S.a.r.l. является вторым по стоимости пакета (20,0%) акционером крупного польского химического холдинга АО «Группа “Азоты”». На первом месте остается государство в лице Мингосимущества Польши (33,0%).

ОАО «Газпром» является одним из совладельцев совместного российско-польского предприятия АО «ЕвРоПол Газ», которое было создано на основе межправительственного соглашения в 1993 г. «О создании системы газопроводов для транзита российского газа через территорию Республики Польша» [Тихонова 2018]. «Газпром» и польская корпорация PGNiG создали на паритетных началах предприятие «ЕвРоПол ГАЗ», и на данный момент им принадлежит по 48% акций этой компании. Остальные 4% – польской компании Gas-Trading. В свою очередь, «ЕвРоПол ГАЗ» – собственник польского участка (684 км) газопровода Ямал–Европа, (доля «Газпрома» – 48%).

В настоящее время идут дискуссии вокруг дальнейших направлений сотрудничества Газпрома с польскими компаниями в связи с необходимостью имплементации положений Третьего энергопакета Евросоюза[25]. Необходимо отметить, что польская сторона, преследуя чисто политические цели, часто несет весомые убытки. В 2016 г., например, Польша согласилась на цену СПГ из Катара вдвое выше российской (около 850 долл. за 1000 куб. м и 400 долл. соответственно)[26]. Кроме того, она в октябре 2020 г. подала иск к Газпрому на сумму в 7,6 млрд долл., поскольку, по ее мнению, строительство этого газопровода нарушает антимонопольное законодательство ЕС[27]:

– ПАО «Новатек» с 2009 г. имеет в Польше дочернюю компанию Novatek Polska, в настоящее время – Novatek Green Energy. Она является членом Польской организации сжиженного природного газа (СПГ), компании которой занимаются покупкой, разливом и дистрибуцией СПГ.

[25] *Frolov A.* Polish auction: how Warsaw is moving to a new format of work with “Gazprom” (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://iz.ru/1009109/ (дата обращения 11 января 2021).

[26] *Meter Z.* (2020) Geopolitika. news (Croatia): The first LNG tanker has left for Croatia. What does this mean for the EU and the other «players»? [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/politic/20201229/248849579.html (дата обращения 12 января 2021).

[27] *Bodoni S., Martewicz M.* Why Gazprom’s $7,6 Billion Polish Fine Is Just the Start (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-09/why-gazprom-s-7-6-billion-nord-stream-2-fine-is-just-the-start (дата обращения 20 декабря 2020).

– ПАО «Нефтяная компания “Лукойл”». В настоящее время его дочерняя компания «ЛУКОЙЛ-Польша» (Lukoil Polska) владеет более 100 АЗС в Польше. Доля компании в общем объеме розничных продаж нефтепродуктов на внутреннем рынке Польши составляет около 3–4%;
– Холдинг «Русский стандарт» в 2011 г. приобрел 9,9% акций алкогольного холдинга Central European Distribution Corporation (CEDC), одного из ведущих производителей и дистрибьюторов алкогольной продукции в Польше. В настоящее время он является владельцем таких брендов, как Zubrowka, Bols, Soplica;
– ООО «Люксофт» – компания, занимающаяся разработкой программного обеспечения, ИКТ-аутсорсингом и экспортом ИКТ-услуг. В настоящее время она имеет шесть представительств в Польше и специализируется на создании ИКТ-решений в области туризма, автомобильной промышленности и финансов.

В основном внимание польских инвесторов привлекают энергетические и промышленные отрасли, а также приграничная Калининградская область, где функционирует около 40 компаний с участием польского капитала. Это, главным образом, торговые фирмы. Польша по программе приграничного сотрудничества с Калининградской областью за последние несколько лет выделила почти 63 млн евро на развитие транспортной инфраструктуры[28].

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество между Россией и Польшей не имеет положительной динамики и, соответственно, оптимистических перспектив [Дмитриева 2019]. Польша, которая в настоящее время является самым близким союзником США в Европе, проводит ярко выраженную антироссийскую линию в своей внешней политике, невзирая на экономическую невыгодность такого курса.

Взаимное инвестирование сдерживается также растущими глобальными и региональными рисками, что приводит к росту проти-

[28] *Pudovkin E.* Polish Foreign Minister – RBC: “Russia has a different approach to unpleasant facts” (2020) [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения 23 декабря 2020).

воречий между сторонами. Не достигнуто продвижения в работе над договором о поддержке и взаимной защите инвестиций[29], проект которого был подготовлен еще в 1993 г. Как справедливо отмечают ученые РАН, в группе стран Центральной и Восточной Европы по отношению к России Польша «выделяется своей непримиримой, и даже провокационной, позицией» [Князев 2015].

Литература

Дмитриева, Калинина 2015 – *Дмитриева А., Калинина Ю.* Оценка влияния государственной задолженности стран Европейского союза на развитие их экономики с использованием математического аппарата // Финансовая жизнь. 2015. № 2. С. 6–10.

Дмитриева 2019 – *Дмитриева А.Б.* Особенности, проблемы и перспективы интеграционных процессов в Европейском союзе на современном этапе его развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 68–79.

Захарова 2020 – *Захарова Н.В.* Малое и среднее предпринимательство в развитых странах: основные особенности развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 4. С. 88–102.

Захарова 2010 – *Захарова Н.В.* Формирование инновационной экономики и инновационных систем стран Европейского союза: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2010. 46 с.

Зенкина 2014 – *Зенкина Е.В.* Развитие международного бизнеса в постиндустриальной экономике // Известия МГТУ «МАМИ». Серия «Экономика и управление». 2014. № 1 (19). Т. 5. С. 34–36.

Князев 2015 – *Князев Ю.К.* Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия: Доклад. М.: Ин-т экономики РАН, 2015. 49 с.

Мировая экономика 2019 – Мировая экономика: Учебник / Щербанин Ю.А., Зенкина Е.В., Толмачев П.И., Грибанич В.М., Дрыночкин А.В., Королев Е.В., Кутовой В.М., Логинов Б.Б. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2019. 503 с.

Неменский 2019 – *Неменский О.Б.* Приоритеты внешней политики Польши при правительстве М. Моравецкого // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 1 (52). С. 58–77.

Петровская 2019 – *Петровская О.В.* Разногласия Варшавы с Брюсселем в контексте перспектив европейского интеграционного проекта // Проблемы национальной стратегии. 2019. No. 2 (53). С. 65–112.

Прокофьев и др. 2018 – *Прокофьев И.В., Каратаев С.В., Грибова Н.В., Захаров П.В., Трошин Н.Н,, Холодков В.М. Дмитриева А.Б.* Будущее глобализации под угрозой? // Проблемы национальной стратегии. Доклады РИСИ. 2018. № 3 (48). С. 11–56.

[29] *Yakimovich R.* (2016) Polish-Russian economic relations in 2004–2016 [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения 29 декабря 2020).

Сургуладзе 2018 – *Сургуладзе В.Ш.* Опыт применения современных западных методик сравнительного кросс-культурного анализа двусторонних межгосударственных отношений (на примере России и Польши) // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2 (47). С. 172–196.

Тихонова 2018 – *Тихонова С.В.* Развитие германо-польского противостояния в контексте общеевропейских энергетических процессов // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 3 (48). С. 89–105.

Халова, Иллерицкий 2020 – *Халова Г.О., Иллерицкий Н.И.* Перспективы международного экономического сотрудничества после кризиса 2020 года: пути к новому равновесию // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 3. С. 112–121.

Экономика Европейского союза 2020 – Экономика Европейского союза: Учебник для магистрантов / Под ред. Б.Е. Зарицкого, Е.Б. Стародубцевой. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2020. 328 с.

References

Dmitrieva, A. and Kalinina, Yu. (2015), "Using the mathematical apparatus in assessment of the impact of the state debt of the European Union countries upon the development of their economies .", *Finansovaya zhizn'*, no. 2, pp. 6–10.

Dmitrieva, A.B. (2019), "Specifics, issues and prospects of the integration processes in the European Union at the present stage of its development", *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie* [Scientific transactions of the Vernadsky Crimean Federal University, Economics and Management], vol. 5 (71), no. 3, pp. 68–79.

Khalova, G.O. and Illeritskii, N.I. (2020), "Prospects for international economic cooperation after the crisis of 2020: The path to a new balance", *RSUH/RGGU Bulletin."Economics. Management. Law" Series*, no. 3, pp. 112–121.

Knyazev, U.K. (2015), *Strany Tsentral'no-Vostochnoi Evropy v sanktsionnoi voine Zapada protiv Rossii: politicheskie pozitsii i ekonomicheskie posledstviya. Doklad* [Central and Eastern European countries in the Western Sanctions War against Russia**.** Political positions and economic consequences. Report], Institut Ekonomiki RAS, Moscow, Russia.

Nemenskii, O.B. (2019) "Priorities of Poland's foreign policy under the government of M. Morawiecki", *Problemy natsional'noi strategii*, no. 1 (52). pp. 58–77.

Petrovskaya, O.V. (2019), "Differences between Warsaw and Brussels in the context of the prospects for the European integration project." *Problemy natsional'noi strategii*, no. 2 (53), pp. 65–112.

Prokof'ev, I.V., Karataev, S.V., Gribova, N.V., Zakharov, P.V., Troshin, N.N., Kholodkov, V.M. and Dmitrieva, A.B. (2018), "Is the future of globalization at stake?", *Problemy natsional'noi strategii*, Reports RISS, no. 3 (48), pp. 11–56.

Shcherbanin, Yu. A., Zenkina, E.V., Tolmachev, P.I., Gribanich, V.M., Drynochkin, A.V., Korolev, E.V., Kutovoi, V.M. and Loginov, B.B. (2019), *Mirovaya ehkonomika* [World Economy. Textbook], Yuniti-Dana, Moscow, Russia.

Surguladze, V.Sh. (2018) "Experience in the application of modern Western methods for comparative cross-cultural analysis of bilateral interstate relations (on the example of Russia and Poland)", *Problemy natsional'noi strategii,* no. 2 (47). pp. 172–196.

Tikhonova, S.V. (2018) "Development of the German-Polish opposition in the context of all-European energy processes", *Problemy natsional'noi strategii*, no. 3 (48). pp. 89–105.

Zakharova, N.V. (2020) "Small and medium entrepreneurship in advanced economies. Main tendencies of the development", *RSUH/RGGU Bulletin."Economics. Management. Law" Series*, no. 4, pp. 88–102, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-4-88-102

Zakharova, N.V. (2010), *Formation of the innovation economy and innovation systems of the EU countries,* Abstract of D. Sc. dissertation, Plekhanov REU, Moscow, Russia.

Zaritskii, B.I., Pospelov, V.K., Starodubtseva, E.B., Medvedeva, M.B., Sidorenko, T.V., Sumarokov, E.V., Chuvakhina, L.G. and Dmitrieva, A.B. (2020), *Ekonomika Evropeiskogo soyuza,* Uchebnik dlya magistrantov [Economy of the European Union, Textbook for undergraduates], INFRA-M, Moscow, Russia.

Zenkina, E.V. (2014), "The development of international business in postindustrial economy", *Izvestiya MGTU "MAMI", Economika i upravlenie*", no. 1 (19), vol. 5, pp. 34–36.

Информация об авторе

Алла Б. Секачева, кандидат экономических наук, доцент, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; aline_ph@rambler.ru

Information about the author

Alla B. Sekacheva, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 53/2, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119021; aline_ph@rambler.ru

УДК 330.34
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-97-110

Эколого-экономический подход применения вторичных биоматериалов в контексте устойчивого развития

Наталья Ю. Сопилко

Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина
Москва, Россия, sheremett73@gmail.com

Ольга Ю. Мясникова

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия, o_myasnikova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема, связанная с исчерпаемостью традиционных энергетических ресурсов (угля, нефти, торфа, природного газа), возникающая в процессе их использования как фактор ухудшения экологической ситуации в условиях перехода Российской Федерации к модели устойчивого развития экономики. Проведен анализ возможности применения альтернативного сырья на основе вторичных растительных биоматериалов как возобновляемых заменителей источников энергоснабжения. Выделена тенденция роста потребления биомассы для выработки энергии в странах Европы, в США, Канаде. Представлена характеристика основных экономических преимуществ ее применения, наряду с которыми отмечена особая важность экологической компоненты. Проведенное исследование является приоритетным и перспективным направлением для мировой экономики и энергетики, а анализ основных технико-экономических характеристик различных видов отходной биомассы и обоснование путей ее утилизации может служить для целенаправленного и полноценного ее использования как энергетического ресурса.

Ключевые слова: устойчивое развитие, альтернативные энергетические ресурсы, вторичные биоматериалы, экономические выгоды, экологическая безопасность

Для цитирования: Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю. Эколого-экономический подход применения вторичных биоматериалов в контексте устойчивого развития // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 97–110. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-97-110

© Сопилко Н.Ю., Мясникова О.Ю., 2021

Ecological and economic approach to secondary biomaterials usage in the context of sustainable development

Natal'ya Yu. Sopilko
Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, sheremett73@gmail.com
Ol'ga Yu. Myasnikova
RUDN University, Moscow, Russia, o_myasnikova@mail.ru

Abstract. In the presented paper considers the issue associated with the depletion of traditional energy resources (coal, oil, peat, natural gas). Such a situation turns up in a process of their usage as a factor in the deterioration of the environmental situation in terms of Russian Federation transition to a model of a sustainable economic development. The article analyses the possibility of alternative raw materials using based on secondary plant biomaterials as a renewable substitute for the energy supply sources. A tendency of growth in the biomass consumption for energy generation in European countries, the USA, Canada is highlighted. The characteristics of the main economic advantages of its application are presented, along with a notion of the special importance of ecological component. The conducted research is a priority and promising direction for the world economy and energy, and the analysis of basic technical and economic features of various types of the waste biomass and the reasoning of its utilization ways can serve for its well-targeted and full-fledged usage as an energy resource.

Keywords: sustainable development, alternative energy resources, secondary biomaterials, economic benefits, environmental safety

For citation: Sopilko, N.Yu. and Myasnikova, O.Yu. (2021), "Ecological and economic approach to secondary biomaterials usage in the context of sustainable development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 2, pp. 97-110, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-97-110

Человечество уже давно испытывает потребность в пересмотре парадигмы своего существования на Земле. Еще в 1992 г. в Рио-де-Жанейро было сделано четкое предупреждение мировому сообществу об неотвратимости экокатастрофы. После конференции (1992), в ходе которой были определены векторы, направленные на предотвращение всемирного экологического бедствия, была предложена новая парадигма развития – концепция устойчивости. В рамках этой парадигмы мировая экономика должна стремиться минимизировать потребление природных ископаемых и ресурсов, а также задуматься над рециклингом и сведением к минимуму отходов [Бобылев 2017; Сопилко, Орлова, Лисицкая 2017].

Сегодня очевидным для многих специалистов является проблема дефицита топливно-энергетических ресурсов, постоянный рост их стоимости, а также устойчивая тенденция к ухудшению экологической обстановки. Наряду с этим растет население планеты, которое к 2050 г., по оценкам ООН, может достигнуть девяти миллиардов человек [Любушин, Бабичева, Конышев 2017]. В этой связи стоит задача постоянного поиска альтернативных путей получения и использования возобновляемых источников энергии.

Одним из направлений, которое в настоящее время изучается учеными, – использование и переработка отходов растительного происхождения как потенциального энергоносителя. Такой подход полностью соответствует положениям Киотского договора, документам Международной экспертной группы по оценке научных знаний, связанных с изменениями климата, и др., связанным с улучшением окружающей среды.

Подсчитано, что энергетическое содержание производимых в мире отходов агропромышленного комплекса составляет $93 \cdot 10^{18}$ Дж/год. Тот факт, что реальное использование их потенциала до 25%, в будущем позволит обеспечить около 7% мировой энергии [Хоруженко, Дорогов 2017]. Вторичная переработка и использование топливных биоматериалов будет способствовать решению многих эколого-экономических задач, как глобальных, так и локальных, стоящих перед мировой экономикой, а именно снижение выброса парниковых газов и риска образования кислотных дождей за счет уменьшения количества выделяемого диоксида серы (сохранение лесных массивов) и т. д.

Для более детального рассмотрения проблемы необходимо понять и разработать комплекс мер, предусматривающих планирование различных мероприятий, направленных на рационализацию рециклинга биоресурсов, и наряду с этим необходима разработка стратегии, в рамках которой будут определены векторы по количественному уменьшению различных газообразных выбросов в атмосферу, влияющих на климат планеты.

Все традиционные топливные виды сырья включают серу и ее соединения, которые при сгорании выделяются в воздух, загрязняя его токсичными веществами. Если использовать биотопливо как альтернативу традиционным видам энергоносителей, то такие выбросы будут значительно снижены [Myasnikova et al. 2019].

Экономический анализ динамики цен на бензин и дизельное топливо показывает тенденцию роста. Так, в Европе за первый квартал 2020 года цены увеличились (на 5% – бензин, 2,5% – дизельное

топливо)[1]. В рамках курса на устойчивое развитие в странах ЕС ведется постоянный поиск замены этих видов топлива на менее затратные и более экологически целесообразные.

Наряду с европейскими странами идет активный поиск альтернативного топлива, в частности исследуются возможности получения энергии из растительного сырья в Канаде, Китае, Бразилии, США и мн. др. Еще в конце прошлого столетия (1996 г.) в Дании была принята энергетическая программа «Энергия 21», в рамках которой принят ориентир – до 2030 г. повысить уровень использования биоэнергетики до 50-процентный порога в общем объеме энергетики [Myasnikova, Shcherbakova, Lysytska 2019]. Ученые в своих исследованиях доказали, что рост применения растительного сырья, как многолетнего, так и однолетнего, увеличение энергетических ресурсов может достигнуть 2,4 раза [Svietkina, Lysytska, Franchuk 2017]. Положения этой программы получили поддержку практически во всех странах Еврозоны. Например, в Швеции и Австрии ввели «зеленые налоги» – льготы по оплате за использование биотоплива, которые освобождают покупателей такого топлива от любых экосборов. В странах Балтии было получено право на освобождение биотоплива от уплаты акцизного налога в размере менее 5% от всей стоимости топливного ресурса. В результате такого налогового маневра цена биоэтанола, который был получен на базе биомассы, в Эстонии стала ниже, чем цена бензина марки АИ-95, практически на 10%[2].

Эффективно действующие федеральные законы США с налоговыми льготами ориентированы на производство биоэтанола, а также на поддержку реутилизации отработанных растительных и животных масел [Василов 2007].

Согласно географическим и климатическим параметрам, для многих стран характерным является наличие большого разнообразия видов растительности, которая, включаясь в конверсионно-производственные процессы, приводит к постоянному образованию большого количества отходов органического характера (сельскохозяйственных, химических производств, деревопереработки, торфоразработок, полиграфической, пищевой, текстильной промышленности и др.).

Учитывая тот факт, что затраты на энерготопливо на базе отходных биоматериалов практически минимальны, и то, что коли-

[1] EU Biofuels Annual, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://biotoplivo.ru/upload/private/information_items_property_205.pdf (дата обращения 10 января 2021).

[2] Там же.

чество последних не ограничено, экономическая целесообразность их очевидна.

В зависимости от генезиса, морфологических, химических свойств биологического сырья возможны различные технологии его энергетического использования. Так, специалистами-технологами и экологами отмечается, что наряду с термохимическими способами переработки растительных материалов и их отходов (прямое сжигание, высокотемпературная газификация, пиролиз и др.), наиболее оптимальным направлением признается изготовление из них топливных брикетов, гранул (пеллет), таблеток или других форм продукции [Севастьянова 2009; Хоруженко, Дорогов 2017].

При этом экономический интерес с точки зрения энергетической емкости представляет именно переработка органической части отходов из растительных биоматериалов. Технически и экономически выгодным является то, что в лигноуглеводном комплексе растений лигнин, обеспечивая механическую функцию и будучи тесно связанным с гемицеллюлозами, выступает склеивающим агентом кристаллических цепей целлюлозы с тканями. Это дает возможность обходиться без дополнительных агентов. В безводной растительной биомассе, включающей до 12% капиллярной влаги, общее содержание органической части представлено углеродом (45–50%), кислородом (40–45%), водородом (4,5–6,0%), азотом (0,3–3,5%) и незначительным количеством серы (до 0,05%) [Сушкова, Воробьева 2008]. При ее сгорании вышеназванные составляющие компоненты превращаются в диоксид углерода (CO_2) и водяной пар (H_2O).

По показателям использования твердой биомассы для производства тепловой энергии страны ЕС в среднем достигли порядка 15% (при этом в Австрии и Швеции – 37 и 61% соответственно, Финляндии и Дании – 32 и 35%)[3].

Если рассмотреть общее количество растительной биомассы, которая была получена и использована в мировой энергетике в начале 2000-х годов из древесины, то эта цифра достигла 1,9 млрд куб. м, а ее отходы составили лишь 300 куб. м. Для России, которая обладает практически четвертью всех мировых запасов лесов, переработка древесных отходов может стать эффективным энергетическим ресурсом, экономически целесообразным и обоснованным[4].

[3] EU Biofuels Annual, 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://biotoplivo.ru/upload/private/information_items_property_205.pdf (дата обращения 11 января 2021).

[4] Глобальный доклад о состоянии возобновляемой энергетики 2018. [Электронный адрес]. URL: https://www.ren21.net/ (дата обращения 11 января 2021).

Анализ рынка древесины показал, что в России цены на древесное сырье достаточно низкие: стоимость кубического метра хвойной древесины варьируется в пределах от 218 до 383 руб., а кубический метр древесной щепы на лесных аукционах стоит от 300 до 500 руб.[5] При этом в переработке этот ресурс (например, изготовление пеллет – брикетов) уже стоит от 80 до 90 евро за кубический метр. Для сравнения: стоимость лесных материалов (кубический метр) в Эстонии и Швеции – 63 и 41 евро, что значительно выше российских цен. И российский лес, а также отходная древесная щепа может быть весьма привлекательным товаром для европейских стран.

Аналитики FOEX Indexes Ltd рассчитали показатель индекса цен на древесные топливные гранулы в Центральной Европе, который достиг уровня 202,76 € за тонну. В контексте сказанного один из крупнейших потребителей пеллет – энергетический концерн DONG Energy – перевел первый блок крупной теплоэлектростанции в Avedore с угля на древесные пеллеты[6]. Теперь столица Дании Копенгаген сможет получать больше биоэнергии.

Подсчитано, что сжигание древесины (влажность 10%) обеспечивает выделение тепловой энергии в количестве 14–15 МДж/кг (для сравнения – удельная теплота сгорания нефти составляет 41–44, бытового газа – 32–33, а каменного угля – 27–29 МДЖ кг)[7]. Содержание минеральной части в биомассе незначительно, поэтому после ее сжигания практически не остается золы. Кроме того, применение альтернативных, экологически более безопасных и экономически выгодных источников энергии исключает потребность добавления к традиционному топливу различных присадок, т. е. позволит получать дополнительную экономию в затратах. Такой подход подчеркивает целесообразность перехода энергетической отрасли на низкосернистые топливные биоматериалы и дает возможность повышать показатели устойчивости для многих энергозависимых стран.

Технический анализ предварительно измельченных на специальных лабораторных вибрационных мельницах (laboratory verti-

[5] Рынок древесной щепы в России – 2019. Показатели и прогнозы [Электронный адрес]. URL: https://marketing.rbc.ru/research/40641/ (дата обращения 12 января 2021).

[6] Евросоюз, США. Нефть, газ, уголь. Леспром, 2017 [Электронный адрес]. URL: https://polpred.com/?ns=1&ns_id=2056577 (дата обращения 12 января 2021).

[7] Характеристики древесной биомассы, применяемой в топливных целях [Электронный адрес]. URL: http://www.unikc.ru/wood.htm (дата обращения 14 января 2021).

cal vibrating mill MVV-2) воздушно-сухих образцов древесных и однолетних растительных отходов, их отдельных параметров проводился в лабораторных условиях по общепринятым методикам [Sviekina, Lysytska, Franchuk 2017]. Полученные данные в этих исследованиях свидетельствуют, что химический состав органической части растительной биомассы, обладающей энергетической емкостью, достаточно стабилен, что позволяет превращать ее в высококачественное топливное сырье.

Результаты исследований отдельных энергетических параметров показали, что качество топливных материалов зависит не только от химического состава, но и других технологических параметров. К ним относится влажность (критический уровень влажности варьирует от 10 до 15%, а для некоторых видов сырья предел содержания влаги ограничивается 7–8%). Так, теплота сгорания соломы ниже, чем у сухой древесины. Однако с учетом обычной для воздушно-сухой соломы влажности в пределах 12% данный показатель оказывается выше, чем у древесной щепы [Myasnikova et al. 2019].

При этом традиционные виды топливных материалов имеют достаточно высокую величину объемной массы или насыпной плотности (например, в зависимости от месторождения объемная масса каменного угля составляет 680–960 кг/м^3, а антрацита – 1500 кг/м^3).

Насыпная плотность органических отходов, в том числе и растительных, имеющих влажность 10–12%, невелика и находится в пределах: в свободном состоянии – 60–120 кг/м^3, а помещенных в емкость – 180–220 кг/м^3. Реализация отходов в виде топливных материалов с такими показателями невыгодна как с экономической (их транспортировка) точки зрения, так и с экологической. Поэтому технологически и экономически выгодным решением является использование растительных материалов и их отходов в уплотненной форме (в виде брикетов или пеллет) с повышенной насыпной массой до 600 кг/м^3 и более.

В странах Европы широкое применение также нашли жидкие виды биотоплива для дизельных двигателей автотранспорта – биоэтанол или биобутанол, а также биодизельное топливо. Биоэтанол легко получается из пищевых отходов свеклы, картофеля, а также целлюлозных сельскохозяйственных отходов в виде соломы, лузги семян, стеблей растений и древесной щепы. В США, например, из 1 т соломы (или старого картона) после химической обработки получают 150 л этанола.

Получение биобутанола – более калорийного, менее летучего, агрессивного, а главное, с экономической точки зрения – менее затратного в производстве, чем этанол; в 13,5 раз менее летучего, чем

бензин, то есть более безопасного, получаемого из более дешевых ресурсов – вторичных углеводных материалов, является экономически выгодным и целесообразным.

Показатель экономической эффективности – энергоемкость биобутанола близка к энергоемкости бензина, поэтому может полностью его заменить в топливных элементах. Биобутанол более экономичен, чем смесь бензина и биоэтанола. Он улучшает топливную эффективность автомобилей (повышает пробег на единицу расходного топлива). Россия является крупнейшим производителем и экспортером биобутанола из древесного сырья (разработки Российской корпорации «Биотехнология») [Тигунова, Шульга, Блюм 2013]. За последнее время более 60% этого вида моторного топлива поставлялось РФ на внешний рынок сбыта (с 2007 г. – продажа в Великобританию) [Панцхава 2015].

Сжигание жидкого биотоплива не приводит к нежелательным изменениям в атмосфере (в процессе сгорания выделяется такое же количество углекислого газа, которое потребляется из атмосферы растением для жизнедеятельности), что безусловно является его экологическим преимуществом и важно в контексте устойчивого развития стран. Кроме того, сжигание биотоплива минимизирует поступление в атмосферу вредных выхлопных газов.

Федеральное правительство США предоставляет производителям жидкого биотоплива налоговый кредит до 0,51 долл за 1 галлон (1 амер. гал = 3,785 л; 1 англ. гал = 4,546 гал) [Мате 2014]. В ЕС планируется обеспечение дорожного транспорта топливом на четверть за счет эффективных видов биотоплива к 2030 году [Цыганов, Клочков 2012].

Поскольку параметры технологий, в которых происходит образование и накопление органических отходов, имеют определенные различия, невозможно создать и предложить универсальный способ для их получения. Варианты конструкции биогазовых установок зависят от условий среды, наличия доступных и недорогих материалов. Что в конечном итоге также влияет на уровень затрат и стоимость получаемого вида энергии.

В рамках проводимого исследования было выявлено, что для повышения плотности «бросовой органической массы» можно применять различные методы и технологии. Так, с точки зрения экономичности и экологичности, перспективным является производство гранул, брикетов, пеллетов, производимых из органического сырья [Морозов, Морозова, Васильев 2018; Sviekina, Lysytska, Franchuk 2017]. Экономичным с точки зрения производства этот способ получения топливных материалов обеспечивают свойства исходного сырья, а именно то, что в них содержится лигнин, который являет-

ся связующим материалом, и производство брикетов и пеллет не требует дополнительных компонентов.

В ходе сравнительного анализа эколого-экономических характеристик различных энергоносителей были выделены различные экологические и экономические преимущества, представленные в таблице.

Таблица

Сравнительный анализ
эколого-экономических характеристик энергоносителей

Вид топливного ресурса	Количество выбросов в атмосферу загрязнителей при сгорании топливного ресурса, т/тыс. т					Стоимость ресурса, руб/кВт на ед.[8]
	Углекислый газ	Оксиды азота	Оксид серы	Сажа	Всего	
Природный газ,	1,2	3,5	0,0	0,0	47	0,56–0,75
Каменный уголь	9,6	63,6	9,2	65,3	147,7	1,57–1,76
Дизельное топливо	15,5	29,0	11,2	2,7	58,4	3–4
Древесина (дрова)	4,9	9,4	0,3	4,3	18,9	1,36–1,66
Древесные отходы	5,6	11,4	0,8	13,4	31,3	0,16
Брикеты торфяные	8,04	26,8	3,0	13,02	50,9	1,8–2,0
Брикеты, пеллеты древесные	4,7	9,3	0,3	4,1	17,7	1,9–2,0
Брикеты, пеллеты однолетних растений	3,1	9,5	0,2	1,5	14,3	1,78–1,8
Биогаз	–	–	–	0	< 0,001	0,5–0,6
Биоэтанол (концентрация 70/90%)	–	–	–	0	< 0,001	0,97/1,04

Согласно данным, представленным в таблице, можно отметить, что самым экологичным (по выбросам) и экономичным (по стоимости) топливом является древесина, то есть пеллеты и брикеты. Что подтверждает актуальность и приоритетность исследования различных характеристик отходных и бросовых биоматериалов как потенциально выгодного энергетического сырья.

[8] IRENA (2019), Renewable Energy Statistics 2019, The International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi.

Анализ технологических свойств гранул, брикетов, пеллетов, имеющих высокую плотность (от 1000 до 1400 кг/куб. м), показал, что они обладают высокой продолжительностью горения и большой теплотворной способностью. Их можно сжигать в каминах, печах, использовать на заводах, в котельных, на железнодорожном транспорте и т. д. То есть они обладают широкими потребительскими свойствами и могут удовлетворять потребности различных сегментов рынка. За счет этого такие материалы (евродрова) получили широкое распространение в Европе, а именно в Австрии, Дании, Норвегии, Германии и т. д., и спрос постоянно увеличивается. По оценкам экспертов, Швеция в ближайшем будущем может полностью перейти на альтернативные виды топлива [Кудряшова, Харлампенков, Захарова 2018]. Среди стран-производителей брикетов и одновременно потребителей можно выделить следующие: США – порядка 2 млн т в год, Япония – 3 тыс. т, Канада – 110 тыс. т, а вот Европа в целом является лидером – 3 млн т в год [Арутюнов, Лисичкин 2017].

Для России в целом топливно-энергетический комплекс – это системообразующая отрасль промышленности, особенно с учетом масштабов производства и добычи газа, нефти и др. полезных ископаемых. Однако в условиях перехода к модели устойчивости возможность получения дополнительных выгод за счет производства альтернативного топлива экономически оправдана и обоснована.

Проведенный анализ позволил выявить, что в условиях имеющихся проблем, которые связаны с последствиями использования традиционного топлива (исчерпаемость, высокие цены, экологическая угроза и т. д.), актуальным является поиск новых альтернативних, экологически безопасных заменителей.

Показано, что отходы органического характера, в том числе растительные, которые нежелательно накапливаются, создавая экологические и экономические проблемы, обладают достаточной энергетической емкостью. Кроме того, применение возобновляемых вторичных биоматериалов имеет целый ряд преимущественных комплексних характеристик: экологических (низкий уровень выброса в результате сжигания загрязняющих атмосферу веществ, включая парниковые газы, направления утилизации отходов); технологических (высокая объемная плотность, отсутствие взрывоопасности, стабильность к условиям хранения, минимальная зольность и др.); экономические (низкая стоимость при высокой теплотворности, незначительные затраты на транспортировку).

По мнению специалистов, в области энергетики в ближайшие тридцать лет производство и потребление энергии не перестанет расти. При этом такой рост должен происходить с применением экологически чистых энерготехнологий [Панцхава 2016]. Эти во-

просы постоянно обсуждаются на различных симпозиумах и конференциях. Так, в 2019 году, в рамках Конгресса «Биомасса: топливо и энергия» (Россия), экспертами отмечалось, что именно биотопливо экономически и экологически целесообразно и перспективно как альтернативный источник энергии [Сорокин 2012].

Как отмечалось ранее, по оценке экспертов ООН прогнозируется рост численности населения к 2050 г. до 9,2 млрд чел. В случае увеличения и потребления моторного топлива и природного газа на душу населения до уровня Евросоюза за год необходимо будет добывать 18,3 млрд т нефти (то есть 16% от разведанных запасов), а природного газа – до 12 трлн м^3 (6,7% от разведанных запасов). При этом нефти хватит на 6–10 лет, а газа – на 15–20 лет.

В этой связи для мировой экономики и энергетики применение нетрадиционного сырья на основе вторичных биоматериалов растительного происхождения является актуальным и перспективным благодаря следующим факторам:

– приведенные экспериментальные данные химического состава и энергетических характеристик вторичных растительных биоматериалов свидетельствуют о рациональности их использования для производства различных видов энергоресурсов (тведотопливных брикетов, гранул; жидкого биотоплива: биогаза, биобутанола, биоэтанола);
– комплексный подход, основанный на оптимальном сочетании эколого-экономических задач и технологий даст возможность осуществлять как контроль за уровнем загрязнения окружающей среды, так и позволит принимать определенные технические решения, которые будут снижать затраты и экологические риски;
– осуществление направленной утилизации накапливающихся отходов биомассы;
– снижение количества газообразных выбросов, загрязняющих атмосферный воздух и представляющих экологическую опасность для живых организмов и природы в целом;
– получение дополнительных экономических эффектов за счет снижения затрат на производство и использование материалов биотоплива.

В целом вероятно в ближайшее время может не произойти полного замещения традиционных видов топлива на альтернативные источники, но оптимальное их сочетание позволит получать как положительные экологические, так и экономические результаты. Безусловно использование вторичных биотопливных материалов требует дальнейших исследований и подбора рациональных технологических параметров.

Литература

Арутюнов, Лисичкин 2017 – *Арутюнов В.С., Лисичкин Г.В.* Энергетические ресурсы XXI столетия: проблемы и прогнозы. Могут ли возобновляемые источники энергии заменить ископаемое топливо? // Успехи химии. 2017. Т. 86. № 8. С. 777–804.

Бобылев 2017 – *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90–96.

Василов 2007 – *Василов Р.Г.* Перспективы развития производства биотоплива в России. Сообщение 2: биоэтанол // Вестник биотехнологии и физико-химической биологии им. Ю.А. Овчинникова. 2007. Т. 3. № 2. С. 50–60.

Кудряшова, Харлампенков, Захарова 2018 – *Кудряшова И.А., Харлампенков Е.И., Захарова Н.В.* Эколого-экономические аспекты производства винилхлорида на основе использования сырьевых ресурсов коксохимического предприятия // Известия высших учебных заведений. Черная металлургия. 2018. Т. 61. № 11. С. 914–919.

Любушин, Бабичева, Конышев 2017 – *Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Конышков А.С.* Устойчивое развитие: оценка, анализ, прогнозирование // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 12. С. 2392–2406.

Мате 2014 – *Мате Л.* Биоэнергетика: FSC и новые рыночные возможности // Устойчивое лесопользование. 2014. № 2 (39). С. 18–22.

Морозов, Морозова, Васильев 2018 – *Морозов Д.К., Морозова И.В., Васильев С.Б.* Использование мягких отходов лесопиления с целью производства топливных брикетов // Resources and Technology. 2018. № 15 (3). С. 1–28.

Панцхава 2015 – *Панцхава Е.С.* Биоэнергетика. Мир и Россия. Биогаз. Теория и практика: Монография. М.: Русайнс, 2015. 972 с.

Панцхава 2016 – *Панцхава Е.С.* Электростанции на биотопливе. М.: Русайнс, 2016. 340 с.

Севастьянова 2009 – *Севастьянова С.Н.* Биоэнергетика. Древесные (топливные) гранулы // Вестник ОГУ. 2009. № 10 (104). С. 133–138.

Сопилко, Орлова, Лисицкая 2017 – *Сопилко Н.Ю., Орлова А.Ф., Лисицкая С.М.* Теоретические основы экономики устойчивого развития. М.: РУДН, 2017. 165 с.

Сорокин 2012 – *Сорокин Д.И.* Анализ и тенденции биотопливного рынка США: биоэтанол и биодизель // Инновации и инвестиции. 2012. № 4. С. 165–168.

Сушкова, Воробьева 2008 – *Сушкова В.И., Воробьева Г.И.* Безотходная конверсия растительного сырья в биологически активные вещества. М.: Дели принт, 2008. 216 с.

Тигунова, Шульга, Блюм 2013 – *Тигунова Е.А., Шульга С.М., Блюм Я.Б.* Альтернативный вид топлива – биобутанол // Цитология и генетика. 2013. Т. 47. № 6. С. 51–66.

Хоруженко, Дорогов 2017 – *Хоруженко Е.С., Дорогов В.К.* Развитие рынка биотоплива в мире // Инновационная экономика: Материалы IV Междунар. науч. конф. Казань: Бук, 2017. С. 27–31.

Цыганов, Клочков 2012 – *Цыганов А.Р., Клочков А.В.* Биоэнергетика: энергетические возможности биомассы. Минск: Беларус. навука, 2012. 143 с.

Myasnikova et al. 2019 – Myasnikova O.Yu., Lysytska S.M., Migaleva T. E., Bondarchuk N.V. and Vetrova E.A. Ecological-and-economic approach to the use of recycled bio-

materials as an energy resource // International Journal of Energy Economics and Policy. 2019. № 9 (6). P. 234–241.

Myasnikova, Shcherbakova, Lysytska, Shamsheev, Spitsyna, Kubasova 2019 – *Myasnikova O.Yu., Shcherbakova N.S., Lysytska S.M., Shamsheev S.V., Spitsyna T.A., Kubasova E.I.* Ecological approach in managing the technology of oil refineries // International journal of energy economics and policy. 2019. Vol. 9. no. 3. pp. 165–171.

Sviekina, Lysytska, Franchuk 2017 – *Sviekina O., Lysytska S., Franchuk V.* Energy-saturated materials based on technological biomaterials // Advanced Engineering Forum. Switzerland: Trans Tech Publications. 2017. № 25. P. 80–87.

References

Arutyunov, V.S., and Lisichkin, G.V. (2017), "Energy resources of the 21st century. Issues and forecasts. Can renewable energy sources replace fossil fuels?", *Uspekhi khimii*, vol. 86. no. 8, pp. 777–804.

Bobylev, S.N. (2017), "Sustainable development for future generations. Economic priorities", *The world of new economy*, no. 3, pp. 90–96.

Khoruzhenko, E.S., and Dorogov, V.K. (2017), "Development of the biofuel market in the world", *Innovatsionnaya ekonomika: Materialy IV Mezhdunarodnoi. Nauchnoi konferentsii,* Buk, Kazan, Russia, pp. 27–31.

Kudryashova, I.A., Kharlampenkov, E.I., and Zakharova, N.V. (2018), "Ecological and economic aspects of the vinyl chloride production based on the use of raw materials of a coke-chemical enterprise", *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenii, Chernaya metalurgiya,* Vol. 61, no. 11, pp. 914–919.

Lyubushin, N.P., Babicheva, N.E., and Konyshkov, A.S., (2017), "Sustainable development. Evaluation, analysis, forecasting", *Economic Analysis: Theory and Practice,* Vol. 16, no. 12, pp. 2392–2406.

Mate, L. (2014), "Bioenergy: FSC and New Market Opportunities", *Sustainable forest management,* no. 2 (39), pp. 18–22.

Morozov, D.K., Morozova, I.V., and Vasil'ev, S.B. (2018), "The use of the soft sawmill waste for the production of fuel briquettes", *Resources and Technology*, no. 15 (3), pp. 1–28.

Myasnikova, O.Yu., Lysytska, S.M., Migaleva, T.E., Bondarchuk, N.V. and Vetrova, E.A. (2019), "Ecological-and-economic approach to the use of recycled biomaterials as an energy resource", *International Journal of Energy Economics and Policy*, vol. 9, no. 6, pp. 234–241.

Myasnikova, O.Yu., Shcherbakova, N.S., Lysytska, S.M., Shamsheev, S.V., Spitsyna, T.A. and Kubasova, E.I. (2019), "Ecological approach in managing the technology of oil refineries", *International journal of energy economics and policy,* vol. 9, no. 3, pp. 165–171.

Pantskhava, E.S. (2015), *Bioenergetika. Mir i Rossiya. Biogaz. Teoriya i praktika* [Bioenergetics. The world and Russia. Biogas. Theory and practice], Moscow, Russia.

Pantskhava, E.S. (2016), *Elektrostantsii na biotoplive* [Biofuel power plants], Rusains, Moscow, Russia.

Sevast'yanova, S.N. (2009), "Bioenergetics. Wood (fuel) pellets", *Vestnik OGU,* no. 10 (104), pp. 133–138.

Sopilko, N.Yu., Orlova, A.F., and Lisickaya, S.M. (2017), *Teoreticheskie osnovy ekonomiki ustoichivogo razvitiya* [Theoretical foundations of the sustainable development economics], RUDN, Moscow, Russia.

Sorokin, D.I., (2012), "Analysis and trends of the US biofuel market. Bioethanol and biodiesel]", *Innovactsii i investitsii*, no. 4, pp. 165–168.

Sushkova, V.I. and Vorob'eva, G.I. (2008), *Bezotkhodnaya konversiya rastitel'nogo syr'ya v biologicheski aktivnye veshchestva* [Waste-free conversion of the plant raw materials into biologically active substances], Deli print, Moscow, Russia.

Svietkina, O., Lysytska, S. and Franchuk, V. (2017), "Energy-saturated materials based on technological biomaterials", *Advanced Engineering Forum*, Trans Tech Publications, Switzerland, no. 25, pp. 80–87.

Tigunova, E.A. Shulga, S.M. and Blume, Ya.B. (2013), "Biobutanol as an alternative type of fuel", *Cytology and Genet*ics, vol. 47, no. 6, pp. 51–66.

Tsyganov, A.R. and Klochkov, A.V. (2012), *Bioenergetika: energeticheskie vozmozhnosti biomassy* [Bioenergy: The energy potential of biomass], Navuka, Minsk, Belarus.

Vasilov, R.G. (2007), "Perspectives of the biofuel production development in Russia. The report 2. Bioethanol", *Bulletin of biotechnology and physical and chemical biology*, vol. 3, no 2, pp. 50–60.

Информация об авторах

Наталья Ю. Сопилко, кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Москва, Ленинский пр., д. 65; sheremett73@gmail.com

Ольга Ю. Мясникова, кандидат экономических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; o_myasnikova@mail.ru

Information about the authors

Natal'ya Yu. Sopilko, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia; bld. 65, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119991; sheremett73@gmail.com

Ol'ga Yu. Myasnikova, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Peoples' friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaш Street., Moscow, Russia, 117198; o_myasnikova@mail.ru

УДК 330.34
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-111-125

Современные подходы к оценке устойчивого развития стран

Елена В. Зенкина

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, evzenkina@mail.ru

Аннотация. В статье представлен обзор эволюции подходов к оценке устойчивого развития стран в мировой и российской практике. Данное исследование базируется на анализе мировой практики оценки эффективности устойчивого развития, соответствующих методологий, показателей и их модификаций в современных условиях. Охарактеризованы существующие проблемы при разработке показателей измерения устойчивого состояния стран с разным уровнем развития. Выделены сложности межстранового сравнения этих показателей. Рассмотрены наиболее важные аспекты оценки устойчивого развития – это индикаторы и инвестиции. Выделены основные направления и подходы к оценке устойчивого развития для России с учетом современных тенденций развития национальной экономики.

Ключевые слова: устойчивое развитие экономики, индикаторы устойчивого развития, инвестиции, оценка устойчивого развития

Для цитирования: Зенкина Е.В. Современные подходы к оценке устойчивого развития стран // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2 . С. 111–125. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-111-125

Modern Approaches to the Countries Sustainable Development

Elena V. Zenkina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, evzenkina@mail.ru

Abstract. The article presents a review of the evolution in approaches to assessing the countries sustainable development in the world and Russian practice. The presented research includes an analysis of the world practice assessment for the effectiveness in sustainable development, relevant methodologies, indicators and their modifications in modern conditions. The author characterizes the current issues in developing indicators for measuring the sustainable state of countries with different levels of development. She also highlights

© Зенкина Е.В., 2021

difficulties in the cross-country comparison of those indicators and considers the most important aspects of the sustainable development assessment, such as indicators and investments. The main directions and approaches to the sustainable development assessment for Russia are determined at the current trends of the national economy development.

Keywords: economy sustainable development, indicators of sustainable development, investment, assessment of sustainable development

For citation: Zenkina, E.V. (2021), "Modern Approaches to the Countries Sustainable Development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 1, pp. 111-125, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-111-125

На современном этапе развития мировой экономики очевидной становится важность и необходимость решения задач, направленных на обеспечение баланса в эколого-социально-экономической модели общества. Экономический рост, который до недавнего времени считался основным вектором развития страны, без достижения целей по сохранению природно-ресурсного потенциала и обеспечения благоприятной окружающей среды для удовлетворения потребностей людей является нецелесообразным. Курс на достижение высоких макроэкономических показателей в ущерб социальной и экологической составляющей сегодня является явным недостатком в экономической теории и практике. Научное сообщество уже давно озабочено этой проблемой, множество работ и научных проектов направлены на решение проблем дальнейшего существования человечества. И сегодня продолжается активный поиск новых решений в этой области, базирующихся на предложенной в XX столетии парадигме экономики устойчивого развития [Сопилко, Орлова, Лисицкая 2017; Бобрышев, Тумин и др. 2018]. Особенно она приобретает актуальность в связи с тем фактом, что большинство природных ресурсов являются исчерпаемыми, а также огромной скоростью загрязнения окружающей среды, непосредственно влияющей на качество жизни населения и планеты в целом.

Под эгидой ООН (Организация Объединенных Наций) постоянно проводятся исследования в направлении создания новых моделей развития экономики, в которых учитывается приоритетность сохранности природно-ресурсного потенциала планеты. Ведется работа по актуализации методов и подходов к оценке устойчивого развития, а также поднимаются вопросы его инвестирования [Орлова, Сопилко, Кузнецов 2018]. При этом основной целью выступает повышение уровня качества жизни населения как в настоящее время, так и в будущем.

Вопросы о важности создания и применения определенных показателей – индикаторов устойчивости обсуждались еще в конце прошлого столетия, в Глобальной программе «Agenda 21»[1]. Значительный вклад в развитие такого направления в современной экономической науке внесли многие международные организации глобального и регионального уровня, такие как ООН, Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирный банк, региональные комиссии ООН, региональные банки и мн. др.

На регулярной основе практически на всех конференциях, симпозиумах по экономике устойчивого развития мировыми учеными обсуждаются вопросы, касающиеся разработки и внедрения различных комплексных и агрегированных индикаторов устойчивости с различных позиций. Так, международной группой специалистов – практиков были сформулированы 10 принципов, на основе которых происходит выбор индикаторов, измерение прогресса, интерпретация и передача результатов оценки устойчивого развития [Hardi, Zdan 1997]. В исследованиях некоторых ученых [Kirkpatrick, Lee 1999] сосредоточено внимание на ряде вопросов, касающихся оценки устойчивости в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Также многими специалистами проводится анализ проблемы выбора и использования показателей для оценки устойчивого развития в странах, имеющих разный уровень экономики [Бобылев 2017; Мукина, Лепихина 2017].

Важным вопросом, наряду с разработкой показателей оценки устойчивого развития, является их мониторинг. Во многих работах освещены вопросы интегрированного сбора информации и создания комплексных баз данных для возможности получения сводного индекса устойчивого развития, на основе которого будет удобно отслеживать интегрированную информацию об экономических, экологических и социальных показателях исследуемой системы [Халтурина, Коротаев 2010; Авезов, Косимова 2018]. Это позволяет более четко формулировать цели устойчивого развития и разрабатывать показатели оценки состояния как в текущий момент времени, так и на долгосрочную перспективу.

Научный и практический интерес представила методика оценки устойчивости развития стран, предложенная группой специалистов из различных стран в 2006 г. в рамках работы Комиссии по устойчивому развитию [Hák, Janoušková, Moldan 2016; Ciegis, Ramanauskiene, Startiene 2009]. Она включала в себя комплекс раз-

[1] United Nations. Agenda 21. Chapters 8.40 [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/agenda21.pdf (дата обращения 29 декабря 2020).

личных показателей (пятьдесят индикаторов) и развернутое подробное описание их расчета. Главным преимуществом такой методики являлась ее универсальность и комплексность, поскольку она могла быть адаптирована и использована любой страной в ходе разработки национальных систем оценки устойчивого развития с учетом специфики развития.

Однако практически всеми специалистами в области исследования устойчивого развития отмечается, что полностью достичь универсальности в методологии оценки устойчивости стран невозможно, поскольку неоднородность и неравномерность развития развивающихся стран настолько велика, что возникают проблемы при сопоставлении массивов данных, имеется проблема недоступности к статистическим базам во многих регионах, их отсутствие, несопоставимость, различия в методиках сбора информации, и наоборот, в развитых странах – при доступности и множестве статистических данных – существует зачастую их нестандартизированность и несогласованность. И конечно же, в итоге, это затрудняет процесс обработки данных, влияет на качество результатов исследований, усложняет проведение сравнительного анализа показателей стран и возможность расчета параметров устойчивости.

Наряду с разработкой показателей оценки устойчивости нельзя не отметить такой важный вопрос, как инвестирование в устойчивое развитие, активно исследуемый сегодня многими специалистами [Русак 2020; Полоник, Хоробрых, Литвинчук 2018; Бобылев, Горячева 2017].

Во многих странах в настоящее время стоит проблема качественного обновления основных фондов. Происходящие структурные сдвиги, смена технологических укладов, переход к модели развития – Индустрии 4.0, цифровизация экономики делают необходимым изменение содержания производственных процессов и качественно и количественно [Малинецкий 2020; Зенкина, Ивина, Малинина 2019]. Повсеместное внедрение IT-технологий, с одной стороны, приводит к росту производительности компаний, а с другой – создает отдельную проблему – утилизации отходов быстро устаревающей инновационной техники, а также к росту объемов финансирования на эти цели. Инвестиции в локальные разработки по повышению устойчивости не могут сравниться с масштабами вложений в ликвидацию катастроф и стихийных бедствий, количество которых увеличивается в связи с изменением климата на планете, а также из-за нерационального использования природных ресурсов человеком. Например, недавно произошедшая авария на территории ТЭЦ-3 Норильско-Таймырской энергетической ком-

пании в мае 2020 года, когда в результате разгерметизации резервуара произошла утечка дизельного топлива, попавшего в близлежащие реки, водоемы и почву. По оценкам экспертов[2], ущерб, нанесенный катастрофой, составит порядка 100–148 млрд руб., вред, который был причинен водоемам и почве, – порядка 150 млрд руб.

Таким образом, сегодня существует необходимость структурных изменений в направлении распределения инвестиций. Вводится понятие непроизводительных инвестиций, которые часто появляются вынужденно и направлены не на получение прибыли компаний. Эти инвестиционные ресурсы участвуют в процессе восстановления экосистем, повышении качества условий жизнедеятельности, воспроизводства, ликвидации аварий и мн. др. Появляются новые направления в учете и контроле ресурсов, сборе статистической информации, проведении анализа экологических и социальных показателей, совершенствовании системы мониторинга окружающей среды на национальном и на международном уровне.

Мировой опыт показывает, что оценку устойчивого развития целесообразно проводить на основе системного подхода – создания сбалансированной системы показателей (ССП), отражающих отдельный аспект экономико-эколого-социального развития общества. Зачастую в рамках использования такой общей ССП выделяются различные подсистемы параметров, на основе которых разрабатывается агрегированный индикатор.

Отбор индикаторов, как правило, проводится по схеме, предложенной ОЭСР[3], где выделены четыре типа индикаторов состояния окружающей среды. Эти индикаторы описывают состояние окружающей среды, давление на нее различных факторов (антропогенный фактор), а также обратная реакция, то есть перечень необходимых мероприятий для устранения последствий влияния таких факторов. Полностью система включает множество индикаторов – 134, что создает определенные сложности при проведении оценки. Более эффективной является систематизация этих параметров до уровня «тема – подтема – индикатор»[4]. Пример такой систематизации схематично приведен ниже в табл. 1.

---

[2] Росприроднадзор оценил ущерб от аварии в Норильске в 148 млрд рублей. Ведомости [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/07/06/834056 (дата обращения 28 ноября 2020).

[3] Conference of European Statisticians recommendations on measuring sustainable development (2013). United Nations. New York and Geneva. 226.

[4] Indicators of Sustainable Development: Guidelines and Methodologies (2007). United Nations. New York and Geneva. 99.

Таблица 1

Некоторые индикаторы устойчивого развитияв России

Тема	Подтема	Индикатор
Атмосфера	Климат (его изменения)	Выбросы CO_2
		Выбросы парниковых газов
	Состояние воздуха	Уровень концентрации веществ, которые загрязняют воздух
		Выбросы вредных веществ
Земля	Развитие сельского хозяйства	Площадь земли сельскохозяйственного назначения
		Количество используемых минеральных удобрений
		.....
	Использование лесов	Площадь лесов, в % к общей земельной площади
		Площадь лесов по категориям
		.....
	Степень урбанизации	Площадь земли населенных пунктов
		Площадь земель, отведенных на промышленность, транспорт и др.
	.....	.....

Комиссия ООН по устойчивому развитию предложила интегрировать различные показатели в один агрегированный индекс[5]. Однако сложность при этом составил расчет веса каждого параметра в общем интегральном показателе, поскольку все параметры слишком отличаются друг от друга и существует определенный субъективизм при оценке их значимости. Сложности возникают и при международном сопоставлении данных ввиду разного уровня развития стран.

Такая проблема не является новой, определение весов различных параметров часто используют в социальных науках на основе многокритериального анализа, метода Дельфи – метод «расстояния до цели» [Корчагина 2012; Сопилко, Савукова 2012]. Опросы можно проводить как групповые (опрос группы экспертов), индивидуальный опрос населения и т. д. Но при этом требуется соблюдать определенные правила: четко разграничивать уровень

[5] Ibid.

проблемы (например, локальный – региональный), степень необратимости процессов, скорость распространения, сложность воздействия, опираться на нормы, законы и т. д. В целом не рекомендуется ориентироваться на одинаковые по значимости показатели (равные веса).

Среди множества существующих в настоящее время методик по расчету интегральных индексов нами выделены и рассмотрены некоторые из них, базирующиеся прежде всего на экологических параметрах как наиболее важных.

Достаточно популярен показатель «скорректированный чистый национальный доход на душу населения», рассчитываемый ежегодно Всемирным банком для множества стран, в том числе и России[6]. В теории и практике широко используется такой показатель, как Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). ИРЧП публикуется ежегодно под эгидой ПРООН[7]. Также научный интерес представляет индекс EPI (Environmental Performance Index). Это сложный индекс, расчет которого производится на основе сравнительного анализа и количественной оценки экологических показателей различных стран мира [Любушин, Бабичева, Конышков 2017]. Интегрированным показателем – альтернативным ВВП – считается показатель GPI (Genuine progress indicator) – индикатор экономического прогресса, который дает более точную оценку устойчивого экономического благосостояния [Шаталова, Алексеева 2017].

Весьма распространенным является показатель LPI (Living Planet Index), рассчитываемый ежегодно Всемирным Фондом Дикой Природы[8] – интегральный индекс, который используется в процессе оценки природных экосистем Земли [Myasnikova et al. 2019]. Известным и широко используемым в исследованиях устойчивого развития является агрегированный индекс ESI (Environmental Sustainability Index), который был предложен учеными Йельского и Колумбийского университетов в 2001 году. Также выделяют индекс GPI (GenuineProgressIndicators), отражающий состояние реального прогресса страны, индекс ISEF (IndexofSustainableEconomicWelfare) – индекс устойчивого благосостояния в рамках экономики страны и мн. др. [Talberth, Cobb, Slattery 2006].

---

[6] The Little Green Data Book series. The World Bank, 2017.

[7] World Development Indicators [Электронный ресурс]. URL: http://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/ (дата обращения 30 декабря 2020).

[8] Ecological Footprint of the Subjects of the Russian Federation (2014). WWFRussia. Moscow. 88.

Все вышеуказанные индикаторы были введены в научный оборот с целью разработки адекватного показателя, усовершенствующего показатель ВВП, позволяющего измерять уровень экономического благосостояния и качества жизни общества с учетом эндогенного и экзогенного воздействия окружающей среды.

Конечно же, это далеко не все индикаторы, которые используются в мировой практике для оценки устойчивости экосистемы. Представим некоторые из них, а также их значения для отдельных стран мира (данные 2019–2020 гг.) (табл. 2).

Согласно представленным в таблице (таблица 2) рейтинговым показателям по некоторым странам мира, можно отметить тот факт, что при сравнении позиций стран по агрегированному показателю существуют определенные проблемы несовместимости. Если, например, по индексу человеческого развития Норвегия занимает лидирующую позицию, то в рейтинге Индекса экологической эффективности она занимает лишь 9-ю позицию, а по показателю индекса инновационного развития – 20-ю. Россия во всех рейтингах занимает далеко не первые позиции (колеблется от 47 до 65 позиции). Факт неравномерности очевиден и по другим странам, представленным в таблице. Поэтому возникает вопрос, насколько необходимо при проведении оценок устойчивого развития стран на глобальном уровне использовать такое множество комплексных индикаторов и дают ли они реальное отражение состояния развития того или иного государства.

Во многих исследованиях отмечается, что при оценке показателей устойчивого развития на основе различных методик возникает множество расхождений [Галеева, Газизова 2013]. А именно страны, демонстрирующие экономический рост, имеют экологическую деградацию, значительно понижая позиции таких стран в мировых рейтингах (например, Китай, Россия). Это вызывает сложности при сопоставлении данных по странам с разным уровнем развития, несоответствием статистических баз, поскольку многими странами учет ведется по-разному, а некоторые параметры не учитываются вовсе.

Сложности представляет и оценка инвестиций в устойчивое развитие, поскольку страны имеют различный уровень экономического развития и многими странами зачастую этому вопросу не уделяется внимание. Хотя, как отмечалось, тенденция к изменению инвестирования в настоящее время требует введения новых требований к учету инвестиций в окружающую среду и программы устойчивости. В России в национальных счетах отражены показатели инвестирования в основной капитал (включающих средства на рационализацию использования природных ресурсов и

Таблица 2

Сравнение некоторых стран по различным индикаторам устойчивого развития

Индекс человеческого развития, 2019	Рейтинг / значение	Индекс экологической эффективности, 2020	Рейтинг / значение	Глобальный инновационный индекс, 2020	Рейтинг	Валовой национальный доход на душу населения, 2019, долл	Рейтинг/ значение
Норвегия	1/0,957	Дания	1/82,5	Швейцария	1	Катар	1/63410
Швейцария	2/0,955	Швейцария	3/81,5	Швеция	2	Дания	2/63240
Германия	6/0,947	Франция	5/80	США	3	Швеция	6/55840
Австралия	8/0,944	Норвегия	9/77,7	Финляндия	7	Финляндия	11/49580
США	17/0,926	Германия	10/77,2	Республика Корея	10	Германия	12/48520
Румыния	49/0,828	США	24/69,3	Франция	12	Франция	19/42400
Россия	52/0,824	Аргентина	54/52,2	Китай	14	Венесуэла	61/13080
Уругвай	55/0,817	Россия	58/50,5	Япония	16	Румыния	63/12630
Сербия	64/0,806	Венесуэла	59/50,3	Норвегия	20	Россия	65/11260
Китай	85/0,758	Китай	120/37,3	Россия	47	Китай	69/10410

Источник: по данным международных отчетов[9].

[9] World Investment Report 2020. Investment and new industrial policies. United Nations. New York and Geneva; 2020 EPI Results. Environmental Performance Index. Retrieved 22 November 2020; The World Bank. World Development Indicators Database: Gross National Income 2020.

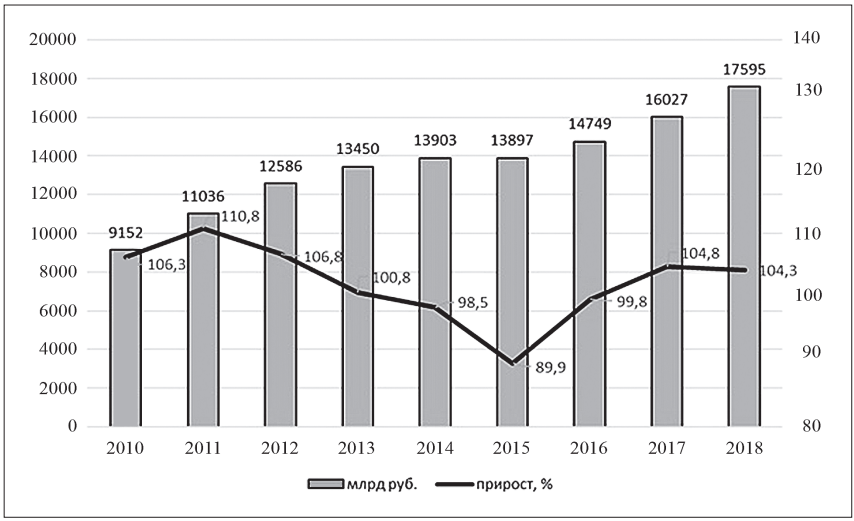

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал, млрд руб.

охрану окружающей среды)[10]. Динамика российских инвестиций в основной капитал за период 2000–2018 гг. отражает тенденцию роста (рис. 1), что говорит о том, что Россия активно включилась в процессы устойчивого развития и нацелена на участие в различных программах и мероприятиях, направленных на повышение уровня жизни и улучшения состояния окружающей среды и мн. др.

В России сегодня уже накоплен большой опыт внедрения систем различных индикаторов устойчивости, базирующихся на международной практике. Многими регионами разрабатываются собственные ССП, учитывающие специфику регионального развития. Примерами таких систем на уровне регионов можно считать следующие: ключевые индикаторы экологически устойчивого развития (Самарская обл.), ССП устойчивого развития (Томская и Воронежская обл.), система социо-эколого-экономических показателей, которая включает индекс «истинных сбережений» (Кемеровская обл.) и др. [Орлова, Сопилко, Кузнецов 2018]. При этом можно отметить, что во всех системах основными показателями, характеризующими устойчивое развитие регионов, выступают ВРП на душу населения и индекс человеческого развития. Также сюда включены параметры, показывающие уровень заболеваемости (особенно это актуально для регионов ввиду распространения

[10] Инвестиции в России. 2019: Стат. сборник / Росстат. М., 2019. 228 с.

и влияния новой коронавирусной инфекции), дифференциация доходов населения, отражающая качество жизни, состояние основных фондов и др.

С одной стороны, практика разработки таких региональных систем показателей для оценки устойчивого развития является полезной, однако, с другой стороны – это исключает возможность проводить адекватный сравнительный анализ индикаторов по регионам страны, как в общем происходит и в мире в развитых и развивающихся странах. Требуется определенная унификация оценочных систем для точной оценки устойчивости всей страны в целом. Слабо развита и практика сравнения регионов по имеющимся утвержденным показателям устойчивости.

Таким образом, можно отметить, что исследование динамики и достижения прогресса в области устойчивого развития стран, в том числе и России, необходимо постоянно исследовать, искать новые пути в измерении состояния развития страны, оценивать ее пути развития и возможности. С учетом того, что Россия является страной с огромными территориями и существенным природным потенциалом, но при этом неравномерным социально-эколого-экономическим региональным развитием, необходимо осуществлять мониторинг и оценку на постоянной основе показателей устойчивости как в региональном аспекте, так и в целом по стране.

Необходимо создание баз статистических данных (экологических, экономических, социальных), национальных и региональных, утверждение унифицированных методик оценки устойчивого развития российских регионов. Целесообразным является проведение ежегодного мониторинга показателей устойчивости и расчета индикаторов – индексов устойчивого развития (например, индекса адаптированных чистых сбережений, экологически чистого внутреннего продукта и др.), важных для национальной экономики с точки зрения корректировки влияния макроэкономических показателей на окружающую среду (истощение ресурсов, изменение климата и т. д.), что позволит более точно проводить оценку и делать прогнозы развития уровня национального благосостояния государств.

Литература

Авезов, Косимова 2018 – *Авезов А.Х., Косимова М.А.* Формирование системы мониторинга реализации стратегических планов развития страны и регионов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия: Естественные и экономические науки. 2018. № 3 (46). С. 83–90.

Бобрышев, Тумин и др. 2018 – *Бобрышев А.Д., Тумин В.М., Тарабрин К.М., Бубенок Е.А., Зенкина Е.В., Ирадионов В.И., Панова Е.С., Тарабрин М.Б., Тарабрин Ф.М.* Бизнес-модели в управлении устойчивым развитием предприятий. М., 2018. 289 с.

Бобылев 2017 – *Бобылев С.Н.* Устойчивое развитие в инстересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90–96.

Бобылев, Горячева 2017 – *Бобылев С.Н., Горячева А.А.* Устойчивое развитие: цели и инвестиции // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 61–64.

Галеева, Газизова 2013 – *Галеева А.Р., Газизова О.В.* Истинные сбережения как индикатор оценки устойчивого развития региона // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 23. С. 258–261.

Зенкина, Ивина, Малинин 2019 – *Зенкина Е.В., Ивина Н.В., Малинин А.А.* Информационные технологии как современный канал влияния на устойчивое экономическое развитие стран // Известия высших учебных заведений. Серия: «Экономика, финансы и управление производством». 2019. № 3 (41). С. 52–57.

Корчагина 2012 – *Корчагина Е.В.* Методы оценки устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Проблемы современной экономики. 2012. № 1 (41). С. 67–71.

Любушин, Бабичева, Конышев 2017 – *Любушин Н.П., Бабичева Н.Э., Конышков А.С.* Устойчивое развитие: оценка, анализ, прогнозирование // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 12. С. 2392–2406.

Малинецкий 2020 – *Малинецкий Г.Г.* Цифровая экономика, искусственный интеллект, развитие электроники в контексте государственного управления // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 4. С. 59–72.

Мукина, Лепихина 2017 – *Мукина Ж.Э., Лепихина Т.Л.* Индикаторы управления устойчивым развитием // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. 2017. Т. 1. С. 198–201.

Орлова, Сопилко, Кузнецов 2018 – *Орлова А.Ф., Сопилко Н.Ю., Кузнецов А.А.* Устойчивое развитие: эволюция подходов к оценке // Экономика и предпринимательство. 2018. № 5 (94). С. 156–159.

Полоник, Хоробрых, Литвинчук 2018 – *Полоник С.С., Хоробрых Э.В., Литвинчук А.А.* Мировой опыт формирования и развития «зеленых» инвестиций в условиях обеспечения устойчивого экономического роста // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. «Экономические и юридические науки». 2018. № 13. С. 2–11.

Русак 2020 – *Русак Е.С.* Привлечение прямых иностранных инвестиций как фактор устойчивого развития // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2020. Т. 9. № 3. С. 4–9.

Сопилко, Орлова, Лисицкая 2017 – *Сопилко Н.Ю., Орлова А.Ф., Лисицкая С.М.* Теоретические основы экономики устойчивого развития. М.: РУДН, 2017. 165 с.

Сопилко, Савукова 2012 – *Сопилко Н.Ю., Савукова М.О.* Социо-эколого-экономическая система в контексте устойчивого развития мегаполиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Инженерные исследования. 2012. № 1. С. 78–83.

Халтурина, Коротаев 2010 – *Халтурина Д.А., Коротаев А.В.* Системный мониторинг: глобальное и региональное развитие. М.: Издательство URSS, 295 с.

Шаталова, Алексеева 2017 – *Шаталова О.И., Алексеева Н.В.* Оценка устойчивости развития региональных систем // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 3 (17). С. 75–86.

Ciegis, Ramanauskiene, Startiene 2009 – *Ciegis,* R., *Ramanauskiene, J., Startiene, G.* Theoretical Reasoning of the Use of Indicators and Indices for Sustainable Development Assessment // Engineering Economics. 2009. № 63 (4). pp. 33–40.

Hák, Janoušková, Moldan 2016 – *Hák, T., Janoušková, S., Moldan, B.* Sustainable Development Goals: A need for relevant indicators // Ecological Indicators. 2016. № 60. P. 565–573.

Hardi, Zdan 1997 – *Hardi P., Zdan T.* Assessing sustainable development: principles in practice. International Institute for Sustainable Development. Canada, 1997. 166 p.

Kirkpatrick, Lee 1999 – *Kirkpatrick C., Lee N.* Sustainable Development in a Developing World: Integrating Socio-Economic Appraisaland Environmental Assessment // Environment and Development Economics. 1999. Vol. 4. Iss. 2. P. 237–242.

Myasnikova et al. 2019 – *Myasnikova O.Yu., Lysytska S.M., Migaleva T.E., Bondarchuk N.V. and Vetrova E.A.* Ecological-and-economic approach to the use of recycled biomaterials as an energy resource // International Journal of Energy Economics and Policy. 2019. № 9 (6). P. 234–241.

Talberth, Cobb, Slattery 2007 – *Talberth D., Cobb C., Slattery N.* The Genuine Progress Indicator 2006: A Tool for Sustainable Development. Oakland: Redefining Progress, 2007. 33 p.

References

Avezov, A.Kh. and Kosimova, M.A. (2018), "Formation of a system for monitoring the implementation of strategic development plans of the country and regions", *Khujand State University named after academician B. Gafurov, SCINENTIFIC NOTES, Scientific journal*, no. 3 (46), pp. 83–90.

Bobryshev, A.D., Tumin, V.M., Tarabrin, K.M., Bubenok, E.A., Zenkina, E.V., Iradionov, V.I., Panova, E.S., Tarabrin, M.B., and Tarabrin, F.M. (2018), *Biznes-modeli v upravlenii ustoichivym razvitiem predpriyatii* [Business models in the management of sustainable development of enterprises], Moscow, Russia.

Bobylev, S.N. (2017), "Sustainable development in the interests of future generations. Economic priorities", *The world of new economy*, no. 3, pp. 90–96.

Bobylev, S.N. and Goryacheva, A.A. (2017), "Sustainable development. Goals and investments", *Society and Power*, no. 5 (67), pp. 61–64.

Ciegis, R., Ramanauskiene, J. and Startiene, G. (2009),"Theoretical Reasoning of the Use of Indicators and Indices for Sustainable Development Assessment", *Engineering Economics,* no. 63 (4), pp. 33–40.

Galeeva, A.R. and Gazizova, O.V. (2013), "True savings as an indicator for assessing the sustainable development of the region", *Kazan Technological University Bulletin,* vol. 16, no. 23, pp. 258–261.

Hák, T., Janoušková, S., and Moldan, B. (2016) "Sustainable Development Goals: A need for relevant indicators", *Ecological Indicators,* no. 60, pp. 565–573.

Hardi, P., and Zdan, T. (1997), *Assessing sustainable development: principles in practice*, Winnipeg, Canada.

Khalturina, D.A., and Korotaev, A.V. (2010), *Sistemnyi monitoring: global'noe I regional'noe razvitie* [System monitoring. Global and regional development], Izdatel'stvo URSS, Moscow, Russia.

Kirkpatrick, C. and Lee, N. (1999), "Sustainable Development in a Developing World: Integrating Socio-Economic Appraisal and Environmental Assessment", *Environment and Development Economics,* vol. 4, iss. 2, pp. 237–242.

Korchagina, E.V. (2012), "Sustainable development of regional socio-economic systems. Methods of evaluation", *Problems of modern economics*, no. 1 (41), pp. 67–71.

Lyubushin, N.P., Babicheva, N.E., and Konyshkov, A.S., (2017), "Sustainable development. Evaluation, analysis, forecasting", *Economic Analysis: Theory and Practice,* vol. 16, no. 12, pp. 2392–2406.

Malinetskii, G.G. (2020), "Digital economy, artificial intelligence, development of electronics in the context of public administration", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 4, pp. 59–72, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-4-59-72

Mukina, Zh.E. and Lepihina, T.L. (2017), "Indicators of the sustainable development management*", Innovatsionnoe razvitie ekonomiki: tendentsii i perspektivy* [Innovative development of economy. Trends and prospects], no. 1, pp. 198–201.

Myasnikova, O.Yu., Lysytskaya, S.M., Migaleva, T.E., Bondarchuk, N.V. and Vetrova, E.A. (2019), "Ecological and economic approach to the use of recycled biomaterials as an energy resource", *International Journal of Energy Economics and Policy,* no. 9 (6), pp. 234–241.

Orlova, A.F., Sopilko, N.Yu. and Kuznetsov, A.A. (2018), "Sustainable development. Evolution of the assessment approaches", *Journal of Economy and entrepreneurship*, no. 5 (94), pp. 156–159.

Polonik, S.S., Horobryh, E.V., and Litvinchuk, A.A., (2018), "Global experience in the formation and development of "green" investments in the context of ensuring sustainable economic growth", *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya D., Ekonomicheskie I yuridicheskie nauki*, no. 13, pp. 2–11.

Rusak, E.S., (2020), "Attracting foreign direct investment as a factor of sustainable development", *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika firmy*, vol. 9, no. 3, pp. 4–9.

Shatalova, O.I. and Alekseeva, N.V., (2017), "Assessment of the sustainability in developing regional systems", *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii,* no. 3 (17), pp. 75–86.

Sopilko, N.Yu., Orlova, A.F., and Lisitskaya S.M. (2017), *Teoreticheskie osnovy ekonomiki ustoichivogo razvitiya* [Theoretical foundations of the sustainable development economics], RUDN, Moscow, Russia.

Sopilko. N.Yu., and Savukova, M.O. (2012), "Socio-ecological-economic system in the sustainable development of a megalopolis", *RUDN Journal of Engineering Researches*, no. 1, pp. 78–83.

Sopilko. N.Yu., and Savukova, M.O. (2012), "Socio-ecological-economic system in the context of the megalopolis sustainable development", *RUDN Journal of Engineering Researches,* no. 1, pp. 78–83.

Talberth, D., Cobb, C., and Slattery, N., (2007) *The Genuine Progress Indicator 2006. A Tool for Sustainable Development,* Redefining Progress, Oakland. Canada.

Zenkina, E.V., Ivina, N.V. and Malinin, A.A. (2019), "Information technologies as modern channel of influence on sustainable economic development of the countries", *News of Higher Educational Institutions. A Series "Economy, Finance and Production Management"*, no. 3 (41), 2019, pp. 52–57.

Сведения об авторе

Елена В. Зенкина, доктор экономических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; evzenkina@ mail.ru

Information about the author

Elena V. Zenkina, Dr. of Sci. (Economics), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; evzenkina@ mail.ru

УДК 339.9(4/5)
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-126-134

Евразийское пространство в пост-кризисной мировой экономике и энергетике

Гюльнар О. Халова

Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина
Москва, Россия, khalovag@yandex.ru

Никита И. Иллерицкий

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, illernick@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые макроэкономические результаты 2020 г. для мировой экономики и отдельных регионов и стран мира. Выявлен ряд отличительных черт мирового экономического кризиса 2020 г. и его влияние на динамику макроэкономических показателей отдельных регионов и стран мира – Евразийского экономического союза, Европейского союза, Китая. Отмечено, что в условиях кризиса обострились негативные тренды в мировой экономике и политике, ужесточились фундаментальные противоречия между основными участниками мировой экономики. В то же время отмечен высокий уровень взаимной зависимости экономик ЕС, ЕАЭС, КНР и других государств Евразии. Несмотря на кризисные условия и неблагоприятную политическую риторику, экономические интересы и реализация общеевразийских проектов могут стать объединяющим фактором для выхода из кризиса и формирования новых моделей развития, основанных на рациональной политике и общей выгоде государств Евразийского пространства.

Ключевые слова: Россия, Китай, ШОС, ЕАЭС

Для цитирования: Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Евразийское пространство в пост-кризисной мировой экономике и энергетике// Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 126–134. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-126-134

© Халова Г.О., Иллерицкий Н.И., 2021

Eurasia in post-crisis economy and energy

Gul'nar O. Khalova

Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia, khalovag@yandex.ru

Nikita I. Illeritskii

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia, illernick@yandex.ru

Abstract. The article considers some of the macroeconomic results of 2020 for the global economy and individual regions and countries of the world. The authors identify a number of distinctive features of the global economic crisis of 2020 and its impact on the dynamics of macroeconomic indicators in individual regions and countries of the world (the Eurasian Economic Union, the European Union, and China). It is noted that during the crisis, negative trends in the world economy and politics became more acute and fundamental contradictions between the main participants in the world economy became tougher. At the same time, a high level of mutual dependence of the economies of the EU, EAEU, China and other Eurasian states was noted. Despite the crisis conditions and unfavorable political rhetoric, economic interests and the implementation of all – Eurasian projects can become a unifying factor for overcoming the crisis and forming new development models based on rational policies and the common benefit of the states of the Eurasian space.

Keywords: Russia, China, SCO, EAEU

For citation: Khalova, G.O. and Illeritskii, N.I. (2021), "Eurasia in post-crisis economy and energy", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*, no. 2, pp. 126-134, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-126-134

В 2020 г. мировая экономика столкнулась с одним из самых серьезных системных кризисов в новейшей истории. Многие российские ученые-экономисты и специалисты по международным отношениям неоднократно прогнозировали его наступление, однако пандемия COVID-19 ускорила и особым образом ужесточила его течение [Караганов 2021]. Описание, осмысление и анализ событий 2020 г. – предмет для глубоких, многосторонних и продолжительных исследований, однако предварительные выводы необходимо делать уже сегодня. По оценкам МВФ, кризис привел к падению мирового ВВП на 3,5% к уровню 2019 года. При этом наибольшее снижение ВВП было характерно для развитых стран мира – на 4,9%, в то время как развивающиеся страны потеряли лишь около 2,4%. Ожидаемые МВФ траектории восстановительного роста, заложенные на период 2021–2022 гг., также свидетельствуют о том,

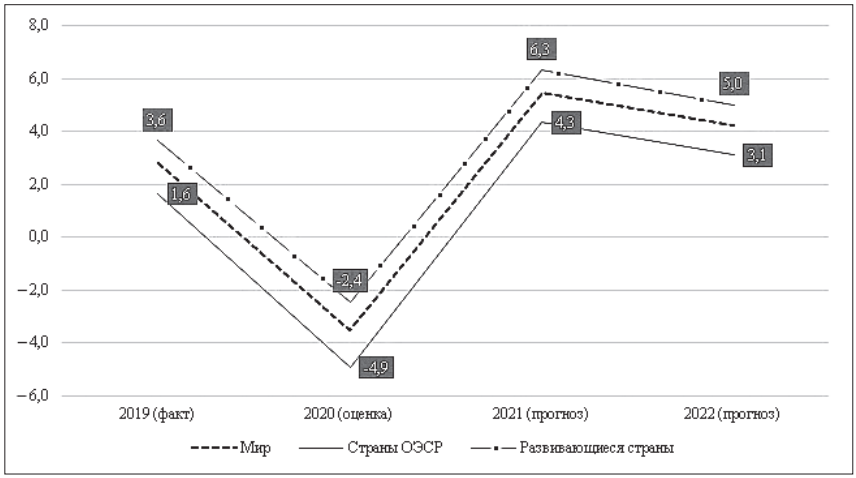

Рис. 1. Динамика ВВП стран ОЭСР и развивающихся стран мира в 2019–2022 гг. *Источник*: составлено по данным МВФ[1]

что именно для развивающихся стран будет характерно более быстрое и более полное восстановление экономической активности, чем для стран ОЭСР (рис. 1).

Единственной крупной экономикой мира, сохранившей положительную динамику ВВП по итогам кризисного 2020 г., является экономика КНР (+2,3%). При этом среди развивающихся стран наиболее сильное снижение ВВП по итогам 2020 г. характерно для Индии (–8,0%), среди развитых – для стран зоны евро (–7,2%). При этом падение ВВП России на 3,6% (на 3,8% по версии Минэкономразвития РФ) незначительно отклонилось от среднемирового показателя в 3,5%, а ВВП стран Центральной Азии сократился на 3,2% (табл. 1). По оценкам отечественных экономистов, для России и многих других развивающихся стран, включая государства ЕАЭС, кризис не приобрел системного характера, спад оказался меньше ожидаемого, а восстановление возможно достаточно уверенными темпами, что в целом совпадает с оценками МВФ[2].

[1] IMF World Economic Outlook Update January 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update (дата обращения 3 февраля 2021).

[2] Минэкономразвития оценило падение ВВП РФ в 2020 г. в 3,8% [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/742966 (дата обращения 14 февраля 2021).

Таблица 1

Динамика ВВП различных групп и отдельных стран мира в 2019–2022 гг. по оценке МВФ

	2019 (факт)	2020 (оценка)	2021 (прогноз)	2022 (прогноз)
Мир	2,8	–3,5	5,5	4,2
Страны ОЭСР	1,6	–4,9	4,3	3,1
США	2,2	–3,4	5,1	2,5
Канада	1,9	–5,5	3,6	4,1
Страны зоны евро	1,3	–7,2	4,2	3,6
Прочие	1,8	–2,5	3,6	3,1
Развивающиеся страны	3,6	–2,4	6,3	5,0
Россия	1,3	–3,6	3,0	3,9
Китай	6,0	2,3	8,1	5,6
Индия	4,2	–8,0	11,5	6,8
Бразилия	1,4	–4,5	3,6	2,6
Страны Центральной Азии	1,4	–3,2	3,0	4,2
АСЕАН	4,9	–3,7	5,2	6,0

Источник: составлено по данным МВФ[3]

Мировой экономический кризис негативно сказался на динамике ряда социально-экономических показателей Евразийского экономического союза: объемы промышленного производства в ЕАЭС снизились на 2,7%, объемы розничной торговли – на 4,1%, объемы грузооборота – на 4,8%. По предварительным оценкам, снижение объемов внешней торговли ЕАЭС с третьими странами могло составить 15–17%, взаимной торговли внутри ЕАЭС – 10–12%[4]. Такие предварительные данные свидетельствуют, с одной стороны, о достаточно высокой включенности ЕАЭС в мировые торгово-про-

[3] IMF World Economic Outlook Update January 2021.

[4] Об основных социально-экономических показателях Евразийского экономического союза в январе–декабре 2020 г. ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/express.aspx (дата обращения 3 февраля 2021).

изводственные цепочки, поскольку влияние кризиса на показатели внешней торговли оказалось достаточно существенным. С другой стороны, снижение объемов взаимной торговли внутри ЕАЭС оказалось меньше, чем торговли ЕАЭС с третьими странами, что свидетельствует о работоспособности интеграционных механизмов даже в условиях кризиса и пандемии.

В условиях кризиса обострились и стали совершенно очевидны процессы эрозии мировой экономики, вызванные фундаментальными противоречиями как между отдельными крупнейшими игроками (США, страны ЕС, КНР, Россия и другие), так и на уровне системы в целом. Мировой экономической порядок, установившийся с 1991 г. и основанный на либеральной Бреттон-Вудской модели стимулирования потребления, не выдерживает усиления напряженности. Именно мировой экономический кризис и пандемия COVID-19 подчеркнули разобщенность мирового сообщества, неэффективность межгосударственных экономических и политических институтов, усилили тенденции протекционизма, размежевания практически во всех областях международного экономического и политического сотрудничества (Халова, Иллерицкий 2020). В конце 2020 – начале 2021 г. продолжилось обострение экономической и политической конфронтации между США и Китаем, возникли новые факторы, осложняющие развитие отношений между США и ЕС, а также между Россией и развитыми западными государствами.

С одной стороны, первые шаги новой администрации США в части возвращения в Парижское соглашение по климату, Всемирную организацию здравоохранения, продление договора СНВ-3 с Россией и ряд других действий являются позитивными сигналами для системы международных экономических и политических институтов. С другой стороны, стратегическая позиция США по отношению к Китаю и России не претерпевает значимых изменений. Ужесточение экономической конкуренции между Китаем и США, особенно в сфере высоких технологий и телекоммуникаций, безусловно останется главным фактором напряженности в мировой экономике и политике на весьма продолжительное время[5].

С другой стороны, значимые изменения отмечаются европейскими исследователями в отношении к Соединенным Штатам и Китаю. Большая часть граждан государств-членов ЕС считает, что

[5] С Россией – в другой манере. Чего ждать от Госдепа [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210205/bayden-1596058960.html (дата обращения 5 февраля 2021).

политическая система в США функционирует неэффективно и что именно Китай в долгосрочной перспективе станет мировым лидером в экономике, телекоммуникациях и высоких технологиях. Подобные представления формируют в европейской политико-экономической повестке запрос, с одной стороны, на более серьезную дискуссию с США по вопросам экономического и военного сотрудничества, а с другой стороны – запрос на нейтралитет Европы в потенциальных конфликтах США с Китаем или Россией[6]. Эта позиция все чаще прослеживается и в риторике официальных лиц, особенно по чувствительным для Евросоюза вопросам взаимодействия с Россией в области энергетики и торговли. Министр иностранных дел Германии Хайко Маас, выступая в Бундестаге, заявил, что необходимо задуматься о том, к чему приведет отказ от реализации проекта газопровода «Северный поток – 2». «Те, кто ставят "Северный поток – 2" под вопрос, должны учитывать, какие геостратегические последствия это будет иметь и что это будет означать с точки зрения влияния Европы на Россию», – сказал он. По словам главы МИД Германии, он выступает против того, чтобы «рушить мосты» с Россией: «Это не только неправильно, но и опасно»[7].

Изменение риторики – и в конечном счете эволюция позиции – Европы объясняется объективными экономическими факторами. Необходимо помнить, что на долю Китая приходится (по итогам 2019 г.) 19% европейского импорта (включая стратегически значимые энергетические товары) и 9% европейского экспорта. При этом на США, Китай и Россию в совокупности приходится около трети европейского экспорта и более трети европейского импорта (рис. 2). То есть от стабильности торгово-экономических отношений с этими тремя партнерами во многом зависит макроэкономическая стабильность ЕС в целом.

Для России и стран ЕАЭС, со своей стороны, торгово-экономические отношения с ЕС и Китаем также имеют первостепенную важность. По данным статистики ЕЭК по итогам 2019 г., 49% экспорта стран-членов ЕАЭС пришлось на Европейский союз, 14% экспорта – на Китай. Импорт осуществлялся в основном также из

[6] The crisis of American power: How Europeans see Biden's America [Электронный ресурс]. URL: https://ecfr.eu/publication/the-crisis-of-american-power-how-europeans-see-bidens-america/ (дата обращения 3 февраля 2021).

[7] Germany hopes for quick talks with U.S. about Nord Stream 2: minister [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/article/us-germany-nord-stream-2-maas-idUSKBN29K19Y (дата обращения 1 февраля 2021).

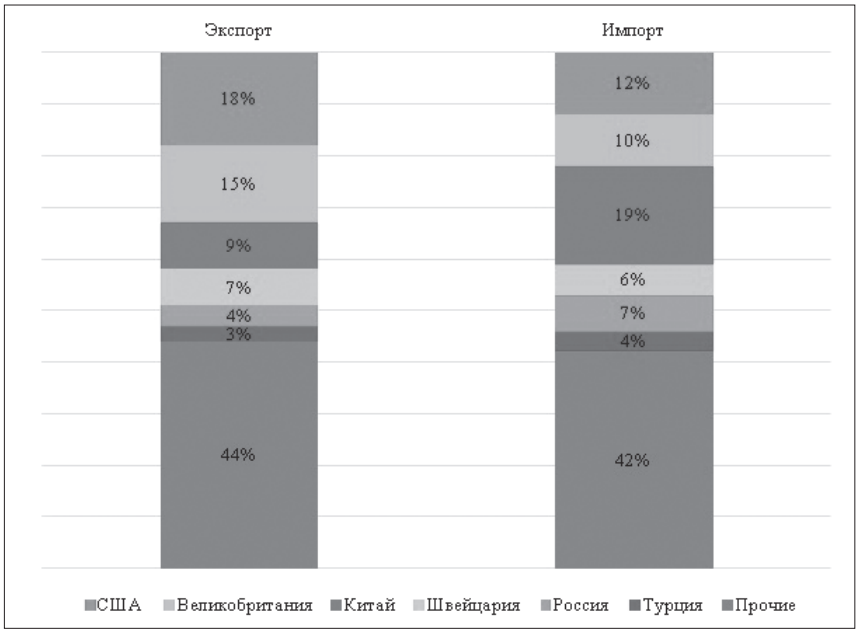

Рис. 2. Основные торговые партнеры ЕС в 2019 г.
(в долях от стоимостных объемов импорта и экспорта)
Источник: составлено по данным Евростата[8]

Европейского союза (38%) и Китая (24%)[9]. Предварительные данные за кризисный 2020 г. подтверждают сохранение аналогичной географической структуры внешней торговли ЕАЭС, несмотря на сокращение товарных и стоимостных объемов[10].

Для самого Китая в обострившемся соперничестве формируются при этом относительно благоприятные условия. В результате

[8] International trade in goods // Eurostat [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/International_trade_in_goods (дата обращения 15 января 2021).

[9] Об итогах внешней торговли товарами Евразийского экономического союза в 2019 г. // ЕЭК [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2020/Analytics_E_201912_180.pdf (дата обращения 23 декабря 2020).

[10] О внешней торговле товарами Евразийского экономического союза (январь–ноябрь 2020 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2020/Analytics_E_202011.pdf (дата обращения 21 января 2021).

кризиса подтвердилась более высокая эффективность и устойчивость азиатских экономик (и политических систем). Однако даже эффективно справившись с пандемией, китайская экономика не достигла в 2020 г. целевых ориентиров роста – в первую очередь из-за падения объемов экспорта, нарушения производственных и логистических цепочек. И, вероятно, единственным эффективным в долгосрочной перспективе решением для всех трех ключевых игроков Евразийского пространства будет реализация проектов общего экономического интереса: интеграционной модели ЕАЭС, сотрудничества по линии ШОС, развития китайской инициативы «Один пояс и один путь», создания транспортного коридора «Север – Юг», а также двустороннего сотрудничества отдельных государств и компаний [Дынкин, Телегина, Халова 2018]. И может оказаться, что именно нынешний кризис способен толкнуть всех к рациональной политике, нацеленной на общую выгоду, а не к дальнейшему разобщению. А для ЕАЭС и России в этих условиях как никогда становится важна роль надежного партнера в экономике, энергетике, торговле, связующего звена и моста между теряющими динамику экономического развития частями Евразии.

Литература

Дынкин, Телегина, Халова 2018 – *Дынкин А., Телегина Е., Халова Г.* Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 5–24.

Караганов 2021 – *Караганов С.* Очистительный кризис? // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 1. С. 9–20.

Халова, Иллерицкий 2020 – *Халова Г.О., Иллерицкий Н.И.* Перспективы международного экономического сотрудничества после кризиса 2020 года: пути к новому равновесию // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2020. № 3. С. 112–121. DOI: 10.28995/2073-6304-2020-3-112-121

References

Dynkin, A., Telegina, E. and Khalova, G., (2018), "The role of the Eurasian Economic Union in the formation of Great Eurasia", *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 4, pp. 5–24.

Karaganov, S., (2021), "A Cleansing crisis?", *Russia in Global Affairs,* vol. 19, no. 1, pp. 9–20.

Khalova, G.O. and Illeritskii, N.I. (2020), "Prospects for International economic cooperation after the crisis of 2020: the path to a new equilibrium", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 3, pp. 112–121, DOI: 10.28995/2073-6304-2020-3-112-121

Информация об авторах

Гюльнар О. Халова, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Москва, Ленинский пр., д. 65, khalovag@yandex.ru

Никита И. Иллерицкий, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23, illernick@yandex.ru

Information about the authors

Gul'nar O. Khalova, Dr. of Sci. (Economics), professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russia; bld. 65, Leninskii Avenue, Moscow, Russia, 119991; khalovag@yandex.ru

Nikita I. Illeritskii, junior researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997; illernick@yandex.ru

УДК 347.73
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-135-140

Правовая оценка федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»

Ольга А. Зыкова
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия, bubenova90@mail.ru

Аннотация. Нарастающий из года в год вопрос относительно привлечения частных инвестиций в российскую экономику повлек за собой разработку новых мер поддержки со стороны государства в отношении организаций, реализующих инвестиционный проект, которые также формируют за собой наиболее благоприятный инвестиционный климат страны. Данные преференции, заключающиеся в стабилизационной оговорке, содержатся в новом Федеральном законе от 01.04.2020 N 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». Однако на основании проведенного исследования делается вывод о наличии ряда правовых несовершенств, которые выражаются в ряде условий, несоблюдение которых влечет за собой недопустимость заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений между частным и публичным лицом. При этом данные положения настолько недостижимы, ущемляющие и лимитирующие, что обоснован будет вопрос о целесообразности анализируемого инвестиционного закона. Именно поэтому внесены предложения о корректировке норм, которая позволила бы расширить круг лиц, имеющих права на государственную поддержку, и тем самым приклепать их капитал в качестве инвестиций в отечественную экономику – то есть достичь поставленных изначально целей.

Ключевые слова: инвестирование, государственная поддержка, стабилизационная оговорка, приток капитала, поощрение капиталовложений, международное право

Для цитирования: *Зыкова О.А.* Правовая оценка федерального закона «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 135–140. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-135-140

© Зыкова О.А., 2021

Legal assessment of the Federal Law "On protection and promotion of capital investments in the Russian Federation"

Olga A. Zykova

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, bubenova90@mail.ru

Abstract. The growing issue of attracting private investment in the Russian economy from year to year gave rise to the development of new measures of support from the state in relation to organizations implementing an investment project, which also form the most favorable investment climate in the country. Such preferences, which consist in a stabilization clause, are contained in the new Federal Law No. 69-FZ of 01.04.2020 "On Protection and Promotion of Capital Investments in the Russian Federation". However, based on the conducted research, it is concluded that there are a number of legal imperfections, which are expressed in a number of conditions, non-compliance with which entails the inadmissibility of concluding an agreement on the protection and promotion of investment between a private and public person. At the same time, those provisions are so unattainable, infringing and limiting that the question of the expediency of the analyzed investment law will be justified. That is why proposals were made to adjust the rules, which would allow widening the range of persons entitled to state support and thereby attract their capital as an investment in the Russian economy – that is, to achieve the goals originally set.

Keywords: investment, state support, stabilization clause, capital inflows, encouragement of capital investments, international law

For citation: Zykova, O.A. (2021), "Legal assessment of the Federal Law 'On protection and promotion of capital investments in the Russian Federation'", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics. Management. Law" Series,* no. 2, pp. 135-140, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-135-140

01 апреля 2020 г. был публикован Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ)[1], закрепляющий новое средство поощрения инвестиционных вложений в России и тем самым выступающий очередным элементом национального плана по восстановлению отечественной экономики. Однако полагаем, что в условиях активного и нарастающего развития пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 [Лунгу 2020, с. 69–71], тревожащей в то время все мировое сообщество, данный нормативный акт остался без должного внимания со

[1] О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации: Федер. закон от 01.04.2020 N 69-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 14. (Ч. 1). Ст. 1999.

стороны организаций, реализующих инвестиционный проект, которые в свою очередь фактически могут воспользоваться преимущественными условиями, предписанными анализируемым источником права. Именно поэтому можно заметить, что правовая оценка Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ относится к числу актуальных, значимых и важных тем современности.

Итак, затрагивая основную концепцию рассматриваемого инвестиционного закона, можно указать, что согласно его положениям организация, реализующая инвестиционный проект, имеет право на заключение соглашения о защите и поощрении капиталовложений с одним или несколькими публично-правовыми образованиями, согласно которому последние гарантируют первой неприменение актов, ухудшающих реализацию инвестиционного проекта. В рамках российского правового поля данное условие носит название «стабилизационная оговорка» [Шевелева 2020, с. 48].

Безусловно, на первый взгляд создается впечатление наличия государственной поддержки для сектора бизнеса, осуществляющего инвестиционную деятельность, что позволяет увеличивать вложения в российскую экономику и пропорционально этому сокращать отток капитала из страны. Однако при более детальном рассмотрении всех условий, предусмотренных Федеральным законом от 01.04.2020 № 69-ФЗ, представляется возможным все же выделить ряд обстоятельств, при которых лицо, желающее воспользоваться национальными преференциями, не в состоянии это реализовать.

И первое, на что стоит обратить внимание, – это введение ограничений в части субъектов, которые могут выступать в роли компании, реализующей инвестиционный проект. В частности, согласно ст. 1, только лишь российское юридическое лицо может быть данной организацией. При этом упоминания про иностранных субъектов не отмечается. Именно поэтому полагаем, что не лишним будет также расширение возможностей филиалов иностранных лиц, успешно прошедших аккредитацию, напрямую (не посредством участия в российской компании) заключать соглашения со стабилизационной оговоркой. Можно предположить, что подобная корректировка в отношении национальной принадлежности компании, реализующей инвестиционный проект, позволит расширить объем вложений в российскую экономику со стороны иностранных субъектов. Справедливости ради нельзя не указать, что на сегодняшний день существует правовая защита иностранных инвесторов, предусмотренная ст. 9 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федера-

ции» (далее – Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ)[2], которая аналогично положениям анализируемого нормативного акта формирует гарантию для зарубежных инвесторов от применения норм, ухудшающих их положение. Однако подобная мера поддержки также допустима через участие иностранного субъекта в уставном (складочном) капитале российской организации.

Помимо этого нельзя не обратить внимание на ст. 4 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ, согласно которой деятельность иностранного инвестора подлежит регулированию теми же правовыми нормами, что и деятельность российского лица, и таким образом она не должна реализовываться на менее благоприятных условиях [Колокольчикова 2012, с. 48–49]. Полагаем, что нынешнее вышеуказанное разделение лиц, претендующих на статус «организация, реализующая инвестиционный проект», в зависимости от их государственной принадлежности напрямую указывает на несовершенство в виде правовых разногласий, которые, безусловно, требуют корректировки и устранения.

Очередной недоработкой Федерального закона от 01.04.2020 № 69-ФЗ является закрепленный список тех видов деятельности инвестиционного проекта, в отношении которых недопустимо применение стабилизационной оговорки. При этом весьма важно отметить, что к числу таких видов предпринимательства относятся, в частности, оптовая, розничная торговля, строительство (модернизация, реконструкция) административно-деловых центров и торговых центров (комплексов), а также жилых домов[3]. Можно заметить, что данные виды деятельности являются весьма распространенным бизнесом (в связи с постоянными нарастающими темпами спроса на потребительском рынке) в современных условиях глобализации и развития страны и, безусловно, также нуждаются в государственной поддержке. Именно поэтому полагаем необходимым пересмотреть тот перечень видов деятельности, в отношении которых инвестиционный проект не может реализовываться в рамках соглашения о защите и поощрении капиталовложений.

И в заключение нельзя не остановиться на тех «стоимостных порогах» инвестиционных вложений, переступая которые орга-

[2] Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: Федер. закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ // СЗ РФ. 1999 г. № 28. Ст. 3493.

[3] Официальный источник Федеральной службы государственной статистики. Опережающие индикаторы по видам экономической деятельности (2021) [Электронный ресурс]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/leading_indicators/ (дата обращения 18 января 2021).

низация, реализующая проект, может заключить соглашение с публичной стороной. Полагаем, что на сегодняшний день данные лимиты максимально завышены. Так, в качестве примера можно выделить следующее: для того чтобы Российская Федерация выступала гарантом для организации, реализующей проект, в части неизменности актов, предусматривающих увеличение ставок вывозных таможенных пошлин, у последней должен быть объем капиталовложения не менее десяти миллиардов рублей. Конечно, подобные суммы инвестиций достаточно крупные и внушительные и именно поэтому зачастую недостижимы для российских предпринимателей[4]. Тем самым разумным и обоснованным будет предложение по снижению ценовых пределов проектов, которое в свою очередь расширит круг лиц, желающих реализовать российский инвестиционный проект путем внесения капитала в страну.

Конечно, можно заметить, что Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ несет за собой исключительно положительное влияние в части привлечения капитала в страну, а также, наоборот – в части оттока отечественных инвестиционных вложений за рубеж. Данная ситуация обусловлена тем, что новый инвестиционный нормативный акт включает в себя новую меру государственной поддержки сектора бизнеса – возможность заключения соглашения о защите и поощрении капиталовложений между лицом, реализующим инвестиционный проект, и одним или несколькими публично-правовыми образованиями. Однако полагаем, что на сегодняшний день те ограничительные элементы, которые закреплены в рассматриваемом источнике права, сдерживают полноценную реализацию преференциальных положений. Думается, что законодатель не совсем справедливо проводит разграничение между лицами, осуществляющими инвестиционный проект, ставя их возможность воспользоваться государственным содействием в прямую зависимость от национальной принадлежности, от вида предпринимательской деятельности, а также от их реальной имущественной финансовой возможности. Полагаем, что разумным будет осуществление пересмотра и дальнейшей корректировки указанных выше положений, которые в свою очередь позволят российскому сектору бизнеса выбирать в качестве объекта инвестирования национальные проекты, а привлекать иностранные капиталы.

---

[4] Официальный сайт РБК Инвестиции (2021) [Электронный ресурс]. URL: https://quote.rbc.ru/?utm_source=topline (дата обращения 18 января 2021).

Литература

Колокольчикова 2012 – *Колокольчикова О.С.* Проблемы предоставления льгот иностранным инвесторам // Актуальные вопросы юридических наук: Материалы I Междунар. науч. конф. г. Челябинск. Челябинск, 2012. С. 48–50.

Лунгу 2020 – *Лунгу Е.В.* Пандемия COVID-19. Новый вызов конституционным правоотношениям // Правоприменение. 2020. № 4 (3). С. 69–75.

Шевелева 2020 – *Шевелева Н.А.* Налогово-правовые механизмы государственной поддержки предпринимательства в современных условиях // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11 (120). С. 36–50.

References

Kolokolchikova, O.S. (2012), "Issues of granting benefits to foreign investors", *Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk: Materialy I Mezhdunar. nauch. konf. g. Chelyabinsk* [Current issues of legal sciences. Proceedings of the I International Scientific Conference], Chelyabinsk, Russia.

Lungu, E.V. (2020), "COVID-19 pandemic. New challenge for constitutional relations", *Law enforcement review*, vol. 4, no. 3, pp. 69–75.

Sheveleva, N. A. (2020), "Tax law mechanisms of state support for entrepreneurship under modern conditions", *Actual problems of Russian law*, no. 11 (120). pp. 36–50.

Информация об авторе

Ольга А. Зыкова, соискатель, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия; 630090, Россия, Новосибирск, Пирогова ул., д. 1; bubenova90@mail.ru

Information about the author

Olga A. Zykova, applicant, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; bld. 1, Pirogova Street, Novosibirsk, Russia, 630090; bubenova90@mail.ru

УДК 338.24
DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-141-144

Актуальные проблемы управления России в контексте седьмых «Сперанских чтений», проходивших в Российском государственном гуманитарном университете 19 ноября 2020 г.

Ирина Ю. Молодова

Российский государственный социальный университет
Москва, Россия, iri-molodova@yandex.ru

Аннотация. Проведение конференции «Сперанские чтения» стало традицией в Институте экономики, управления и права РГГУ. Тематика конференции посвящена актуальным проблемам управления в современной России. Ее отличительной чертой является междисциплинарный научный подход, затрагивающий экономические проблемы и тесно связанные с ними проблемы управления, юриспруденции, истории, философии, интеллектуалогии, социологии, политологии и т. д.

Ключевые слова: Сперанские чтения, цифровая экономика, современные проблемы управления, стратегия развития, наука

Для цитирования: Молодова И.Ю. Актуальные проблемы управления России в контексте седьмых «Сперанских чтений», проходивших в Российском государственном гуманитарном университете 19 ноября 2020 г. // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2021. № 2. С. 141–144. DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-141-144

Current issues of the Russia governance in the context of the seventh “Speransky conference” held at the Russian State University for the Humanities on November 19, 2020

Irina Yu. Molodova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, iri-molodova@yandex.ru

Abstract. Holding the Speransky conference [Speranskie Chteniya] has become a tradition at the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State Humanitarian University. The topic of the conference is devoted to current issues of management in modern Russia. Its distinctive feature is an

© Молодова И.Ю., 2020

interdisciplinary scientific approach that addresses economic issues and closely related to them those of the management, jurisprudence, history, philosophy, intellectualology, sociology, political science etc.

Keywords: Speransky conference [Speranskie Chteniya], digital economy, modern management issues, development strategy, science

For citation: Molodova, I.Yu. (2021), "Current issues of the Russia n governance in the context of the seventh 'Speransky onference' held at the Russian State University for the Humanities on November 19, 2020", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics, Management, Law" Series,* no. 2, pp. 141-144, DOI: 10.28995/2073-6304-2021-2-141-144

19 ноября 2020 г. в РГГУ прошла очередная всероссийская научная конференция VII Сперанские чтения: «Актуальные проблемы управления в условиях цифровой экономики России».

Проведение конференции «Сперанские чтения» стало традицией в Институте экономики, управления и права РГГУ.

Тематика конференции, как и в предыдущие годы, была посвящена актуальным проблемам управления в современной России. Ее отличительной чертой всегда являлся междисциплинарный научный подход, затрагивающий не только экономические проблемы, но и тесно связанные с ними проблемы управления, юриспруденции, истории, философии, интеллектуалогии, социологии, политологии и т. д.

Конференция проводилась в смешанном формате, согласно которому участники, соблюдая рекомендации Роспотребнадзора, имели возможность или присутствовать на конференции очно или подключиться через Интернет удаленно при помощи системы Zoom.

Конференцию открыла и обратилась с приветственным словом к участникам проректор по учебной работе РГГУ, доктор экономических наук, профессор Н.И. Архипова. Она отметила, что, несмотря на сложные условия и большие ограничения, связанные с эпидемией COVID-19, университет в целом успешно продолжает свою работу по всем направлениям, в том числе и в рамках научной деятельности, свидетельством чему является настоящая конференция. Подчеркнула, что участвовать в работе пленарного заседания конференции дали согласие видные специалисты в своих областях.

Также была выражена уверенность в том, что вынесенные на обсуждение проблемы и пути их решения окажутся актуальными и полезными не только для сегодняшнего дня, но и для обоснования направлений эффективного развития экономики и системы управления в России в перспективе.

На пленарном заседании конференции свои доклады представили такие известные ученые и практики, как:

– В.А. Волох, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», действительный член (академик) Академии политической науки, действительный член (академик) Академии изучения проблем национальной безопасности («Оптимизация миграционной политики России в условиях пандемии»);
– Е.Е. Майорова, директор Департамента торговых переговоров Министерства экономического развития Российской Федерации («Цифровые технологии в электронной торговле России»);
– В.В. Водянова, доктор экономических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Центра экономико-математической методологии Автономная некоммерческая организация «Национальный институт развития» («Цифровизация в России как предпосылка качественного изменения социально-экономической системы»);
– Т.А. Дерикова, директор по развитию издательских проектов издательства «ИНФРА-М» («Цифровые технологии в издательском деле»);
– Б.Б. Леонтьев, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН и МАГИ, член-корреспондент Инженерной академии наук им. А.М. Прохорова, генеральный директор Федерального института сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса, председатель подкомитета по экономике интеллектуальной собственности Комитета по интеллектуальной собственности Торгово-промышленной палаты РФ, эксперт Всемирной организации интеллектуальной собственности ВОИС (WIPO), президент Клуба интеллектуалов России («Интеллектуальная природа. Интеллектуалогия. Системное мышление. Законы интеллектуальной природы»);
– А.С. Харланов, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России («Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации»);
– О.В. Морозенкова, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра международной макроэкономики и внешнеэкономических связей Института экономики Российской академии наук («Развитие розничного on-line экспорта из России в условиях цифровизации»).

Хотя тематика докладов была разнообразной, но все они были посвящены поиску путей повышения эффективности системы управления в России в современных условиях при стремительном развитии цифровых технологий, которые приводят к становлению новой информационной инфраструктуры и новых правил регулирования, в том числе и государственного.

Большой интерес вызвал доклад Т.А. Дериковой, посвященный цифровым технологиям в издательском деле, подготовленный на примере крупнейшего в России издательства деловой литературы «Инфра-М».

После окончания пленарного заседания работа конференции была перенесена на дистанционной основе в следующие тематические секции:

– Формирование современной цифровой инфраструктуры;
– Цифровые технологии экономики и предпринимательства в России.

Обсуждение докладов и сообщений участников «Сперанских чтений» было активно продолжено и завершено в Интернете.

Информация об авторе

Ирина Ю. Молодова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iri-molodova@yandex.ru

Information about the author

Irina Yu. Molodova, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; iri-molodova@yandex.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова
Корректор
А.А. Леонтьева
Компьютерная верстка
Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 22.06.2021.
Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 7,9. Усл. печ. л. 9,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1229

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru